

А.Ю. Иванов

«ХОЗЯИН МОРЕЙ» И БИТВА ЗА АМЕРИКУ

HISTORY
FILES

Annotation

Французская революция и войны конца XVIII — начала XIX века изменили политическую карту Европы и привели к большим переменам на других континентах. Захват Наполеоном Испании и Португалии нанес разрушительные удары по колониальным империям и вызвал подъем национально-освободительного движения народов Латинской Америки. Активнейшим участником и одним из лидеров вооруженной борьбы за освобождение южноамериканских стран от испанского и португальского владычества стал британский моряк Томас Кохрейн, ранее прославившийся в войнах против Франции. Лорд Кохрейн прожил необыкновенную и полную приключений жизнь, а его военные подвиги поражали свидетелей и современников и продолжают волновать любителей истории.

- [А.Ю. ИВАНОВ](#)
 - [ТОМАС КОХРЕЙН И ВОЙНА ПО-АНГЛИЙСКИ](#)
 - [БИТВА БЕЗ НАЗВАНИЯ](#)
 - [ПАРЛАМЕНТАРИЙ](#)
 - [ЛЮБОВЬ ВСЕЙ ЖИЗНИ](#)
 - [АНГЛИЙСКИЙ ДЕТЕКТИВ](#)
 - [ЧИЛИ, ПЕРУ, БРАЗИЛИЯ](#)
 - [ДЕЛО БАЙРОНА И КОХРЕЙНА](#)
 - [ДОБРОЕ ИМЯ](#)
 - [ЧЕЛОВЕК ДЕЙСТВИЯ](#)
 - [ХРОНОЛОГИЯ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТОМАСА КОХРЕЙНА](#)
 - [СПИСОК ИМЕН](#)
 - [КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)

- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)

- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)

- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)

- [117](#)
 - [118](#)
 - [119](#)
 - [120](#)
-

А.Ю. ИВАНОВ

**«ХОЗЯИН МОРЕЙ» И БИТВА ЗА
АМЕРИКУ**

ТОМАС КОХРЕЙН И ВОЙНА ПО-АНГЛИЙСКИ

Томас, лорд Кохрейн. Освободитель Южной Америки, чье имя стоит рядом с именами Симона Боливара, Бернардо О'Хиггинса, Хосе де Сан-Мартина. Гроза французов и испанцев, о подвигах которого было хорошо известно Наполеону. Радикальный политик, член парламента, видный технический изобретатель.

Долгое время он был в стороне от важнейших событий эпохи. Затем настал его звездный час, и он сыграл свою историческую роль. Он познал великую славу, пережил крайнее унижение и вновь поднялся на вершину. О нем написаны художественные произведения и сняты кинофильмы, но его жизнь ярче любого вымысла.

Томас Кохрейн родился 14 декабря 1775 года и провел детские годы в семейном поместье Кулросс Эбби Хауз, что в Шотландии. Оно расположено в живописнейшем месте, на берегу залива Фёрт-оф-Форт.

Отец Томаса — Арчибальд Кохрейн, 9-й граф Дандональд — служил в армии и во флоте, а затем стал техническим изобретателем. Мать умерла, когда сыну было неполных девять лет. Воспитанием Томаса занялась бабушка, добрая и энергичная женщина. Мальчик с умными, выразительными глазами, длинными и ниспадавшими на лоб красивыми волосами рыжего и песочного цвета любил игры и приключения. Он взбирался на деревья, спускался в заброшенную угольную шахту в поисках птичьих гнезд и плавал на лодке по водам залива, используя простыни, как паруса.

Отец тратил много денег на технические проекты, однако его предприятия не окупались. В то же время он пожалел средств на образование своих детей и не направил их учиться в Эдинбург. Бабушка пригласила местных педагогов, и таким образом Томас Кохрейн получил начальное образование.

В возрасте сорока лет отец женился во второй раз, а двух детей — Томаса и Басила — направил учиться в Лондон. Мальчики поступили в военную академию, расположенную в Кенсингтон Сквер. Томас невзлюбил военные упражнения и ненавидел форму, которую его заставили носить. Он хотел стать моряком, однако отец игнорировал

настойчивые просьбы юноши и выбрал для него пехотный полк — будущее место службы. Томас вернулся домой и сказал отцу о своем желании отправиться в плавание вместе со своим дядей Александром Кохрейном. Отец заявил, что сын должен подчиниться его воле. Томас не пошел служить в полк и занялся домашним самообразованием, готовя себя к морскому поприщу.

Отец продолжал технические эксперименты и ради этого в течение ряда лет заимствовал денежные средства. Кредиторы потеряли терпение и потребовали возврата долгов. Граф Дандональд был вынужден выставить поместье Кулросс на продажу.

Томас решил стать самостоятельным человеком, и отец больше не возражал против морской карьеры сына. Летом 1793 года несостоявшийся солдат направился в Ширнесс, портовый город в графстве Кент, где бросил якорь корабль под командованием капитана Александра Кохрейна.

Революционная Франция объявила войну Англии 1 февраля 1793 года. В этот исторический момент во главе правительства Великобритании стоял тридцатитрехлетний Уильям Питт Младший — сын Уильяма Питта Старшего, первого графа Чатама, выдающегося политика своего времени, великого военного вождя и главного организатора победы англичан в Семилетней войне. Наследник дела отца стал членом палаты общин в возрасте двадцати одного года и главой правительства страны — в двадцать четыре.

Лорд Розбери, премьер-министр Великобритании в конце XIX века, писал о молодом Питте:

«Он вошел в палату общин, как наследник входит в свой дом; там он дышал воздухом, который был для него родным, и никаким другим ему дышать не приходилось; в детской комнате, в которой он готовил уроки, в школьном классе, в университете он жил в своей температуре; это было, так сказать, подогнано под него, оставлено в наследство неоспоримым главой семьи. Всю жизнь, от колыбели до могилы, он, можно сказать, не знал бытия более широкого. Предметы и развлечения, которые другие люди ищут тысячей способов, — все они были сконцентрированы для него здесь. Это была его любовница, его конюшня, его стаканчик, из которого бросают игральные кости, его охотничий заповедник; это был предмет его желаний, его библиотека, его символ веры. Для этого, и только для этого виртуозный Чатам

обучал его с самого рождения. Молодой Ганнибал не был столь торжественно предан своей стране, как Питт парламенту.

Он был предназначен... к тому, чтобы занять превосходную, но изолированную позицию, для которой требуется в первую очередь самоконтроль; и, за надменной маской власти, он почти скрывал более мягкие ощущения своих ранних лет... С того времени, когда он пошел в Кембридж четырнадцатилетним мальчиком вместе с гувернером и няней, вплоть до последнего года жизни, когда судьба безжалостно давила умиравшего человека, он, за исключением одного короткого промежутка, казалось, оставил позади молодость и веселье»^[1].

Король Георг III — интеллигентный, энергичный и честный человек — доверил Пипу судьбу Великобритании, которая считала себя мировым лидером, и защищал своего премьер-министра от яростных атак оппозиции.

Граф Чатам был франкофобом, а сын считал, что мысль, будто какой-либо народ может быть естественным и вечным врагом другого народа, есть мысль совершенно ребяческая. Уильям Питт Младший не обращал внимания на обвинения в «измене делу отца» и последовательно проводил политику «новых тори». Ее сутью было всемерное поощрение развития промышленности и торговли. Опираясь на этот базис, Питт будет руководить кабинетом в течение семнадцати лет, без единого перерыва.

Премьер-министр в первую очередь заботился о внутренних делах и укреплял финансы империи, но ему удалось и такие важные начинания, как установление контроля над управлением Индией и торговый договор с Францией, который в числе прочего предусматривал отмену паспортов при переезде из одной страны в другую. Это соглашение было подписано за два года до начала Французской революции. Однако и его инициативы порой терпели фиаско. Питт предлагал парламентскую реформу, свободную торговлю Великобритании с Ирландией, отмену работоторговли, но не получил необходимой поддержки.

Политики на берегах Темзы по-разному реагировали на события во Франции, начавшиеся в 1789 году. Для либерала Чарльза Джеймса Фокса взятие Бастилии стало «величайшим из когда-либо происходивших в мире событий»^[2], и, безусловно, лучшим из них.

Эдмунд Бёрк отнесся к революции крайне отрицательно и написал свои «Размышления»^[3].

Питт, узнав о взятии Бастилии, дал сдержанную и в целом позитивную оценку событий: «Эта сцена служит дополнением картины общей нужды и делает Францию объектом симпатии даже для врага»^[4].

Он не помог правительству Франции в критический момент. Неккер, в 1788 году поставленный Людовиком XVI во главе министерства и призванный исправить тяжелую ситуацию, грозившую социальным взрывом, обратился к Пипу с просьбой продать Франции 20 000 мешков зерна. Премьер-министр Великобритании отказал ему по чисто экономическим причинам: Питт опасался того, что крупные поставки зерна за рубеж отрицательно скажутся на внутреннем рынке Англии.

На самом деле Великобритания имела запасы зерна, и Питт мог оказать помощь. В течение ряда лет он говорил о развитии дружественных отношений между двумя странами, но когда эти заявления следовало подкрепить практическими действиями, Питт ничего не предпринял. У него был формальный повод для отказа: по закону экспорт пшеницы или муки был запрещен, если цена пшеницы достигала определенного этим законом уровня, а к тому времени она его превысила. Вместе с тем красноречие Питта, безусловно, помогло бы ему убедить членов парламента в политической необходимости помощи соседней стране. Премьер-министр поступил осторожно, думая в первую очередь о внутренней (лабильности и зная о том, что урожай 1788 года в Великобритании тоже был плохим.

Разовая поставка зерна вряд ли помогла бы Франции избежать ее бед, однако отказ Питта оказал неблагоприятное психологическое воздействие на французов и нанес большой ущерб его репутации: больше никогда его не будут рассматривать как друга.

Франция оказалась во власти насилия. Дворяне, священники, офицеры армии, флота и представители интеллигенции бежали из страны, находя убежище в странах континента и в Англии, но Питт считал все происходившее внутренним делом Франции. В октябре 1790 года он написал:

«Эта страна [Великобритания] стойко держится нейтралитета, который до сих пор добросовестно соблюдается с уважением к

внутренним спорам, происходящим во Франции, и от которого она никогда не откажется, если поведение другой страны не вызовет необходимости совершения акта самозащиты... Мы искренне желаем сохранения мира, общего улучшения дружественных отношений и взаимопонимания между двумя народами»^[5].

Проходит еще три месяца, и настроение Питта по-прежнему удивительно безмятежное:

«Бесспорно, что в истории этой страны впервые наступило время, когда ситуация в Европе такова, что мы можем с уверенностью ожидать пятнадцати лет мира»^[6].

Это заявление — самое странное и самое близорукое из всех, когда-либо сделанных Питтом. К тому времени он находился в кресле премьер-министра уже семь лет и неуклонно вел страну по пути экономического процветания, избегая прямого участия Великобритании в войнах.

В 1792 году во Франции пала монархия и была провозглашена республика. Король и члены его семьи были брошены в тюрьму. Европейские державы вели войну против Франции.

Революционные события начали сказываться на положении внутри Англии. Появились признаки нестабильности, неурожай 1791 года вызвал народные волнения. Питт продолжал делать ставку на мир и процветание, считая эти факторы лучшими средствами сохранения покоя.

В ноябре 1792 года лорд Гренвилл, министр иностранных дел Великобритании и «правая рука» Питта, заявил:

«...Мы ничего не будем делать... Все мои амбиции связаны с тем, что некоторое время спустя... я буду чувствовать неопишное удовлетворение оттого, что смогу... сказать себе: я внес вклад в то, что моя страна по меньшей мере немного дольше избегала всевозможных бед которые нас окружают. Я все более и более убеждаюсь в том, что это можно сделать, лишь оставаясь в стороне, — полностью и совершенно»^[7].

Через неделю после выступления Гренвилла Питт сказал:

«Возможно, нам представится удобный случай для того, чтобы внести свой вклад в прекращение войны между различными державами Европы, предоставляя Франции возможность управиться с

ее внутренними делами так, как она сможет (что, я полагаю, самое лучшее)»^[8].

Питт хотел, чтобы Франция ограничилась своими внутренними делами, да только Франция этого не хотела! В ноябре и декабре 1792 года власти республики приняли декреты о содействии всем народам, которые поднимаются на борьбу со своими правительствами, и об увеличении территории Франции за счет оккупированных ее армиями земель.

Новые лидеры Франции считали, что их модель организации власти является совершенной и подходит для других народов. В Париж приехала группа английских радикалов. Французские политики тепло приветствовали делегацию и выразили надежду на то, что скоро смогут поздравить своих зарубежных товарищей с открытием Национальной ассамблеи Англии.

В 1792 году Питт воевать не собирался. В феврале он сократил численность военных моряков с 18 000 до 16 000, прекратил субсидии гессенским наемникам и урезал ассигнования на содержание армии. Только к концу года он вынужден был увеличить расходы на содержании милиции.

21 января 1793 года в Париже был казнен король Людовик XVI. 1 февраля Франция объявила англичанам войну, и Национальный Конвент призвал народ Британии подняться на борьбу с угнетателями. Стало ясно, что Питт и его министры неправильно оценивали ситуацию и не подготовились к неизбежному конфликту.

Лорд Розбери предложил такую оценку событий:

«Когда глаза всей Европы были прикованы к Парижу, Питт нарочито отводил свой взгляд. Он был глух к пронзительным крикам гнева и паники, издаваемым во время общественных потрясений во Франции. Он твердо решил возделывать собственный сад (как говорил Кандид) и игнорировать все другое. Позволить Франции урегулировать внутренние дела по ее выбору было его неизменным принципом. Странно читать бедные событиями отчеты о времени с июля 1789 года по январь 1793 года (отчеты о ровных годах, годах процветания Англии) и сопоставлять их с тогдашним напряжением и беспорядками в Европе.

Никакой английский министр никогда не может хотеть войны. Даже если не брать в расчет опасности для нашей конституции и

нашей коммерции (одно неотделимо от другого), то его собственному положению может быть нанесен чувствительный ущерб... успех принесет ему мало славы, а в случае неудачи он станет первым козлом отпущения. Он также должен столкнуться не с героическим волнением битвы, а с местной нуждой и несогласием, тяжелым бременем налогов, он должен приносить жертвы, которые никто не оценит, — и все это следствия войны. Если сказанное верно в отношении любого министра, то оно в гораздо большей степени верно в отношении Питта. Задачи, сформулированные им, — поднять нацию, опустошенную Американской войной; оздоровить финансы; усилить посредством реформы основы конституции, укрепить узы, связывающие империю, посредством либеральной политики в отношении Ирландии. В этот самый момент он обдумывает, как нам говорили, широчайшее применение принципов свободной торговли — открытие наших портов и увеличение доходов за счет внутреннего налогообложения...

Весь его энтузиазм был связан с миром, экономией и реформой; он понимал трудности активного вмешательства в дела Европы; в нем не было ни капли странной веры некоторых видных государственных деятелей в то, что они являются видными генералами, но в нем жило бесконечно сильное сознание того, что он способен удовлетворить реальные потребности страны. Если бы у него была возможность проводить собственную политику, если бы только Франция оставила его наедине с этим или даже просто дала бы лазейку для того, чтобы не участвовать [в войне], то он стал бы величайшим министром, которого Англия когда-либо имела. Но случилось так, что он оказался обреченным всю оставшуюся жизнь блуждать во мраке и смятении, спасая величественное здание финансов от разрушения и выискивая фонды для неспособных генералов и иностранных государственных деятелей, более способных, нежели честных, тем самым откладывая и даже совсем останавливая все задуманные реформы.

Нет человеческого существа, для которого война была бы большим проклятием, чем для Питта, он ненавидел ее в высшей степени и всячески избегал»^[9].

Уильям Питт Младший и его предшественники добились впечатляющих экономических успехов, и потеря североамериканских колоний несущественно повлияла на общую картину роста

национального богатства. Великобритания завершила аграрную революцию и делала уверенные шаги по пути модернизации промышленности. Имея самый мощный в мире военный флот и многочисленные коммерческие суда, плотность которых в зонах оживленной торговли поражала современников, получая из колоний дешевое сырье, в первую очередь хлопок и сахар, развивая машинное производство и строя шоссейные дороги и каналы, Великобритания оставила далеко позади великие державы Европейского континента. Главное внимание Питт уделял экономике, гражданскому обществу, свободе прессы.

Началась война, и приоритетом Питта стала защита территории Англии от возможного вторжения французов. Хотя поначалу бросок французской армии через пролив казался маловероятным, правительство все же приняло необходимые оборонительные меры.

Британские вооруженные силы были реорганизованы. Численно они значительно уступали французским войскам, но Питт был уверен в том, что английская армия способна победить любого противника и сможет добиться быстрого и решительного успеха. Его не смущала большая численность вражеских войск. Он знал, что Франция ослаблена террором и борьбой партий.

Великобритания объявила войну Франции. В начавшейся борьбе Питт рассчитывал на союзников — Австрию, Россию и Пруссию.

Шла война первой антифранцузской коалиции европейских держав, в которую входили Великобритания, Испания, Голландия, Австрия. За двадцать лет вооруженных конфликтов с Францией подобных коалиций будет семь.

Англичане предприняли энергичные действия у себя дома и в разных частях земного шара. 11 февраля парламент Великобритании принял решение о снаряжении дополнительного количества моряков (16 000) и морских пехотинцев (4000). Британцы захватили Тобаго. 25 марта был подписан англо-российский договор, по которому Россия предоставляла двенадцать линейных кораблей^[10] и шесть фрегатов в помощь британскому флоту. В апреле англичане атаковали Мартинику, Сан-Доминго, Пондишери (Индия), Микелон (у Ньюфаундленда), а 26 ноября началась новая экспедиция в Вест-Индию,

Время революций и вооруженных конфликтов предоставляет способным и талантливым людям огромные возможности проявить

себя в военной и политической сферах. Великими героями эпохи станут три совершенно непохожих друг на друга британских моряка — Горацио Нельсон, сэр Уильям Сидней Смит и Томас Кохрейн. Позднее Кохрейна будут сравнивать с Нельсоном и даже называть его вторым Нельсоном, но это сопоставление вряд ли корректно. Каждый из трех героев имел свое амплуа, их карьеры и судьбы совершенно различны, и каждый шел своим исключительным путем. Пожалуй, они имели лишь две общие черты характера — беззаветная храбрость и отсутствие склонности к подчинению начальству. В остальном они не похожи друг на друга. Горацио Нельсон сделал карьеру капитана и вырос до великого флотоводца. Сэр Сидней Смит стал непревзойденным мастером выполнения специальных заданий, и в некоторые предприятия он пускался исключительно по собственной инициативе. Кохрейн проявит себя в качестве величайшего и неистощимого на выдумку организатора иррегулярных морских и наземных операций.

Семнадцатилетний Томас начинал свою необычайную карьеру. 28-пушечный фрегат простоял на верфи три месяца, и юный моряк имел все возможности детально изучить корабль и его оснастку. Дядю назначили капитаном 38-пушечного фрегата, и племянник принял непосредственное участие в демонтаже старого судна и подготовке нового корабля к плаванию. Перед выходом в море Томас отлично ориентировался в обстановке и хорошо знал материальную часть.

Фрегат под командованием капитана Александра Кохрейна вышел в море 27 ноября. Проведя некоторое время в водах Норвегии, судно было направлено в Северную Америку в составе эскадры адмирала Джорджа Мюррея. Следующие четыре года Томас Кохрейн провел в американских водах. Корабли эскадры защищали британские торговые суда и рыбаков от вражеского нападения. Лорд Кохрейн стал участником боевых действий малого масштаба и совершенствовал свое мастерство.

Связи отца сыграли огромную роль в продвижении юного Томаса по служебной лестнице. Он поздно ступил на борт корабля, однако быстро прошел путь от матроса до лейтенанта.

Джорджа Мюррея сменил адмирал Вандепут, и вскоре Томас Кохрейн был назначен лейтенантом 74-пушечного флагманского корабля *Резолюшн*. Это было двухпалубное судно с экипажем более

500 человек. Кохрейн мог наслаждаться комфортными условиями жизни на корабле, однако он жаждал действия. Молодой лейтенант тяготился скучной жизнью в американских водах.

Судно долго стояло на якоре, и моряки ходили в экспедиции. Они охотились в лесах Вирджинии и делили трапезу с местными жителями. Кохрейн увидел рабов на плантациях и был потрясен условиями их жизни. Он выразил свои чувства в письме к отцу. Кохрейн и его товарищи встретили чернокожего мужчину, проработавшего на мельнице 47 лет, и дали ему одеяло и несколько долларов. Мужчина был очень рад и расплакался.

Кохрейн вернулся в Англию на фрегате своего дяди в ноябре 1798 года. Во время его отсутствия происходили бурные события, изменившие политическую карту Европы. Франция неизменно побеждала своих врагов на суше, но терпела поражения в крупных морских баталиях. Она в одиночку сражалась против всех ведущих держав Европы, но ее правительству удалось поставить нацию под ружье. Это было невиданное явление в истории — против наемных армий сражался вооруженный народ, а его вожди разжигали пожар мировой революции.

Численность населения Франции вдвое превышала численность населения Великобритании. Хорошо осознавая эту реальность, правительство Англии еще в былые времена разработало концепцию «войны по-английски». Она сводилась к тому, что не нужно посылать на континент сухопутные армии, но следует помогать своим европейским союзникам деньгами и силами военно-морского флота.

Впервые за много лет английский Кабинет министров изменил этой концепции. Жребий был брошен. Экспедиционные отряды пересекали пролив и начали операции в Голландии, на севере Франции и в Бельгии.

Питт не мог посылать сухопутные войска повсюду — на север и на юг. Общественное мнение Великобритании было против войны. Не были готовы к ней и английские солдаты, о чем говорил Питту герцог Ричмонд. Питт ответил, что сможет представить экспедицию в Дюнкерк как ограниченную операцию, необходимую для защиты портов и морских коммуникаций.

А в это время на юге Франции происходили события, некоторым участникам которых суждено было стать великими героями эпохи.

Портовый город Тулон стал центром контрреволюционного восстания. Его жители были доведены до отчаяния террором и репрессиями властей.

Чаша терпения людей переполнилась, и комиссары Конвента были изгнаны из города. Тулонцы нашли защиту у британских моряков Средиземноморского флота. Корабли адмирала Худа и испанские суда вошли в порт, но у англичан не было иных сил, кроме корабельных команд и небольшого числа пехотинцев. Им помогали союзники, а вскоре Горацио Нельсон, капитан 64-пушечного линейного корабля *Агамемнон*, доставил в город несколько тысяч неаполитанских солдат.

Возникла ситуация, которая могла стать поворотным моментом всей истории войны между Англией и Францией. Парижская власть была репрессивной и слабой, и в столице постоянно происходили восстания и перевороты. Тем не менее народ Франции продолжал защищать родину, невзирая на характер политического режима.

Республике со всех сторон угрожали опасности — с севера (из Германии и Бельгии), с юга (из Испании и со стороны Средиземного моря), с востока (из Италии) и с запада, где полыхало контрреволюционное восстание в Вандее.

Могли ли армии коалиции взять Париж в 1793 году? Глядя на каргу Франции в том грозном и памятном году, что должен был предпринять Питт? Вероятно, его отец, граф Чатам, нашел бы эффективное военное решение. Тогда, три десятилетия назад, англичане громили французов в Канаде и Индии. Чатам умел концентрировать силы на важнейших направлениях.

Республиканские армии одержали значимые победы на севере, и здесь французы были наиболее сильны. В Бельгии, Голландии и Германии действовали лучшие полководцы, которые составили славу республики, а затем и империи.

Уильям Питт Младший начал свои кампании с посылки отряда численностью 1500 человек, которые высадились в Голландии в феврале 1793 года. Затем прибывали подкрепления, которые наступали на Дюнкерк. Свидетели писали, что британские воины, солдаты юного и среднего возраста, выпивали изрядное количество спиртного, ужасно ругались и в целом отличались низкой дисциплиной. Они были легко одеты и много болели.

Главнокомандующий, тридцатилетний герцог Йоркский, второй сын короля Георга III и бездарный полководец, пригласил Питта и госсекретаря Генри Дандаса на континент, чтобы те воочию наблюдали за успехами британских армий, как будто бы это были показательные учения. Министры благоразумно отказались.

Герцог Йоркский, который был полным человеком с лицом красного цвета, предпринял решительную атаку 6 сентября. Он был отброшен, потеряв 10 000 солдат. Первое сражение новой войны обернулось катастрофой.

Мысленно перенесемся на юг. Питт старался сконцентрировать силы. Он был в приподнятом настроении и говорил, что окончательный успех в войне близок.

Британский премьер-министр был блестящим математиком. На бумаге у него получалось, что тулонская группировка союзников вскоре увеличится до 34 000 бойцов, а в 1794 году на юге Франции должны были воевать уже 60 000 солдат. Он посчитал англичан и ирландцев, гессенцев, перебрасываемых из Фландерса, австрийцев из Северной Италии, неаполитанцев, испанцев, а также пьемонтцев. На деле в Тулоне никогда не было больше, чем 13 000 солдат.

Австрийцы вовсе не считали взятие Тулона важным военным фактором и планировали развернуть наступление на Париж с севера. К тому времени Австрия имела 93 000 солдат в Нидерландах, 38 000 на Рейне, Пруссия выставила 46 000 бойцов. У Великобритании было 22 000 солдат на континенте, включая наемников, — значительно меньше, чем у союзных держав. На этом основании австрийцы считали, что Англия не имеет права на лидерство, и не соглашались выполнять планы, разработанные в Лондоне.

Уильям Питт не был богатым человеком, однако французы придумали словосочетание «золото Питта», которое будет часто употребляться во время войны с Англией. Золото Питта — это и британские субсидии врагам Франции, и взятки, которые англичане давали французским чиновникам. Конвент объявил Питта врагом человечества.

Премьер-министр спокойно перенес поражение при Дюнкерке, сохраняя свой обычный оптимизм. Новость о взятии Тулона подняла настроение британских министров. Был дан торжественный ужин, участники которого поедали морских черепах и пили красное вино.

Три человека в правительстве Великобритании вели дела, связанные с войной: Питт, Генри Дандас, государственный секретарь по внутренним делам, и Уильям Гренвилл, государственный секретарь по иностранным делам.

Великобритания вступила в войну, имея самую стабильную в мире валюту и профицит бюджета. На этом фоне Франция смотрелась просто жалко. Республика была финансовым банкротом, и Питт считал, что скоро она станет банкротом политическим.

Вопреки этим прогнозам энтузиазм революционных армий творил чудеса. К ноябрю 1793 года австрийцы были изгнаны с французской территории на севере страны, а ситуация в Тулоне стала критической. Здесь впервые проявил себя Наполеон Бонапарт, составивший план взятия города и принявший активнейшее участие в его реализации.

30 000 французов, голодных и полураздетых, атаковали армию союзников численностью 12 000 солдат, из которых англичан было лишь 2000. Масштаб события вовсе не выглядит грандиозным, однако поражение стало исключительно болезненным для Англии и лично для Уильяма Питта. Премьер-министр ждал известий о победах и не знал о том, что лорд Худ уже отдал приказ об эвакуации. На британские суда были приняты 15 000 человек, спасавшихся от расправы революционных властей. В возникшей панике и неразберихе множество людей утонули.

Когда положение англичан стало безнадежным, в водах Тулона появился сэр Сидней Смит. Он прибыл на приобретенном им в Смирне судне *Swallow* (Ласточка) и вызвался нанести максимальный урон противнику, уничтожив арсенал и корабли французов. Это первая операция подобного рода во время войны, которая продлится с 1793-го по 1815 год, с двумя перерывами (1802 — 1803 и 1814 — 1815). В дальнейшем подобные операции проведет Томас Кохрейн.

Подробности акции описаны историком военно-морского флота Джоном Маршаллом:

«Сэр У. Сидней Смит и офицеры, находившиеся под его командованием, окруженные огромным пожаром, почти закончили опасные дела, которые им было предписано сделать. В промежутках между взрывами артиллерийских снарядов и мушкетной стрельбой были слышны громкие крики и республиканские песни приближавшегося врага. В дополнение к ужасу этой сцены...

прогремел страшный взрыв многих тысяч бочек пороха на борту фрегата *Ирис*, стоявшего на внутреннем рейде, который все свидетели запомнят навечно. Этот взрыв вызвал удар, который заставил закачаться городские здания Тулона, точно землетрясение, и внезапно разбил все окна этих домов; в то же время отдельные фрагменты горевшей древесины, унесенные взрывом, стали падать вниз с большой силой, угрожая жизням офицеров и рядовых, находившихся поблизости.

Однако, к счастью, лишь трое из них были убиты. Корабль с порохом на борту был подожжен испанцами, хотя ранее планировалось разрушить или потопить его.

Сэр У. Сидней Смит полностью уничтожил все, что было в пределах его досягаемости, и вдруг с удивлением обнаружил, что наши вероломные союзники вовсе не поджигали кораблей, стоявших в городской бухте; тогда он поспешил туда вместе с плавательными средствами, находившимися в его распоряжении, чтобы противодействовать предательству испанцев. Так вот, к его великому разочарованию, на входе в бухту он обнаружил бон [защитное ограждение], протянутый поперек, и, попав под мушкетный огонь, который залпами обрушился на его суда с флагманского корабля и со стены батареи *Ройял*, вынужден был отказаться от попыток проложить себе дорогу. Тем не менее он возобновил дело и поджег кораблестюрьмы *Hews* и *Themistocle*, стоявшие на внутреннем рейде. Он совершил это, выгрузив на берег всех пленников. Едва это было сделано, как произошел взрыв на борту другого корабля с порохом на борту, *Montreal*, столь же внезапный и подлый, что вызвало потрясение даже большее, чем произведенное первым взрывом, но Провидение спасло жизни сэра У. Сиднея Смита и его доблестных офицеров от надвигавшейся опасности, в которой они оказались во второй раз»^[11].

Смит уничтожил 33 французских корабля. Наполеон был в ярости, и в своих воспоминаниях о тулонском деле больше ругает Смита, чем сообщает что-либо конкретное об этом эпизоде. Урон, нанесенный действиями Смита, был настолько велик, что позднее, во время переговоров между представителями Англии и Франции, представлявших собой попытки заключить мир, французы требовали компенсации за причиненный в Тулоне ущерб.

Начался 1794 год, и французские войска, значительно превосходившие врагов по численности, всюду одерживали победы. Республика сконцентрировала свои силы и вела тотальную войну, подавляя контрреволюционные мятежи. Ее армия усиливалась с каждым днем, а силы коалиции были истощены. Все надежды на быстрый разгром Франции рухнули.

Уильям Вилберфорс^[12], считавший Питта самым умным человеком из всех своих знакомых, вспоминал: как в частных разговорах совершенно свободно и с большой уверенностью, так и с трибуны палаты общин в более умеренном тоне Питт заявлял о том, что «французы находятся в пропасти банкротства и что он мог бы определить время, когда их ресурсы будут исчерпаны!»^[13]

В январе 1794 года Питт заявил в палате общин, что правительство, которое держится на экспроприации собственности и произвольных убийствах, не сможет выжить. «Исходя из этого, — говорил британский премьер-министр, — чем более жестокой и ужасной становится система, тем больше вероятность того, что она будет быстро ниспровергнута. Сама природа человеческого разума, необходимость прогресса человеческих деяний делают невозможным долгое существование такой системы; и можно сказать с уверенностью, что ни одно событие не рассматривалось бы как более желательное, чем разрушение системы, которая сегодня приносит несчастье Франции и наводит террор в Европе»^[14].

В том же самом месяце правительство Великобритании получило доклады о волнениях внутри страны и планах радикалов о созыве национального конвента. Питт предсказывал скорый коллапс Франции, но столкнулся с угрозой революции в Англии.

В те дни оппозиционер Фокс говорил о необходимости «мира с Францией... без ссылок на природу или форму правительства, которое может существовать в этой стране»^[15], но получил незначительное число голосов в палате общин. Налицо было практически полное единство английской политической элиты, в то время как дела шли все хуже.

В 1794 году британская армия должна была насчитывать 175 000 солдат. Планировалось, что вооруженные силы страны будут включать также отряды милиции численностью 100 000 человек и 34 000 немецких наемников. Увеличение численности сухопутных войск и

полная мобилизация военно-морского флота требовали существенного увеличения бюджетных расходов, что влекло за собой необходимость введения новых налогов. Новый бюджет Уильяма Питта предусматривал заем в 11 миллионов фунтов стерлингов и новые налоги на ром, спиртные напитки, кирпичи, черепицу и зеркальное стекло.

Началась новая кампания, и во главе британской армии опять был поставлен герцог Йоркский. Пруссия не имела денег для продолжения войны и запросила «золото Питта» — 2 миллиона фунтов стерлингов в обмен на 100 000 солдат. Пипу становилось все труднее изыскивать новые ресурсы для ведения войны и финансирования союзников. С Пруссией был согласован компромисс (при том, что часть денег должна была выплатить Голландия): 62 400 солдат в обмен на 50 000 фунтов стерлингов в месяц и 400 000 фунтов стерлингов в качестве «средств на подготовку»^[16].

Необходимость выплачивать союзникам столь значительные суммы встретила серьезные возражения со стороны оппозиции в парламенте. Правительство вновь надеялось на то, что военные успехи все окупят. Разочарование наступило уже весной, когда французы нанесли новые поражения австрийцам и англичанам.

Напряжение внутри страны нарастало, начали распространяться слухи о готовящемся вторжении французов в Англию. Питт склонялся к репрессивным мерам. Последовали аресты лидеров и членов радикальных политических организаций. Премьер-министр внес предложение о приостановке действия *Habeas Corpus* — закона, согласно которому, всякий арестованный должен предстать перед открытым судом^[17]. Действие этого закона могло быть временно приостановлено только в чрезвычайных обстоятельствах, и Питт взялся доказывать парламенту, что такие обстоятельства налицо. Выступая в палате общин, он привел следующие аргументы: 1) есть доказательства переписки членов радикальных обществ с французскими якобинцами; 2) британские радикальные организации поставляли и распределяли оружие.

Второй довод был недостаточно обоснованным, поскольку был найден только один небольшой склад оружия в Эдинбурге. Однако парламентарии поддержали Питта, и он получил возможность реализовать свой план. Приостановка действия *Habeas Corpus*

означала возможность подвергать арестованных тюремному заключению без суда.

Питт сам проводил допросы задержанных граждан вместе с членами Тайного совета. Произошла печальная трансформация: блестящий юрист, который, возможно, прожил бы более счастливую жизнь, если бы не пошел в политику, премьер-министр, начавший свое пребывание в офисе с планов парламентской реформы, уравнивания католиков в правах с протестантами, много сделавший для свободы печати, превратился в полицейского.

Историк Маколей подвел итог этих событий:

«Люди с утонченным разумом и изысканными манерами, за проступки, которые в Вестминстере считались бы незначительными, были сосланы на Ботани-бей пасти стада вместе с уголовными преступниками. Некоторым реформаторам, чей язык был невоздержанным, выразившим экстравагантные мнения, но никогда не мечтавшим о свержении правительства с помощью физической силы, были предъявлены обвинения в государственной измене, и они были спасены от виселицы только благодаря справедливым вердиктам присяжных»^[18].

Народный конвент так и не был созван, и движение было подавлено. Влияние радикальных обществ, казалось, сильно уменьшилось.

После серии военных неудач на континенте и вызванных ими страхов Великобритания добилась большого успеха 1 июня 1794 года — день, который навсегда вошел в историю как Славное первое июня. Английская эскадра разгромила французский флот и доставила в Портсмут шесть линейных кораблей противника, взятых в качестве трофеев. Король Георг III, королева, премьер-министр Уильям Питт, Генри Дандас и граф Чатам, старший брат Питта и первый лорд Адмиралтейства^[19], приняли участие в торжественной и бурной встрече победителей в Портсмуте. Лондон был иллюминирован, а собравшиеся в опере исполнили патриотическую песню «Правь, Британия» и национальный гимн.

26 июня французы одержали решительную победу при Флерюсе, вновь опустив англичан с небес на землю. Питт слал подкрепления в Остенде, но это не спасло ситуации. К концу июля французы захватили всю Бельгию и угрожали Голландии.

Питт переживал величайшее напряжение, его мучила болезнь, и он испытал доселе неведомое ему состояние депрессии. «Невозможно положить конец самой бешеной тирании, если не разрушить существующее правительство Франции»^[20], — твердил он. Так ли давно премьер-министр говорил о пятнадцати годах мира?

Его прогнозы о «невозможности долгого существования жестокой и ужасной системы» оказались верными — Робеспьер пал. Но что делать дальше? Продолжать войну или ограничиться блокадой Франции?

Голландцы проявляли апатию. Пруссия истратила миллион фунтов стерлингов и не смогла добиться никакого результата. Питт встретился с прусским послом и выразил недовольство действиями союзников. Субсидии Пруссии были прекращены, и вскоре в Лондоне узнали о том, что пруссаки начали договариваться с Францией. Тройственный союз между Великобританией, Пруссией и Голландией прекратил свое существование.

Оставались австрийцы. Они просили заем в размере 6 миллионов фунтов стерлингов, гарантированный английским правительством, и обещали выставить 200-тысячную армию. В 1794 году Питт уже занял 18 миллионов, что было колоссальной суммой для страны, которая в последний предвоенный год имела доходы бюджета менее 16 миллионов, однако премьер-министр все же решил поддержать инициативу австрийцев.

Он также одобрил идею военного секретаря Уильяма Виндхэма, которая заключалась в том, чтобы помочь французским эмигрантам и контрреволюционерам осуществить интервенцию, то есть использовать иностранцев для свержения их правительства.

Серия новых решительных мер в области войны с Францией также включала отзыв герцога Йоркского. В ноябре Питт написал «очень честное и твердое»^[21] письмо Георгу III, требуя смещения его сына с поста главнокомандующего. Король ответил, что он «очень сильно обижен»^[22] и считает, что поражения союзных армий — вовсе не вина его сына, но результат «поведения Австрии, недобросовестности Пруссии и трусости голландцев»^[23]. Тем не менее Георг III уступил авторитетному премьер-министру и уволил герцога Йоркского.

Питт в первую очередь исходил из интересов дела и предпринял еще одну экстраординарную акцию: он вынудил своего старшего брата подать в отставку с поста первого лорда Адмиралтейства. Чатам никогда не выступал против политики младшего брата, но ему явно не хватало энергии и умственных способностей, необходимых для ведения глобальной войны. Питт выразил свое требование в письме. Он оставил брата в своем кабинете, предложив ему пост министра без портфеля, и сделал его кавалером ордена Подвязки. Два брата обменялись посланиями, в которых говорили о взаимной преданности, но их отношениям был нанесен чувствительный урон.

Между тем ситуация на фронте только ухудшалась. Наступила суровая зима, замерзли реки. В январе 1795 года французская кавалерия воспользовалась этими условиями и захватила голландские корабли, скованные льдами. Пал Амстердам, и Голландия перестала быть союзницей Великобритании. Более того, ее ресурсы теперь могли быть использованы французами.

Коалиция лежала в руинах, а Англия напрасно потратила свои деньги. Пруссия подписала мирный договор с Францией, уступив ей левый берег Рейна. Соглашение было также скреплено подписью Швеции. Голландия приняла унижительные условия своего договора с Францией, отдав несколько городов, согласившись выплатить крупную денежную сумму и поддерживать французскую армию. Испания, потерпевшая ряд поражений, также договорилась с республиканским правительством, и была восстановлена прежняя граница между двумя странами. Питт планировал выделить субсидию России, однако ввиду занятости польскими делами она пока не готова была вступить в борьбу. Остатки британского контингента были эвакуированы еще в начале апреля.

Питт и не думал опускать руки. Он ответил на призыв Уильяма Вилберфорса начать переговоры о мире: «Если мы будем энергично вести войну еще короткое время, то весьма разумно предположить, что тем самым мы сможем обеспечить прочный, постоянный и почетный мир»^[24].

Он принял план военного секретаря Уильяма Виндхэма и согласился провести высадку отрядов французских эмигрантов на морском побережье Бретани. Питт не прислушался к доводам своего друга Генри Дандаса, который выступал против акции, и в начале

июня 1795 года 4000 французов были высажены на мыс Киберон. Поначалу они получили поддержку местных крестьян, начали наступление, но в июле были разгромлены войсками под командованием генерала Луи Лазаря Гоша. Оставшиеся в живых были взяты в плен и позднее казнены по приказам Национального Конвента. Экспедиция закончилась полной катастрофой. В ответ на критику его действий Питт заявил, что не пролилось ни капли английской крови.

Дипломатические неудачи и военные провалы сопровождались экономическими неурядицами и растущим напряжением внутри Англии. Плохие урожаи на протяжении ряда лет привели к тому, что страна начала испытывать недостаток пшеницы и цены на хлеб значительно выросли. Начались народные волнения, которые достигли Даунинг-стрит. В офисе Питта были разбиты окна. На митинге в Лондоне, собравшем сто тысяч человек, люди требовали мира, реформ и дешевой еды.

Питт признал военные неудачи и согласился на изменение стратегии. В необходимости такой перемены его долго убеждал Генри Дандас. Было решено предпринять экспедицию в Вест-Индию. Таким образом, правительство просто вернулось к тому, что всегда и было главным содержанием британской стратегии: действия военно-морского флота и расширение колоний.

В сентябре Питт и Дандас выехали в Саутгемптон, откуда отправлялся экспедиционный корпус сэра Ральфа Аберкромби численностью 32 000 человек. Теперь Питт уповал на комбинацию факторов: успехи Великобритании в далеких странах и на морях, откуда французы будут вытеснены, в сочетании с внутренними проблемами Франции, которая также ощущала острую нехватку продовольствия, должны были создать условия, в которых можно будет подписать почетный мир.

Новый прилив оптимизма Питта был связан с очередной сменой формы правительства Франции: теперь ею управлял исполнительный орган власти, состоявший из пяти директоров. Принятие новой конституции давало надежды на стабилизацию политической системы. В сентябре Питт расценил эту перемену как «очень удачное событие»^[25].

В конце октября на сессии парламента должен был выступить король. Он направился в здание парламента, и вдруг окно его кареты

было разбито в результате попадания пули или какого-то другого снаряда. Толпа скандировала: «Нет войне! Долой Питта! Мир, мир, хлеба, хлеба!»^[26]

С 1795 года Питт последовательно выступал за прекращение боевых действий, чтобы восстановить утраченную популярность. При этом он вынужден был принимать самые непопулярные меры, придумывая новые формы налогообложения и подавляя общественные протесты, вызванные тяготами войны и высокими ценами на хлеб. Вновь активизировались радикальные организации, проводились массовые митинги и демонстрации протеста. Люди требовали мира и парламентской реформы. Распространялись печатные материалы, содержавшие призывы отправить на гильотину «короля и других»^[27]. Несомненно, что в число «других» должен был войти премьер-министр.

Питт подготовил серию законопроектов. «Закон о мятежных митингах» («Seditious Meetings Bill») представил в палате общин сам глава правительства, а доклад по проекту «Закона о предательских заговорах» («Treasonable Practices Bill») сделал Гренвилл в палате лордов. Проекты предусматривали, что организаторы митингов численностью более пятидесяти человек должны получать разрешение магистратов, а тем, кто критикует конституционное устройство Великобритании и оказывает поддержку врагам нации, грозили суровые наказания. Если участники митингов выражают мятежные настроения, то по приказам магистратов собрания могут быть разогнаны, а ораторы арестованы.

«Законы о затыкании рта» («Gagging Bills»)^[28] — так называли новые инициативы Питта его противники, главным из которых был и оставался Чарльз Джеймс Фокс. Он рассматривал новые законопроекты как покушения на свободу и стремление «запретить любую общественную дискуссию по политическим вопросам, в письменной или устной форме»^[29]. Фокс заявил с трибуны палаты общин, что молчание парламентариев открывает дорогу насилию. В середине ноября он созвал и провел массовый митинг, на котором произнес блестящую речь, направленную против политики правительства.

Питт ответил с трибуны палаты общин как всегда отточенными и выверенными формулировками, указывая на то, что люди должны

выражать свое недовольство исключительно через представителей их интересов в парламенте и эти жалобы «должны быть хорошо обоснованными»^[30]. Он говорил о превосходстве парламента над толпой, и члены палаты общин, напуганные ходом событий, поддержали премьер-министра. При втором чтении законопроект получил 213 голосов против 43 сторонников оппозиции.

Внутриполитическая ситуация в стране была очень напряженной, однако гордость нации — ее военно-морской флот продолжал уверенно побеждать врагов. В феврале 1797 года были разгромлены союзники французов — испанцы. В битве у мыса Сент-Винсент адмирал Джон Джервис сокрушил вражеский флот, а коммодор Горацио Нельсон блестяще отличился, был представлен к званию контр-адмирала и награжден орденом Бани.

В драме Шекспира «Генрих V» перед битвой при Азинкуре (1415), в которой английская армия разгромит значительно превосходившие ее численно силы французов и уничтожит цвет французского рыцарства, король говорил о «горсточке счастливых, братьев»:

Тот, кто сегодня кровь со мной прольет,
Мне станет братом: как бы ни был низок,
Его облагородит этот день;
И проклянут свою судьбу дворяне,
Что в этот день не с нами, а в кровати...^[31]

Горацио Нельсон обожал эту патриотическую пьесу и слова короля, которые в оригинале звучат как «We few, we happy few, we band of brothers» («Нас мало, но мы счастливы и мы братья»). Когда он в 1798 году принял командование эскадрой боевых кораблей в Средиземном море, их капитаны уже представляли собой сплоченную группу офицеров. Нельсон начал называть своих соратников братьями и использовал выражение «Band of Brothers» в переписке.

1 — 2 августа 1798 года адмирал Нельсон и его «братья» (Берри, Болл, Дарби, Томас Луи, Миллер, Пейтон, Сомарец, Томпсон, Трубридж, Фоли, Фремантл, Халлоуэл, Харда) нанесли сокрушительное поражение французам в Абукирской баталии.

Французский флот был почти полностью уничтожен. Флагманский корабль — 120-пушечный трехпалубный *Ориент* — в ходе боя загорелся и взорвался, капитаны шести французских линейных судов капитулировали, а еще четыре боевых корабля были выброшены на берег, сели на мель и стали легкой добычей англичан. Главнокомандующий французским флотом адмирал Франсуа Поль де Брюэйс пал в бою.

В результате этой победы армия генерала Бонапарта в Египте лишилась поддержки флота и оказалась отрезанной от Франции. Наполеон начал поход в Сирию, планируя продолжать экспансию в восточном направлении. Здесь он был остановлен объединенными усилиями армии Турецкой империи и английских моряков под командованием сэра Сиднея Смита. Коммодор Смит оказал эффективную поддержку осажденному гарнизону крепости Сен-Жан-д'Акр, и Наполеон не смог ею овладеть. Французы вынуждены были вернуться в Египет. Действия Горацио Нельсона и Сиднея Смита в значительной мере способствовали разрушению грандиозного плана восточных завоеваний, разработанного Наполеоном Бонапартом и французской Директорией.

Вести о великой победе Нельсона достигли Англии по суше — через Австрию и Германию. Это произошло 2 октября. Для страны, фактически находившейся в осаде, победа у мыса Абукир, вблизи Александрии, стала одним из величайших событий в истории.

Лондон был иллюминирован. По всей стране проходили празднования, и внутренние распри были временно забыты. Звучали церковные колокола, раздавались пушечные залпы, на рыночных площадях зажаривали быков и баранов. Имя Нельсона было на устах каждого британца.

Александр и Томас Кохрейны вернулись в Плимут в ноябре, когда праздничное настроение все еще преобладало. Амбициозный Томас, ставший профессионалом своего дела, мечтал о славе и искал возможностей проявить себя в большом сражении. Наконец он был направлен в район активных боевых действий — Средиземное море. Британским флотом в этой части света командовал Джон Джервис, получивший титул графа Сент-Винсента. Его заместителем был назначен лорд Кейт — один из виднейших представителей шотландской аристократии.

На флагманском корабле лорда Кейта не было вакантных мест для офицеров, однако Кохрейна все же приняли на борт судна. Лорд Кейт помог земляку, но относился к вновь прибывшему лейтенанту достаточно сурово. Отец Томаса писал длинные письма высокопоставленным адмиралам, всеми силами способствуя продвижению сына по службе.

Флагманский корабль прибыл в Палермо. Кохрейн сошел на берег вместе с лордом Кейтом, к тому времени ставшим главнокомандующим Средиземноморским флотом Великобритании. Здесь двадцатичетырехлетний Кохрейн встретил Горацио Нельсона и беседовал с прославленным адмиралом. На всю жизнь он запомнил совет великого воина: «Даже не думай о маневрах. Всегда иди прямо на них»^[32]. Нельсон неизменно следовал этому правилу, и Кохрейн станет его лучшим учеником.

Лорд Кейт продолжал покровительствовать молодому земляку. В 1799 году он представил Кохрейна первому лорду Адмиралтейства Спенсеру, а 20 февраля 1800 года он доверил ему командование небольшим судном — шлюпом^[33] *Спиди* (Speedy). Это назначение подлежало одобрению Адмиралтейства, что было сделано позднее.

Началу карьеры командира шлюпа предшествовали бурные и трагические события. Кохреину было поручено доставить в порт Махон, Менорка, трофейное судно *Женерё* — 74-пушечный французский линейный корабль. Он был захвачен эскадрой адмирала Нельсона в районе Мальты и теперь подлежал ремонту и восстановлению на верфи.

Задание было непростым и потребовало от Кохрейна полного напряжения сил. Команда судна была частично составлена из больных, инвалидов и местных моряков. На борту корабля находились французские пленные — 63 человека, которых следовало держать под контролем.

Томасу теперь помогал его восемнадцатилетний брат Арчибальд, принятый на корабль в качестве гардемарина. Временно исполняющий обязанности капитана должен был провести судно от Сиракуз до Менорки — семь сотен миль в условиях зимней непогоды. Он успешно прошел сквозь штормы, но корабль был сильно поврежден.

Кохрейн был на высоте положения, проявив большое искусство навигации и качества настоящего лидера. Он справился с задачей

управления разношерстной командой моряков разных стран. Двое из них были примерно наказаны за пьянство, получив по двенадцать ударов плетьюми.

Пока Кохрейн выполнял свое задание, случилась беда. Флагманский корабль лорда Кейта стоял на якоре в Ливорно. Главнокомандующий был на берегу, когда на корабле загорелось сено. Огонь пожирал деревянное судно. В течение четырех часов моряки боролись с пламенем, но оно достигло арсенала. Первоклассный 100-пушечный корабль *Куин Шарлотт* взлетел на воздух. Число жертв трагедии составило 636 человек.

Кохрейн был далеко и избежал страшной участи. 20 апреля он принял командование шлюпом *Спиди*.

Корабль имел 14 малокалиберных (4-фунтовых) пушек — по семь на каждой стороне судна. Семь ядер весили 28 фунтов. Кохрейн утверждал, что он мог положить этот боезаряд в карманы своей верхней одежды и спокойно разгуливать по палубе.

Капитанская каюта, расположенная в кормовой части корабля, была очень малой. Высота потолка составляла пять футов, в то время как рост Кохрейна был на один фут больше. Чтобы побриться, он открывал световой люк, высовывал голову наружу и раскладывал туалетные принадлежности на палубе.

Судно управлялось не рулевым колесом, а румпелем. Длина корабля по верхней палубе составляла 24 метра, ширина — около восьми метров. Численность экипажа — 90 человек, включая шестерых офицеров. Члены команды жили в тесноте.

Кохрейн командовал шлюпом *Спиди* менее пятнадцати месяцев. За это время он и его моряки захватили более полусотни вражеских судов, 122 пушки и взяли 534 человека в плен. Он достиг этого невероятного результата благодаря своей энергии, высочайшему мастерству навигации, максимально эффективному использованию возможностей малого судна, храбрости и выучке членов экипажа и своим несравненным тактическим способностям. Выдержка, точный и холодный расчет, военные хитрости позволяли ему добиваться победы в самых сложных обстоятельствах и с минимальными потерями.

Томасу Кохрейну повезло. Он принял судно у Джахлила Brentона, который отличился в ряде акций против испанцев и французов и создал сплоченную команду. Красавец Кохрейн сочетал в себе шарм

шотландского аристократа, простоту и сердечность. Он следовал совету Нельсона — атаковал и побеждал. Люди поверили в него и шли вперед без страха и сомнений.

У них были не только моральные, но и материальные стимулы: каждый член команды, захватившей вражеское судно, получал вознаграждение- Система премий (призовых денег) была введена в действие в 1708 году и оставалась практически неизменной на протяжении столетия. Согласно этой системе, моряки получали премию, равную полной стоимости захваченного судна. Три восьмых общей суммы считались законной долей командира корабля; если он получал приказы от адмирала, то одна восьмая часть была дополнительным заработком адмирала. Пять восьмых общей суммы делились между офицерами, матросами, морскими пехотинцами и другими членами команды судна в определенных пропорциях.

Система была эффективной, но не совсем справедливой. Военные моряки, выполнявшие исключительно важные функции блокады вражеских портов, имели мало возможностей для дополнительного заработка, поскольку их корабли были лишены свободы передвижения. В то же время экипажи свободно курсирующих судов получали все шансы проявить себя в открытом бою и заработать премию. Адмиралы были в большом выигрыше, поскольку, даже не покидая своих станций и не рискуя жизнью, они зарабатывали много денег. Нижние чины получали свою малую долю, а при удачном ходе дел она могла многократно превысить их жалованье. Зарабатывая призовые деньги, моряки не были склонны дезертировать.

6 мая 1801 года произошло одно из самых удивительных событий в истории морских войн. Дело было в водах вблизи Барселоны. На рассвете Кохрейн увидел странное судно. Дул легкий бриз, и потребовалось два часа, чтобы сблизиться с неизвестным кораблем и разглядеть объект. Открытие было неприятным: 14-пушечному шлюпу противостоял 32-пушечный испанский фрегат. Два или три бортовых залпа этого судна должны были полностью разрушить *Спиди*. С другой стороны, поздно было отступать — фрегат неминуемо догнал бы британский шлюп.

Кохрейн продолжал сближаться с неприятелем и дал приказ к бою. В 9.30 утра фрегат *Эль Гамо*, на борту которого находились 319 человек, выстрелил из пушки и поднял испанский флаг. Моряки и

солдаты заполнили палубы и разглядывали британское суденышко. Команда *Спиди* временно уменьшилась до 54 человек, поскольку Кохрейн должен был использовать часть людей для управления захваченными судами и их доставки в порт Махон. Дальность стрельбы корабельных орудий шлюпа была очень малой, и Кохрейн мог искать удачу только в ближнем бою.

Он составил план действий. Кохрейн должен был использовать свои скромные ресурсы с максимально возможным эффектом и при этом создавать противнику всевозможные препятствия.

Увидев испанский флаг, Кохрейн прибег к хитрости и поднял флаг нейтральной страны — США. Капитан испанского судна не сразу нашел правильный ответ, и Кохрейн выиграл время. Испанец колебался и не давал приказа открыть огонь из орудий. Кохрейн продолжал вести судно и наконец гордо поднял британский флаг. Он успел поставить корабль в правильную позицию.

Испанцы дали залп, но ядра не причинили шлюпу никакого вреда. Кохрейн сказал своим людям, чтобы они не стреляли до тех пор, пока *Спиди* не сблизится с противником.

Продолжая умело управлять движением судна, Кохрейн занял лучшую из возможных позиций. Он правильно рассчитал, что испанские ядра будут пролетать поверх голов его людей. При этом он зацепил своими реями оснастку испанского корабля. Зафиксировав таким образом свое судно, он приказал открыть огонь из пушек. Эти орудия по размеру ненамного превосходили мушкетоны — короткоствольные ружья с раструбом. Чтобы увеличить эффективность стрельбы, пушкари заложили в каждый ствол по два-три заряда.

Первый залп британских орудий по главной палубе *Эль Гамо* убил капитана испанского судна и боцмана. По уставу, командование должен был принять первый лейтенант. Испанцы вовсе не были смертельно шокированы. Они стреляли по врагам из мушкетов, а затем решили пойти на абордаж. Прозвучала соответствующая команда. Кохрейн не мог допустить штурм своего корабля и удалил судно от испанского фрегата. Команда *Спиди* вновь произвела пушечный и мушкетный залпы. Действия повторялись еще дважды — британское судно вставало вдоль борта *Эль Гамо*, команда стреляла, судно вновь удалялось. Кохрейн понимал, что так долго продолжаться не может —

оснастка шлюпа была сильно повреждена, паруса прострелены. Командир сказал подчиненным, что они должны захватить фрегат или сами будут захвачены. Британцы должны были победить или умереть.

Кохрейн подготовил свой экипаж к атаке. Он должен был возглавить штурм, в котором примут участие полсотни человек. Кто-то должен при этом управлять кораблем, и работу вызвался делать хирург Джеймс Гутри (Guthrie), шотландец. Ему помогали два мальчика.

С удивительным мастерством хирург вновь приблизил *Спиди* к испанскому фрегату и правильно расположил судно. Корабли встали борт к борту. Кохрейн разбил свой экипаж на две абордажные команды: первая должна была атаковать испанцев в головной части корабля, вторая — в другой его части. Он приказал людям, атакующим первыми, покрасить лица в черный цвет. Прогремел новый залп четырехфунтовых орудий *Спиди*, и сквозь облака порохового дыма на испанцев накатила волна храбрецов с черными лицами. Теперь испанцы были действительно шокированы, и Кохрейн с клинком в руке повел за собой вторую команду. В течение нескольких минут воины яростно сражались, используя абордажные сабли, пистолеты и топоры.

Испанцев было в шесть раз больше, чем англичан. Эффект неожиданности был временным фактором, и испанцы пришли в себя. Вначале они отражали атаку в носовой части судна, затем ринулись в центр. Наступал момент, решающий судьбу сражения. Кохрейн пустил в дело все свои материальные и людские ресурсы, но он оставил кое-что про запас. В горячке боя, когда гибнут люди и силы предельно напряжены, огромное значение приобретает психологическое и моральное воздействие на противника. Орудя клинком наряду со своими храбрецами, которые безоговорочно признавали его лидерские качества и беззаветно ему верили, Кохрейн оставался командиром и тактиком. В пылу сражения он сохранял хладнокровие и нанес врагу два мощных психологических удара. Он крикнул доктору Гутри, чтобы тот прислал ему еще пятьдесят человек. Доктор громко ответил, что сейчас придет. Это была чистая мистификация. Она была дополнена действием, очень важным в условиях любой войны: Кохрейн приказал одному из своих людей сбить испанский флаг, что было мгновенно исполнено. Испанцы лишились двух главных символов своего единства — капитан Франсиско де Торрес был мертв, а национальный

флаг сброшен вниз. Деморализованные дьявольски смелой акцией и фантастической решительностью неприятеля, они посчитали удаление флага знаком капитуляции — акта, совершенного по приказу их офицеров. Испанцы сложили оружие.

Ближний бой продолжался примерно полтора часа и закончился славной победой британцев под командованием двадцатипятилетнего лорда Кохрейна. Экипаж *Спиди* потерял три человека убитыми. Лейтенант Паркер был тяжело ранен, и еще 17 членов команды получили ранения различной степени тяжести. Число убитых испанцев — 15, раненых — 41.

Через некоторое время пленные вполне осознали смысл произошедшего. Офицер, временно исполнявший обязанности капитана, попросил Кохрейна выдать ему сертификат. Этот необычный документ должен был подтвердить, что офицер в ходе акции с честью выполнял свои обязанности. Не моргнув глазом, Кохрейн выписал сертификат: офицер «вел себя, как истинный испанец»^[34]. Пленник был доволен. Впоследствии Кохрейн узнал о том, что сертификат помог испанцу в дальнейшем продвижении по службе.

Лорд Кейт тепло поздравил Кохрейна с невероятным успехом и просил передать офицерам и другим членам экипажа *Спиди* слова благодарности за их храбрость и дисциплину.

Лишь истинные профессионалы и эксперты могли по достоинству оценить подвиг, совершенный Кохрейном и его командой. В Лондоне новость не могла произвести фурора, поскольку операции *Спиди* были малозначительными. В то же время, художник Николас Покок изобразил славную победу на одном из своих полотен.

На рассвете 3 июля 1801 года *Спиди* столкнулся в районе Гибралтара с мощной французской эскадрой под командованием контр-адмирала Линуа. Кохрейн поначалу принял суда за испанские галеоны, возвращающиеся из Южной Америки. Свет стал ярче, и Кохрейн увидел два 80-пушечных корабля, 74-пушечный *Дезэ* и фрегат *Мюирон*, ранее доставивший рвавшегося к власти Бонапарта из Египта во Францию.

Положение *Спиди* было практически безнадежным — скорость малого корабля несопоставима с быстротой движения линейных судов и фрегатов.

Кохрейн не смирился со своей вероятной участью пленника французов и решил не сдаваться без боя. Он приказал установить все паруса, заставил членов экипажа грести длинными веслами и взял направление на Гибралтар. Принятые меры были недостаточными. Расстояние между *Спиди* и преследователями неумолимо сокращалось, и Кохрейн решился на крайние меры. Примерно в 9 часов утра он приказал выбросить за борт все артиллерийские орудия. Это должно было облегчить корабль и увеличить его скорость, однако французы все же настигли британский шлюп. 74-пушечный линейный корабль *Дезэ* произвел бортовой залп, немного повредив оснастку *Спиди*. Кохрейн понимал, что дело почти проиграно, но продолжал бороться. Британцы выбросили за борт все бочки, все запасы и всю провизию. Отчаянные меры мало повлияли на скорость шлюпа. Тогда Кохрейн решил проскользнуть между грозными кораблями, но *Спиди* попал под убийственный огонь орудий *Дезэ*. По счастливой случайности люди на борту британского шлюпа не пострадали, но корабль получил серьезные повреждения. Кохрейн понял, что это конец. Новый залп должен был полностью уничтожить *Спиди*. Командир согласился на капитуляцию и в 10 часов приказал спустить флаг.

Он сам доплыл на лодке до вражеского судна, поднялся на борт и предложил свою шпагу капитану Кристи-Пальеру. Француз ответил: «Я не приму шпаги офицера, который так долго боролся с невозможностью»^[35].

Французская эскадра вместе с захваченным *Спиди* взяла курс на испанский порт Алжесирас. Корабли заняли позиции под защитой двух батарей и форта и бросили якоря.

Контр-адмирал сэр Джеймс Сомарец, осуществлявший блокаду испанского порта Кадис, узнал о передвижениях французов. Он немедленно устремился навстречу врагу, имея шесть линейных кораблей, фрегат и бриг.

Кохрейн и Кристи-Пальер завтракали в большой каюте корабля *Дезэ*. Французский капитан видел перед собой большие силы противника, но решил не нарушать режим питания. Только когда два храбрых моряка были осыпаны осколками разбитого стекла и мусором, они поднялись на палубу.

Вторая порция снарядов, запущенных с борта британского корабля, убила нескольких морских пехотинцев. Кохрейн решил, что

нет никакой необходимости стоять под огнем британских орудий. Он занял относительно безопасную позицию внизу и оттуда наблюдал за ходом битвы при Алжесирасе.

Сомарец проиграл сражение и потерял 74-пушечный линейный корабль *Ганнибал*. На следующий день он послал капитана Brentona с флагом перемирия и для организации обмена пленными.

Экипаж *Спиди* был освобожден. Кохрейн вернулся в Гибралтар и видел, как британские корабли вновь пошли в бой. Вскоре Сомарец взял реванш за поражение у Алжесираса.

Кохрейн обрел известность и славу, но попал в неприятную историю. Он должен был предстать перед военным судом и держать ответ за потерю корабля Его Величества.

Заседание суда было проведено 18 июля 1801 года на борту 80-пушечного линейного корабля *Ротпее*, стоявшего на якоре вблизи Гибралтара. Членами суда были опытные морские офицеры, в том числе Джахлил Brenton — бывший командир *Спиди*. Разобрав дело по существу, суд решил, что Кохрейн, его офицеры и вся команда корабля сделали все возможное для спасения королевского шлюпа, и признал их невиновными в том, что корабль попал в руки врага. Моряки *Спиди* были полностью и с честью оправданы, и Кохрейн вернулся на родину.

В 1801 году Великобритания одержала две знаменательные победы. Первая из них — при Копенгагене. Ей предшествовали политические события, на которые британцы обязаны были реагировать: Россия, Дания, Швеция и Пруссия создали Лигу вооруженного нейтралитета для охраны торговли нейтральных держав от английского флота. Правительство Великобритании не стало дожидаться объявления войны со стороны государств лиги и ответило очень быстро и решительно. К берегам Дании была направлена эскадра под командованием сэра Хайд Паркера. Вице-адмирал лорд Горацио Нельсон, подчиненный Хайд Паркера, атаковал датский флот, одержал победу и добился от Дании согласия на выход из лиги. Вторым важнейшим событием года стала капитуляция побежденной и деморализованной французской армии в Египте. Наполеон покинул Африку в 1799 году, назначив своим преемником Жана Батиста Клебера. Авторитетнейший генерал Клебер решил немедленно добиться мира и вывода французских войск из Египта. В январе 1800 года он подписал соглашение с турками в Эль-Арише при

посредничестве сэра Сиднея Смита, однако британский главнокомандующий Средиземноморским флотом лорд Кейт отказался ратифицировать конвенцию. Клебер продолжал успешные боевые действия, но в июне был убит фанатиком. Сменивший его генерал Мену проявил себя неспособным военачальником. Республиканская армия терпела поражение за поражением от англичан, которые высадились на африканском побережье в марте 1801 года. Французы сдали Каир в июне, а Александрию в начале сентября. Это была почетная капитуляция — побежденные погрузились на корабли и вернулись на родину.

Уильям Питт ушел в отставку в марте 1801 года. Новым Премьер-министром страны стал Генри Аддингтон.

1 октября Великобритания и Франция заключили предварительное мирное соглашение, а в марте 1802 года был подписан мирный договор в Амьене. Это были радостные события для большинства людей, однако многие в Англии при этом теряли работу и доходы.

Главными героями дня были Горацио Нельсон и Уильям Сидней Смит, которые соперничали в славе между собой и не любили друг друга. После капитуляции французов в Александрии Сидней Смит был направлен с донесением в Англию. Он, писала *Таймс*, вернулся в турецкой одежде — тюрбан, халат, шаль, кушак и пистолеты на поясе. Загорелый, обветренный, кудрявый, с крючкообразным носом, он приобрел большую популярность. Герой Акра мог исполнить хорнпайп — английский матросский танец. Он был блестящим лингвистом.

Правительство отметило заслуги Сиднея Смита и назначило ему пенсию в 1000 фунтов стерлингов. В 1802 году национальный герой стал членом парламента. Он имел связь с принцессой Каролиной, брошенной супругой принца Уэльского — будущего принца-регента Великобритании.

Молодой Томас Кохрейн пока не был известен в широких кругах, а в условиях наступившего мира он переходил в разряд офицеров на половинном жалованье.

Герой считал, что захват фрегата *Эль Гамо* служил достаточным основанием для его быстрого производства в посткапитаны, однако все оказалось не так просто. Новость о его пленении достигла Лондона

быстрее, чем известие об операции по захвату испанского судна. Кохрейну пришлось ждать три месяца, прошедших с момента акции, прежде чем ему присвоили новое звание.

Новым главой Адмиралтейства в 1801 году стал Джон Джервис, граф Сент-Винсент. Он имел глубокое предубеждение против всех шотландцев, и Кохрейн пережил много неприятностей от общения с ним.

Отец Томаса продолжал помогать сыну и написал длинное письмо графу Сент-Винсенту, жалуясь на несправедливость. Первый лорд Адмиралтейства объяснил причины задержки с присвоением звания, которые были совершенно объективными. Как только Адмиралтейство узнало об оправдательном вердикте суда в Гибралтаре, лорду Кохрейну было немедленно присвоено звание пост-капитана. Это произошло 8 августа.

Граф Сент-Винсент получал множество обращений от коллег, политиков, членов аристократических семейств, каждый из которых просил корабль для своего сына, брата или племянника. Кохрейн не знал о проблемах Сент-Винсента. Он добивался справедливости для себя лично и своих моряков. Отважный командир отличался благородством, прямоотой, но вместе с тем подозрительностью и обвинял Сент-Винсента в злых умыслах.

Находясь в Гибралтаре, Кохрейн написал графу Сент-Винсенту о своем первом лейтенанте Уильяме Паркере — участнике многочисленных успешных акций и моряке великого мужества, тяжело раненном при захвате *Эль Гамо*. Кохрейн добивался продвижения Паркера по службе, но не получил ответа от Сент-Винсента. Вернувшись в Великобританию, Кохрейн написал еще два письма в пользу Паркера. Только после третьего обращения он получил холодный ответ от Сент-Винсента. Первый лорд Адмиралтейства писал, что за одно такое дело не награждают двух офицеров, а, кроме того, на борту *Спиди* погибло «малое число людей»^[36].

Для Кохрейна это было уже слишком, и он нанес ответный удар. Кохрейн считал, что его подвиги и статус аристократа делают его фигурой, неуязвимой для таких людей, как Сент-Винсент. Он напомнил графу, что, хотя только три человека погибли на шлюпе *Спиди* при захвате *Эль Гамо*, на борту флагманского корабля адмирала Джона Джервиса в славном сражении, победа в котором принесла

нынешнему первому лорду Адмиралтейства графский титул, погиб только один человек.

Кохрейн нажил себе влиятельного врага, но на этом не успокоился. Не получив удовлетворительного ответа от главы Адмиралтейства, он решил обратиться в коллегиальный орган — правление, состоявшее из лордов. 17 мая 1802 года он направил им ту же просьбу. Настойчивый герой получил ответ: морской офицер не должен общаться напрямую с Их светлостями лордами. Он и на этом не успокоился и написал секретарю Адмиралтейства, получив последний отказ: Их светлостям лордам нечего сообщить просителю.

Кохрейн проявил непрактичность и непонимание законов функционирования бюрократических организаций. Он не смог помочь боевому товарищу и при этом сильно осложнил жизнь самому себе. Перспективы лорда Кохрейна были туманными. Он значительно уменьшил свои шансы получить новый корабль и продолжить активную службу.

Молодой человек решил использовать мирное и свободное время для продолжения своего образования. Лорд Кохрейн поступил в университет Эдинбурга — вначале на факультет этики, а затем на химический факультет. Он был значительно старше большинства студентов, но стал исключительно прилежным учеником.

Эдинбург переживал расцвет наук и искусств. Образование в школах и университетах Шотландии рассматривалось многими современниками как лучшее в мире. Благодаря архитекторам Джеймсу Крейгу и Роберту Адаму столица Шотландии превратилась в современный город с прекрасными зданиями и просторными площадями.

Кохрейн слушал лекции профессора моральной философии Дугалда Стюарта — одного из лучших преподавателей своего времени, у которого учились Вальтер Скотт и лорд Пальмерстон. Лекции Стюарта повлияли на мировоззрение Кохрейна и его будущее решение баллотироваться в парламент в качестве независимого и радикального кандидата.

В мае 1803 года Великобритания объявила войну Франции. Боевые корабли вышли в море, и у Кохрейна появились надежды на продолжение карьеры. Мечта сбылась лишь осенью — в ответ на

многочисленные обращения и ходатайства в пользу Кохрейна граф Сент-Винсент выделил ему плавательное средство.

Кохрейн поспешил в Плимут и увидел стоявший на верфи каркас корабля. В свои неполные двадцать восемь лет Кохрейн был опытным моряком и сразу оценил потенциальные качества недостроенного судна, которое дособирали из древесины пущенных на слом кораблей. Судно называлось *Араб*, и оно должно было плавать как стог сена.

Оценка оказалась верной. *Араб* был спущен на воду, и через некоторое время судно ужасной конструкции стало участником двух обидных инцидентов. Кохрейн был великим навигатором, но он не смог избежать банальных столкновений с другими судами, которые произошли одно за другим в течение короткого промежутка времени.

Мучения Кохрейна с *Арабом* закончились только через год, когда в Адмиралтействе произошли перемены и графа Сент-Винсента сменил Генри Дандас, виконт Мелвилл, еще один шотландец, давний друг и товарищ Питта и друг семьи Кохрей-нов. Подходящий корабль для Томаса нашелся очень быстро — то был новый фрегат *Паллас* с тридцатью двумя артиллерийскими орудиями на борту.

Впервые в жизни честолюбивый Кохрейн принял командование кораблем, который был способен выполнять самые различные задания. В отличие от тяжеловооруженных линейных судов, которые использовались для блокады вражеских портов, фрегаты были кораблями-разведчиками и глазами любой флотилии. Они отличались быстроходностью, мобильностью и могли совершать смелые нападения на врага. Члены команды фрегата имели прекрасные возможности завоевать славу и призовые деньги. Кохрейн хотел и того, и другого.

Он оперировал в районе Азорских островов, захватывая испанские суда, полные сокровищ, и торговые корабли. Добыча была чрезвычайно богатой — золото и серебро в слитках и монетах, доллары, красное дерево и иная древесина, сахар и другие ценные продукты. Лорд Кохрейн не пропускал ни одного корабля и мастерски уходил от погони.

Полученные капитаном приказы ограничивали пребывание его судна в районе Азорских островов. Он возвратился в Европу, сделав личное состояние. Британские газеты писали о захваченных им испанских кораблях с богатствами на борту.

Он вернулся на родину 5 апреля 1805 года, как славный корсар эпохи королевы Елизаветы^[37], обставив свое прибытие в порт Плимут с подлинным шиком. Кохрейн присоединил три очень крупных золотых подсвечника к мачтам фрегата *Паллас*. Отныне он не будет иметь проблем с набором людей на судно.

Европа стояла на пороге большой войны. В 1804 году во главе правительства Соединенного королевства вновь встал главный организатор антифранцузских коалиций Уильям Питт. Это произошло 18 мая, и в тот же день первый консул Наполеон Бонапарт был провозглашен императором французов.

Питту удалось создать коалицию, которая планировала противопоставить Наполеону силы семи армий — трех австрийских, двух русских и двух англо-русских корпусов. Последние должны были высадиться в Неаполе и Ганновере.

В 1803 — 1805 годах Наполеон активно готовил вторжение на Британские острова, но оно в итоге не состоялось. Противостояние франко-испанского и английского флотов привело к драматической развязке.

6 ноября 1805 года жители Великобритании прочитали в *The London Gazette* рапорт о грандиозном сражении, которое произошло 21 октября у мыса Трафальгар. Донесение составил адмирал Катберт Коллингвуд:

«Мы всегда будем горевать о смерти вице-адмирала лорда виконта Нельсона, который пал в час победы во время последнего сражения с врагом: она обязывает меня информировать моих лордов, представителей Адмиралтейства, что 19-го числа текущего месяца главнокомандующий получил сообщение от кораблей, наблюдавших за движениями врага в Кадисе, о том, что Объединенный флот вышел в море. Поскольку дули легкие западные ветры, Его светлость лорд сделал вывод о том, что они [корабли неприятеля] двигаются в сторону Средиземного моря, и немедленно направился на всех парусах к Гибралтарскому проливу [*sic*] с британской эскадрой, состоявшей из двадцати семи кораблей, три из которых 64-пушечные, и был информирован капитаном Блэквудом (чья бдительность в наблюдении и обнаружении движений врага заслуживает высоких похвал), что они еще не прошли через пролив.

Ранним утром в понедельник 21-го числа текущего месяца... враг был обнаружен в шести или семи милях к востоку. Дул очень легкий, преимущественно западный ветер. Главнокомандующий немедленно послал сигнал флоту построиться в две колонны, чтобы двигаться в этом порядке. Такой способ атаки Его светлость лорд загодя предписывал, чтобы избежать неудобства и задержек, неизбежных при формировании обычной боевой линии. Вражеская линия состояла из тридцати трех кораблей, из которых восемнадцать были французскими, а пятнадцать испанскими, под общим командованием адмирала Вильнёва, Испанцы под началом Гравины развернули носы своих судов к северу и сформировали очень плотную и правильную линию. Но поскольку способ атаки был необычен, то структура их линии была новой. Линия представляла собой полумесяц, выпуклый в подветренную сторону. Поэтому, направляясь в их центр, я столкнулся с тем, что их авангард и тыл оказывались позади траверза^[38]. До того как огонь был открыт, каждый их корабль находился от соседнего примерно на длину каната к ветру (если мерить до носа и кормы) и была сформирована некая двойная линия. Выяснилось, что если находиться на их траверзе, то остается очень малый интервал между ними, и при этом они не мешали друг другу. Адмирал Вильнёв находился на борту корабля *Буцентавр*, расположившегося в центре, флаг адмирала Гравины развевался на корабле *Принц Астурийский*, расположившемся сзади, но французские и испанские корабли были перемешаны и порядок судов не соответствовал порядку национальных эскадр.

Поскольку способ атаки был предварительно определен и информация доведена до коммодоров и капитанов, то требовалось подать лишь малое количество сигналов...

Дело началось в двенадцать часов. Первые корабли колонны прорвались сквозь вражескую линию, главнокомандующий атаковал примерно десятый корабль спереди, его заместитель [Коллингвуд] атаковал примерно двенадцатый корабль с конца вражеской линии, и ее авангард оказался не у дел... схватка была жестокой, вражеские корабли сражались с отвагой, которая делает их офицеров достойными высокого уважения, но атака была неотразимой, и благодаря Всевышнему, который управляет всеми событиями, вооруженные силы Его Величества одержали полную и славную победу. К трем часам

пополудни многие вражеские суда капитулировали, их линия сломалась. Адмирал Гравина вместе с десятью кораблями присоединился к фрегатам, двигаясь в подветренную сторону, и взял курс на Кадис. Пять передних судов их авангарда изменили направление; они встали носами к югу... были атакованы, и большинство из них было захвачено; другие ушли, оставив эскадре Его Величества девятнадцать линейных кораблей (из которых два первоклассные, *Сантиссима Тринидад [sic]* и *Санта Анна*), с тремя командующими — вице-адмиралом Вильнёвом, главнокомандующим, доном Игнасио Мария де Алава, вице-адмиралом, и испанским контр-адмиралом доном Валтасаром Идальго Киснеросом.

После такой победы, возможно, нет нужды восхвалять каждого командира в отдельности: само дело говорит о себе больше, чем я способен выразить словами. Все были в равной степени воодушевлены, прилагая все силы и служа своей стране с усердием, и все достойны того, чтобы их высокие заслуги были отмечены. Никогда высокие заслуги не были столь заметными, как в битве, которую я описал.

Achille (французский 74-пушечный корабль), после того как капитулировал, из-за плохой распорядительности французов загорелся и взорвался. Двести человек были спасены посыльными судами.

Во время битвы произошло событие, которое столь ярко продемонстрировало непобедимый дух британских моряков, сражающихся с врагами своей страны, что я не могу отказать себе в удовольствии описать его Их светлостям лордам. Корабль *Temeraire*, случайно или намеренно, был взят на абордаж французским кораблем с одной стороны и испанским судном с другой; схватка была решительной, но в итоге флаги Объединенного флота были сорваны, а на их места водружены британские флаги.

Такая битва не может обойтись без больших людских потерь. Мало сказать, что я оплакиваю вместе со всем британским флотом и британской нацией великую утрату — главнокомандующего, героя, чье имя будет увековечено, а память о нем будет всегда дорога его стране. Мое сердце разрывается от горькой печали о смерти друга. Я чувствовал привязанность к нему на протяжении многих лет и хорошо знал достоинства его разума, порождавшего неординарные идеи. Он пал с великой славой, но это не приносит успокоения... Его светлость

лорд был ранен мушкетной пулей в левую часть груди примерно в середине баталии, немедленно послал ко мне офицера со словами прощания и вскоре после этого скончался.

Я также оплакиваю потерю отличных офицеров — Даффа, капитана *Марса*, и Кука, капитана *Беллерофона*; я пока не имею других печальных известий.

Боюсь, что число павших очень велико. Я буду знать его, когда получу официальные рапорты; со времени битвы бушует шторм, и пока не в моей власти собрать эти отчеты с кораблей.

Ройял Соверен [корабль Коллингвуда] потерял все мачты, осталась одна фок-мачта, нетвердо стоящая. Я призвал фрегат *Euryalus* в ходе акции. Он находился на достаточно близком расстоянии и принял сигнал. Далее он рассылал мои сигналы, и капитан Блэквуд делал это с величайшим вниманием. После окончания битвы я переместил свой флаг на *Euryalus*. Отсюда мне проще давать приказы и собирать корабли. *Ройял Соверен* был взят на буксир... Весь флот теперь оказался в очень опасном положении. Многие корабли лишились мачт, все были разбиты, тринадцать кораблей набрали воды, находясь у мелководья вблизи мыса Трафальгар; и когда я дал сигнал приготовиться бросить якоря, мало кораблей их имели, а канаты были прострелены. Но та сила доброго Провидения, которая помогла нам днем, сохранила нас и ночью. Ветер изменился на несколько стадий и отнес корабли от берега, кроме четырех захваченных кораблей без мачт, которые теперь стоят на якоре вблизи мыса Трафальгар. Я надеюсь, что они смогут продолжить движение, когда шторм закончится и опасность минует.

Описав, таким образом, действия нашего флота в этом сражении, я беру на себя смелость поздравить Их светлостей лордов с победой, которая, я надеюсь, увеличит славу короны Его Величества и послужит общественному благу нашей страны»^[39].

Новость о великой победе у мыса Трафальгар достигла Лондона, вызвав смешанные чувства удовлетворения от триумфа вооруженных сил и искренней скорби о смерти народного героя.

К тому времени война на континенте была в полном разгаре. Узнав о гибели своего флота, Наполеон не внес изменений в план кампании. Ее итогом стал полный разгром сухопутных армий коалиции.

Артур Уэллесли вспоминал, что в ноябре 1805 года Питт был энергичен, решителен и придерживался своих привычек — много ездил верхом и вечерами пил порт в больших количествах. В то же время врач Фаркуар отмечал его обычные желудочные и головные боли, потерю аппетита, боли в конечностях.

7 декабря Питт отправился на лечение в Баг^[40]. Он начал пить минеральную воду, однако подагра вновь напомнила о себе. 15 декабря он написал Фаркуару, что не видит причин для приезда последнего в Баг. К Рождеству он возобновил курс лечения.

Питт ждал новостей с континента, которые долго доходили до Англии. Первые сигналы были обнадеживающими. К середине декабря слухи о великом сражении достигли Лондона. Министр казначейства Уильям Хаскиссон писал Питту 19 декабря: «Сведения, полученные сегодня, достаточно достоверны, и, основываясь на них, я поздравляю вас: они открывают благоприятную перспективу»^[41].

Сообщения о катастрофе при Аустерлице появились в лондонских газетах 29 декабря. 1 января 1806 года состояние здоровья Питта ухудшилось. Он получал известия, которые означали крушение всех его надежд: разгром армий коалиции, которую Питт создавал в течение полутора лет, прекращение военных действий после битвы при Аустерлице, подписание соглашения между Францией и Пруссией. Эти события решили судьбу Европы на ближайшее время.

Фаркуар прибыл в Бат 4 января и был потрясен наружностью пациента. Питт был крайне слаб, но продолжал встречаться с коллегами и вести переписку 9 января, когда в Лондоне провожали в последний путь Нельсона, Питт покинул Бат. Экипаж сделал несколько остановок и достиг имения Патни Хиз. Джордж Каннинг писал жене, что болезнь Питта — «ничего особенного, но слабость, полное истощение, он не может ничего есть, и его голос пропадает после того, как минут пятнадцать он пытается что-то сказать... Бедный, бедный П»^[42].

Силы покидали Питта. Он отказался от причастия. Затем он пробовал писать завещание своей рукой, но неудачно. Питт продиктовал его и смог поставить подпись. Он тихо скончался.

Чарльз Джеймс Фокс был «очень опечален, очень, очень опечален»^[43]. Он добавил, что возникла «пропасть, пустота, которую нечем заполнить»^[44].

Ушел из жизни великий государственный деятель. На посту премьер-министра он добился больших успехов в мирное время, но как военный лидер, в основном, терпел неудачи. Томас Кохрейн относился к нему с огромным уважением.

В 1806 году лорд Кохрейн начал новую кампанию, атакуя суда вдоль западного побережья Франции и совершая дерзкие наземные операции. Тактическое мастерство капитана достигло невероятных высот, он составлял хорошо выверенные планы нападений и выполнял их с неизменной точностью и истинно британским мужеством, дополненным молодецкой удалью, бравадой и щегольством. Он захватывал вражеские суда, разрушал и сжигал французские сигнальные посты, расположенные на Атлантическом побережье. Команда капитана Кохрейна взрывала и предавала огню французские склады боеприпасов, заклепывала орудия и приводила плавательные средства врага в негодное состояние.

Лорд Кохрейн вступал в бой с большими силами противника и всегда в полной мере использовал фактор внезапности. Он атаковал, когда неприятель меньше всего ждал нападения, — ночью или ранним утром.

Каждая атака была очень хорошо подготовлена. Кохрейн сам ходил на разведку, внимательно изучая каждую деталь и оценивая сильные и слабые стороны вражеских кораблей и позиций. Он изучал приливы, делал замеры глубин, проводил целые ночи в лодке под неприятельскими батареями.

Он тренировал моряков и готовил их к каждой операции. Лорд Кохрейн проявлял удивительную заботу о людях, и во многом благодаря этому потери в боях были минимальными. Он никогда не позволял своим морякам рисковать жизнями без нужды. Перед тем как ринуться в атаку, он оценивал все условия, обстоятельства и возможные варианты развития событий.

Кохрейн был на редкость расчетливым командиром и, оперируя вблизи вражеских берегов и на чужой территории, всегда умел вовремя отступить. Некоторые его коллеги были менее предусмотрительными и менее удачливыми. Сам Сидней Смит попадал в плен к французам. Был еще один яркий герой похожего амплуа — капитан Джон Уэсли Райт, история которого широко известна и трагична.

Он был товарищем по несчастью сэра Сиднея Смита и его сокамерником в парижской тюрьме Тампль еще до сирийского подвига последнего. Райт был воспитан на Менорке, где изучал музыку и французский язык. Начало его карьеры — Вандея, сердце антиреспубликанского мятежа.

В 1798 году Сидней Смит и Джон Уэсли Райт совершили побег из Тампля, а затем вместе воевали против Наполеона в Сирии. Во время короткого мира с Францией Райт появился в Париже. Это вызвало неудовольствие английского посла лорда Уитворта, который считал Райта одиозной личностью: «Я, однако, сказал ему, что он может оставаться здесь и встретиться с его старыми друзьями, если в теперешних обстоятельствах они захотят возобновить знакомство, в чем я очень сильно сомневаюсь»^[45].

Капитан Райт действовал как разведчик, отправляя донесения непосредственно Питту, и командовал эскадрой бригов и катеров, перевозивших французских роялистов на материк и обратно в Англию. Среди них были знаменитый шуан Жорж Кадудаль и генерал Шарль Пишегрю.

Райт был захвачен французами на своем судне во время полного штиля. Капитан оказал сопротивление и был ранен в ногу. Его хирург рассказывал:

«Наш огонь почти прекратился, три орудия были сброшены с их позиций, остальные загромождены... корабль почти затонул. Капитан Райт был вынужден крикнуть, что сдается, как раз вовремя, чтобы спасти жизни нескольких людей, удерживавших палубу, и тут многочисленные солдаты на канонерских лодках убыстрили темп гребли, готовясь ринуться на abordаж»^[46].

Джон Уэсли Райт был назван «самым искусным и опасным авантюристом»^[47] и вновь помещен в тюрьму Тампль. Узника презрительно называли шпионом, а он требовал, чтобы его считали военнопленным.

Капитан Райт провел в тюрьме более года. Через неделю после победы англичан при Трафальгаре тридцатилетний узник был найден в камере с перерезанным горлом. Французы объявили, что он зарезал себя бритвой.

Газета *Таймс* писала:

«Мы боимся, что нет сомнений в болезни капитана Райта, но мы не можем поверить, что отважный офицер, который столь часто смотрел смерти в лицо и чье презрение к опасности вошло в поговорку, покончил жизнь способом, о котором объявлено. Те, кто давал приказы и совершил полночные убийства Пишегрю и герцога Энгиенского, несомненно, могут объяснить причину смерти капитана Райта»^[48].

Главный подозреваемый — Наполеон. На острове Святой Елены он несколько раз говорил об этом деле.

«Внимание Наполеона привлекли отдельные отрывки из брошюры, приписываемой перу герцога Ровиго^[49], относительно смерти капитана Райта, — вспоминал доктор О'Мира. — "Если бы капитан Райт, — заявил он, — был подвергнут смертной казни, то это могло произойти в соответствии с моим приказом. Герцог Ровиго ошибается, делая выпады против Фуше. Если капитан Райт был подвергнут смертной казни в тюрьме, то на то был мой приказ. Фуше, даже если бы он хотел сделать это, никогда бы не осмелился лично решить этот вопрос. Фуше слишком хорошо знал меня. Но все дело было в том, что Райт совершил самоубийство, и я не верю, что с ним плохо обращались в тюрьме. Вполне возможно, что Фуше мог угрожать ему, чтобы добиться от него новых признаний. Сидней Смит вел себя недостойно и не как честный человек, когда он написал эпитафию, посвященную памяти Райта. Ибо в этой эпитафии он прибегает к намекам или по крайней мере оставляет поле для предположений, что Райт был тайно казнен, хотя он не смеет сказать об этом открыто.

После того как он провел бы расследование, сообразуясь со всеми имевшимися у него возможностями, после того, как он исчерпал бы все средства, чтобы доказать, что Райт был убит, после того, как он получил бы возможность переговорить с тюремщиками и надзирателями тюрьмы и в результате выяснил бы, что ничего подобного не происходило, он должен был, как честный человек, открыто заявить, что нет доказательств для подтверждения подобного обвинения, вместо того чтобы прибегать к подобным намекам. Сам Сидней Смит лучше всех знал, пробыв столько времени в Тампле, что невозможно тайно убить заключенного без ведома множества лиц, причастных к его содержанию в тюремных условиях. Сидней Смит

также должен быть осведомлен о том, что никто не мог войти в тюрьму без приказа на то со стороны министра полиции"»^[50].

«Если бы я действовал по правилам, — сказал Наполеон в другой раз, — я должен был дать приказ и передать Райта военной комиссии как шпиона и расстрелять его в двадцать четыре часа, на что по закону войны я имел право. Что бы ваши министры и даже ваш парламент сделали с тем французским капитаном, о котором бы узнали, что он высадил в Англии террористов, готовых убить короля Георга?... Они бы не были столь терпимы, как я к капитану Райту. Они бы осудили его и казнили *sur le champ* [в поле]»^[51].

В 1807 году Кохрейн был направлен в Средиземное море. Теперь он командовал фрегатом *Имперуиз* (*Impérieuse*), который был больше и быстрее *Палласа*. Новое судно имело 38 пушек и дополнительные орудия, которые могли быть использованы в ближнем бою.

В июне 1808 года главнокомандующий Средиземноморским флотом вице-адмирал лорд Коллингвуд направил в Адмиралтейство детальный отчет о числе вражеских судов, захваченных британскими экипажами в Средиземном море с 1 октября 1807 года по 4 апреля 1808 года. Британские фрегаты и шлюпы успешно охотились за неприятелем. Экипажи отдельных судов захватывали по 2, 3, 4, 5 плавательных средств противника, команда шлюпа *Grasshopper* — 10, энергичный капитан Кэмпбелл и его люди захватили 11 судов. Достижение Томаса Кохрейна, капитана фрегата, было выдающимся — 29 захваченных кораблей противника!

В то время Кохрейн впервые в своей практике использовал ракеты Уильяма Конгрива. 4 сентября 1808 года он обстрелял рыболовецкий порт, расположенный между Тулоном и Марселем. Дома были сделаны из камня, и эффект от атаки был незначительным.

Кохрейн продолжал терроризировать французов, в то время как испанцы стали союзниками Великобритании. Это произошло после того, как Наполеон оккупировал Испанию своими армиями.

В конце 1808 года лорд Кохрейн принял активное участие в героической обороне форта Тринидад в союзе с испанцами, заслужив высочайшую оценку главнокомандующего Катберта Коллингвуда.

В течение четырнадцати месяцев непрерывных рейдов и боев капитан Кохрейн испытывал огромное физическое и нервное напряжение. В январе 1809 года он получил разрешение вернуться на

родину. Фрегат *Имперуиз* миновал Гибралтар и взял курс на север. Прибыв в Плимут 19 марта, лорд Кохрейн надеялся на отдых и временный покой. Эти надежды не сбылись. Капитан фрегата получил сигнал от адмирала, командующего портом: он должен сойти на берег и ждать приказов Адмиралтейства.

БИТВА БЕЗ НАЗВАНИЯ

Весной 1809 года Британское адмиралтейство готовило две операции, которые должны были оказать большое влияние на ход войны с Наполеоном. Покинув Испанию под натиском французов, Британцы вновь собрались с силами и намеревались вернуться на Пиренейский полуостров. Первая и вполне привычная задача заключалась в том, чтобы доставить в Португалию новый экспедиционный корпус. Второе предприятие требовало великого исполнителя, способного обеспечить успех дела.

Война с Францией продолжалась почти шесть лет. За это время Наполеон стал властелином Европы, установил режим блокады Британских островов и собирался привести главного врага к покорности силами всего континента. Английская промышленность лишилась важнейших рынков сбыта и переживала острый кризис. В этой ситуации британцы уповали на торговлю с Америкой и Азией, но император французов стремился нанести им удары повсюду.

За время войны Великобритания пережила несколько катастроф и лишь однажды праздновала большую победу. Разгром франко-испанского флота при Трафальгаре обессмертил имя адмирала Нельсона и временно снял прямую угрозу Британским островам, однако опасность сохранялась. Наполеон воссоздавал имперский флот и планировал операции в Вест-Индии.

В Британском адмиралтействе решили не дать французским эскадрам вырваться на просторы Мирового океана, вражеские корабли подлежали уничтожению в местах их базирования. Английские стратеги разработали план атаки военно-морских сил врага с помощью зажигательных судов.

Решение этой задачи могло быть под силу только командиру, обладавшему высочайшим мастерством и величайшей отвагой. Успех операции вознес бы его на уровень видных героев морских сражений, хотя использование зажигательных судов считалось недостойным способом ведения войны.

Среди британских морских офицеров был человек, который сам предложил этот план. Смелые высказывания были взяты на заметку

высоким начальством, и весной 1809 года настало время перейти от слов к делу.

Королевский флот Великобритании был лучшим в мире. Множество капитанов и адмиралов готовы были выполнить приказы высокого командования. Адмиралтейство имело большой выбор опытных, храбрых и талантливых морских офицеров, которые с честью справились бы с новым ответственным заданием. Руководство отдало предпочтение истощенному долгими и непрерывными морскими вахтами и боевыми делами человеку, который нуждался в отдыхе и восстановлении сил.

Находясь в Плимуте, Кохрейн получил письмо от Уильяма Джонстона Хоупа, второго лорда Адмиралтейства. Хоуп поздравлял Кохрейна с благополучным возвращением в Англию после всех испытаний, пережитых в ходе защиты форта Тринидад. Он уверил героя, что правление Адмиралтейства восхищается его подвигами, а главнокомандующий Средиземноморским флотом лорд Коллингвуд оценивает их по достоинству. После красивой преамбулы, составленной в самых теплых и дружеских выражениях, лорд Хоуп раскрыл суть дела. Военно-морские силы французов сконцентрировались в районе порта Рошфор, и это вызывает крайнюю озабоченность Адмиралтейства. Враг готовит крупные операции, и британский флот должен расстроить эти амбициозные планы. Лорд Хоуп воздал должное знаниям местных условий, которыми обладал Кохрейн, и его успехам во время службы в указанном районе. Эти успехи, считал Хоуп, должны иметь славное продолжение. Намерение Адмиралтейства состоит в том, чтобы послать капитана Кохрейна в район порта Рошфор с экспедицией. «Я осмеливаюсь сказать, — писал Хоуп, — что если состояние вашего здоровья позволяет, вы с готовностью окажете помощь этому делу»^[52]. За письмом последовало телеграфное сообщение из Адмиралтейства, вызывавшее Кохрейна в офис на Уайтхолл.

События развивались стремительно. Прибыв в Лондон, Кохрейн был приглашен на встречу с Малгрейвом, первым лордом Адмиралтейства.

Лорд Малгрейв был военным, политиком и обладателем большой частной коллекции произведений живописи, включавшей полотна Рембрандта, Тициана и сэра Томаса Лоуренса. Он был

последовательным сторонником Уильяма Питта Младшего и ушел в отставку после смерти премьер-министра в 1806 году. Малгрейв не был моряком, однако получил пост первого лорда Адмиралтейства в администрации Портленда.

Прием был радушным. Лорд Малгрейв был обаятельным человеком и отнесся к Кохрейну с полным доверием. Он не пытался преуменьшить сложности будущего предприятия и рассказал собеседнику о возражениях, которые имели против подготовленного плана некоторые старшие офицеры. План предусматривал уничтожение французских военно-морских сил с помощью зажигательных судов. Пылающие британские корабли должны были поджечь боевые суда французов, стоявшие на защищенном рейде.

Командующим британским флотом в этом районе был лорд Гамбье — исполнитель чудовищной акции по бомбардировке Копенгагена в 1807 году, которая повлекла за собой многочисленные жертвы среди мирного населения. Узнав о планах Адмиралтейства, адмирал Гамбье выразил свои сомнения в ответном письме от 11 марта: «Вражеские корабли уязвимы для атаки зажигательных судов, это ужасный способ ведения войны, и попытка будет рискованной, если не безнадежной...»^[53]

Малгрейв показал это письмо Кохрейну. Он добавил, что правление Адмиралтейства намерено нанести решительный удар по французскому флоту. Нельзя допустить прорыва английской блокады: если французы выйдут на оперативный простор, то их корабли нанесут большой ущерб британской торговле в Вест-Индии. Он попросил Кохрейна оценить положение в районе будущей операции.

Кохрейн согласился с мнением офицеров, которые сомневались в успехе атаки одними зажигательными судами. Опытный враг должен быть готов к такому нападению и держать наготове плавательные средства, которые смогут взять зажигательные суда на буксир и отвести опасность от своего флота. Но если зажигательные суда будут использованы в комбинации с кораблями, начиненными взрывчатыми веществами, бомбами и ракетами, и атака будет проведена при благоприятном ветре и приливе, то она достигнет цели. Великий мастер внезапных нападений дополнил свою оценку ранее сделанными им наблюдениями и свежими знаниями положения вещей: артиллерийские батареи острова Экс находятся в плохом состоянии и

не представляют угрозы для атакующих британских судов; французские корабли не смогут уплыть вверх по реке Шаранта, впадающей в Атлантический океан, и будут наверняка уничтожены.

Лорд Малгрейв был под большим впечатлением от оценок и наблюдений Кохрейна. Он хорошо понимал, что перед ним — великий профессионал, абсолютно уверенный в своих силах. Глава Адмиралтейства попросил капитана Кохрейна изложить высказанные соображения на бумаге, и этот план будет представлен на заседании правления.

Лорды Адмиралтейства полностью согласились со сделанными предложениями и приняли решение дать приказы лорду Кохрейну проследовать в район Рошфора и поступить под командование лорда Гамбье.

Малгрейв информировал Кохрейна о принятом решении и спросил, готов ли он привести свои планы в исполнение. Первый лорд Адмиралтейства был удивлен, услышав возражения Кохрейна. Молодой, решительный и амбициозный капитан фрегата *Имперуиз* прямо заявил, что не хочет лично участвовать в деле. Кохрейн оценил возможные политические последствия ужасной акции и предвидел, что в случае неудачи козлом отпущения станет именно он.

Капитан объяснил главе Адмиралтейства причины своего отказа. Во-первых, старшие офицеры флота, осуществляющего блокаду, ревниво отнесутся к его назначению. Во-вторых, его здоровье пошатнулось, он очень нуждается в отдыхе.

На следующий день лорд Малгрейв вновь пригласил Кохрейна и сказал ему, что правление Адмиралтейства не приветствует любого отказа или задержки со стороны капитана фрегата *Имперуиз*. Кохрейн должен вернуться на судно, а он, Малгрейв, берет на себя труд уладить все дела с Гамбье и старшими офицерами флота.

Следом первый лорд Адмиралтейства написал письмо Кохрейну, говоря о важности задания. Он заявил, что Кохрейн должен взяться за дело, если его здоровье позволяет. Малгрейв практически не оставлял Кохрейну выбора: «Я думаю, что чем быстрее вы отправитесь в Плимут, тем лучше...»^[54]

Сигнальные посты передали телеграфное сообщение из Адмиралтейства в Плимут, где на королевской верфи стоял выдавший

виды фрегат *Имперуиз*. Офицеры судна получили приказ подготовить корабль к плаванию.

Ровно через десять дней после прибытия в Плимут капитан Кохрейн и его команда вновь подняли паруса фрегата. Вскоре корабль был в проливе Ла-Манш, двигаясь в южном направлении под серым весенним небом.

В шесть часов утра 3 апреля Кохрейн и его люди увидели лес мачт британского блокадного флота и низкие скалистые берега островов Ре и Олерон. Фрегат *Имперуиз* продолжал движение, и вскоре члены экипажа разглядели все корабли флота под командованием адмирала Гамбье.

Картина была впечатляющей. Это был плавающий мир — реальное воплощение имперской мощи Великобритании. Флаги Соединенного королевства играли своими цветами в лучах утреннего солнца. Одиннадцать линейных кораблей, шесть фрегатов и несколько малых военных судов стояли на якоре, мерно покачиваясь на волнах. Они проводили долгие месяцы в холодных водах Бискайского залива, неся боевое дежурство и предотвращая попытки французов предпринять какие-либо активные действия.

Фрегат *Имперуиз* бросил якорь, и моряки проворно спустили на воду лодку с веслами. Через несколько минут лорд Кохрейн уже плыл в лодке, приближаясь к флагманскому кораблю адмирала Гамбье — трехпалубному 120-пушечному судну *Каледония*.

Джеймс, лорд Гамбье — адмирал синего флага^[55] и главнокомандующий флотом Пролива — имел плохую репутацию среди британских моряков. Он был не улыбочивым человеком суровой внешности, с высоким лбом. Лорд Гамбье отличался необычайно активной приверженностью христианским принципам, не выпускал Евангелия из рук и заслужил кличку Мрачный Джимми. Он был врагом алкоголя и сквернословия, заставлял членов своей команды участвовать в долгих и регулярных церковных службах и приводил офицеров в отчаяние, навязывая им религиозные брошюры для распространения среди моряков.

Он сделал карьеру по протекции, однако был мужественным офицером. В битве Славное первое июня (1794) он командовал 74-пушечным кораблем и сражался с отличием. Разбомбив Копенгаген в

1807 году, он захватил датский флот и привел трофейные суда в Англию.

Адмиралу Гамбье с самого начала не понравилась идея операции в районе порта Рошфор. Он не хотел использовать зажигательные суда и преувеличивал опасности, связанные с проведением акции.

Адмиралтейство требовало от него решительных действий. В письме от 19 марта Их светлости лорды призвали адмирала использовать любые средства в целях уничтожения вражеской эскадры. Они приняли меры, чтобы обеспечить лорда Гамбье необходимыми материалами и ресурсами: были даны приказы подготовить 12 транспортных судов, которые будут использованы в качестве зажигательных кораблей, и 5 судов, несущих бомбы. Уильям Контрив — изобретатель ракет, которые уже применялись для бомбардировки Копенгагена и различных французских объектов, — получил приказ прибыть в район проведения операции на транспортном судне, несущем ракеты и морские артиллерийские орудия. Он должен был осуществлять необходимый контроль новейших средств массового уничтожения.

Прочитав письмо Адмиралтейства о приготовлениях к атаке, Гамбье ответил лордам, давая свою оценку ситуации. В этой оценке обращают на себя внимание три обстоятельства: во-первых, адмирал Гамбье явно преувеличивал разрушительную силу пушек, установленных на острове Экс, в то время как Кохрейн знал о плохом состоянии французской артиллерии; во-вторых, адмирал очень боялся посадить корабли на мель; в-третьих, Гамбье считал, что французские корабли в случае опасности смогут легко уйти вверх по реке Шаранта, поскольку им помогут тот же ветер и тот же прилив, которые будут способствовать движению зажигательных судов. Кохрейн знал, что убежать французы не смогут. Таким образом, адмирал и капитан имели разные взгляды на условия проведения операции. Очевидно, что Гамбье не был столь же внимательным разведчиком, как Кохрейн.

Лодка встала вдоль борта линейного корабля *Каледония*, и Томас Кохрейн ступил на борт одного из крупнейших судов парусного флота. Лорд Гамбье встретил его с величайшей любезностью и вниманием. Столь же вежливыми были контр-адмирал Стопфорд — заместитель Гамбье и капитан *Каледонии* сэръ Гарри Нил. Другие офицеры держались менее приветливо.

Кохрейн передал лорду Гамбье письмо Адмиралтейства, подтверждавшее полномочия молодого капитана на все время проведения операции. Срок действия этих полномочий не был ограничен. Общее командование операцией было возложено на лорда Гамбье. Адмирал был проинформирован о том, что 12 зажигательных судов уже готовы. Неблагоприятные ветры мешали началу плавания, и суда стояли на якорной стоянке в Даунсе. Там же находился мистер Контрив с его ракетами.

Адмирал Гамбье ничего не сказал Кохрейну о своих сомнениях относительно успеха операции. Между тем другие офицеры узнали о приказах Адмиралтейства. Начались осложнения, которые Кохрейн давно предвидел.

Роль лидера всех недовольных играл контр-адмирал сэра Элиаб Харви — легендарный капитан линейного корабля *Temeraire* в Трафальгарском сражении. В ходе битвы Харви и его команда выдержали одновременную атаку абордажных команд французского и испанского кораблей, опрокинули врага и захватили оба судна. Элиаб Харви считал себя наследником традиций адмирала Нельсона, священных для каждого британского моряка. Он знал о подвигах Кохрейна и уважал его лично, но выразил резкое несогласие с утвержденным распределением ролей.

Харви явился на борт *Каледони* и заявил адмиралу Гамбье, что он готов на крайние меры: если его обойдут и лорд Кохрейн или другой младший офицер будут командовать атакой зажигательных судов, то он немедленно спустит флаг и подаст в отставку. Гамбье объяснил Харви, что он получил прямые приказы Адмиралтейства о назначении Кохрейна и не может их ослушаться. В ответ Харви разразился гневной тирадой, громко обвиняя командующего адмирала. Оказывается, будучи членом правления Адмиралтейства, адмирал Гамбье не признал заслуг Харви в Трафальгарском сражении и никак их не вознаградил. Обиженный заявил, что Гамбье написал в Адмиралтейство и рекомендовал младшего офицера для проведения запланированной атаки французских судов, обойдя тем самым более достойного человека.

Исчерпав набор обвинений, Харви покинул большую каюту корабля и спустился в капитанскую каюту, где застал сэра Гарри Нила и Томаса Кохрейна за беседой. Он пожал руку Кохрейну и сказал, что

был бы счастлив увидеть его по любому другому случаю, но не теперь. Он повторил, что назначение Кохрейна исполнителем операции само по себе оскорбительно и он, Харви, намерен спустить свой флаг немедленно по завершении дела.

Кохрейн рассказал Элиабу Харви об обстоятельствах своего назначения и подчеркнул, что не хотел играть никакую роль в будущей операции. В ответ Харви заявил, что Гамбье не способен командовать флотом. Вместо того чтобы послать шлюпки для проведения замеров водных глубин и определить точное место расположения защитного заграждения противника, он проводил собрания моряков ради собственного удовольствия.

Видя, что религиозность адмирала Гамбье более всего раздражает Харви, Кохрейн заявил: «Я не ханжа и не лицемерный методист. Я не пою псалмов, я не обманываю пожилых женщин...»^[56]

Слова капитана Кохрейна не успокоили разъяренного Харви. Он поднялся на палубу и продолжал громко обвинять Гамбье в мстительности и заявлять о его неспособности командовать флотом. Поскольку речи Харви теперь слышали офицеры корабля, главнокомандующий должен был наказать подчиненного. Он отослал Харви домой и отдал героя под трибунал «за обращение с ним в презрительной, оскорбительной, бунтарской манере»^[57].

Взявшись выполнять ответственный задание, Кохрейн абстрагировался от всех сопутствовавших делу субъективных обстоятельств. Лишь только забрезжил рассвет нового дня, фрегат *Имперуиз* поднял якорь и отправился на разведку. Кохрейн вновь и вновь внимательно изучал местность. Река Шаранта впадает в залив, являющийся частью Бискайского залива. В этом заливе, воды которого омывают западный берег Франции в районе портов Рошфор и Ла-Рошель, находятся несколько островов. Крупнейшими из этих островов являются Ре и Олерон — первый расположен к северу от второго. Маленький остров Экс близок к устью реки Шаранта. На нем находятся форт и пушки. Французские корабли расположены к югу от острова Экс.

Фрегат *Имперуиз* медленно плыл к месту расположения вражеских судов. Корабль приблизился к острову Экс, и капитан Кохрейн вновь убедился в том, что французские батареи, которых лорд Гамбье очень боялся, лежат в руинах.

Следующим утром Кохрейн предпринял еще одну разведывательную операцию. В 7 часов 30 минут британцы произвели выстрел по вражеским батареям. Французы ничем не ответили.

Фрегат *Имперуиз* повернул на другой галс и выстрелил в направлении вражеских кораблей. Прозвучали бортовые залпы французских орудий, но снаряды не причинили ущерба фрегату. В 8 часов 10 минут одна из батарей острова все же открыла огонь, который также не достиг цели. Французам понадобилось 40 минут, чтобы подготовить и произвести выстрел. Боеготовность гарнизона острова Экс была явно невысокой.

Кохрейн доложил главнокомандующему результаты разведок и испытаний. Лорд Гамбье продолжал утверждать, что батареи острова очень сильны. В то же время он принял предложение Кохрейна не ждать прибытия зажигательных судов из Англии, а сделать семь таких судов из имеющихся транспортных кораблей.

Началась подготовка к атаке, в которой активнейшее участие приняли члены экипажа фрегата *Имперуиз*. Корабли соответствующим образом переделывались, нагружались бочками с порохом, легковоспламеняющимися материалами. Были изготовлены специальные рамы — конструкции, несущие ракеты.

Кохрейн отлично понимал, что атака с помощью зажигательных судов не достигнет цели, если враг будет в состоянии удалить эти суда от своих кораблей на безопасное расстояние. Важно было запугать противника и парализовать его волю к сопротивлению. Он намерен был достичь этого, взорвав корабли с бомбами на борту, и подготовил четыре таких судна. Самую опасную работу должны были выполнять те, кто поведет эти корабли в атаку на противника. Достигнув нужного места, они зажгут фитиль и покинут корабль. У них будет от 12 до 15 минут для того, чтобы удалиться на лодке на безопасное расстояние.

6 апреля появилось судно *Аэтна* с Уильямом Конгривом на борту, а четырьмя днями позже из Англии прибыли все зажигательные корабли.

Кохрейн имел в своем распоряжении 4 корабля с бомбами и 20 зажигательных судов. Он настаивал на том, что необходимо иметь большие суда, способные прорвать любое защитное ограждение. Ему выделили 44-пушечный двухпалубный корабль *Медиатор*. Атака

должна состояться ночью, а потому важными участниками события будут два шлюпа, выполняющие функцию осветительных судов.

Подготовка к операции была, в основном, закончена. Атака начнется, когда природа будет на стороне британцев. Им нужны северо-западный ветер, прилив и темная, безлунная ночь.

Французы были начеку и приняли меры против вражеского нападения. 17 марта командование флотом принял адмирал Аллеман. Он приказал построить одиннадцать больших боевых кораблей в две линии и приблизить их к острову Экс — под защиту батарей. Перед линейными кораблями были поставлены четыре фрегата, которые охраняли защитное заграждение — массивнейший кабель, подвешенный на деревянные буи и прикрепленный цепями к якорям огромного веса.

Адмирал Аллеман видел прибытие транспортных судов неприятеля и понял, что готовится атака с помощью зажигательных кораблей. Он направил более семидесяти вооруженных баркасов на защиту своего флота. Они заняли позиции у защитного заграждения и готовы были буксировать зажигательные суда противника.

Аллеман приказал экипажам линейных кораблей убрать удлинения мачт и ненужные паруса. Он принял меры для уменьшения вероятности возгорания кораблей.

11 апреля подул северо-западный ветер, благоприятный для британской атаки. Аллеман понимал, что опасность нападения очень велика. Когда солнце заходило, ветер продолжал дуть с большой силой. Невозможно было представить, как будут развиваться события. Аллеман дал своим капитанам свободу действовать по обстоятельствам.

Британцы закончили свои приготовления к полудню. Зажигательные корабли и суда с бомбами были укомплектованы людьми. Это были волонтеры, поскольку использование зажигательных судов считалось варварским методом ведения войны. Попав в плен к французам, эти люди подлежали казни.

Экипаж каждого судна состоял из четырех или пяти человек. Командовал экипажем лейтенант. Кохрейн должен был повести один из кораблей с бомбами. Членами его команды были пять моряков фрегата *Имперуиз*, в том числе его брат Басил. Гардемарин Фредерик

Марриет (Marryat) — будущий писатель — плыл на другом корабле с бомбами.

Выполнив свою миссию, моряки должны будут покинуть корабль и плыть на лодках. Для этой цели были подобраны маленькие узкие четырехвесельные лодки. Их прицепили к задним частям кораблей.

Лорд Гамбье проявлял осторожность. Днем раньше он не позволил Кохрейну начать атаку, сказав рвавшемуся в бой капитану: «Если ваш выбор — саморазрушение, то это ваше дело, но я должен заботиться о жизнях других людей...»^[58]

Теперь британцы имели все козыри на руках. Корабли и их команды были готовы и ждали сигнала, ветер и прилив помогали движению судов. Адмирал Гамбье приказал действовать.

В четыре часа пополудни 11 апреля 1809 года лорд Кохрейн поднял якорь своего корабля. *Имперуиз* в сопровождении трех фрегатов устремился в юго-восточном направлении — туда, где стояли готовые к вражескому нападению французские суда.

Британские корабли бросили якоря примерно в трех милях от неприятельских позиций. Здесь было удобно встречать лодки, которые будут возвращаться после выполнения ужасного задания. Сумерки сгущались, и осветительные суда также заняли правильные позиции.

Зажигательные корабли и суда с бомбами начали движение. Море было очень беспокойным, что должно сильно затруднить работу гребцам во время возвращения лодок. Стало абсолютно темно, но это полностью отвечало желаниям британцев.

Кохрейн сохранял полнейшее хладнокровие, и его описание событий лишено эмоций. Марриет был более чувствительным и позднее вспоминал зловещую тьму, усилившийся ветер и стремительное движение корабля. Вся картина напоминала «вхождение во врата ада»^[59].

Корабль Кохрейна шел первым, и командир принимал на себя наибольший риск. Он вел судно, начиненное огромным количеством взрывчатки, и один удачный выстрел французов мог стать роковым для лорда Кохрейна и членов экипажа корабля.

Этот корабль взорвался раньше, чем планировалось, — через девять минут после зажжения фитиля. Одновременное воспламенение полутора тысяч бочек пороха породило взрыв, окрасивший небо в красный цвет и заставивший содрогнуться все живое вокруг. Горящие

осколки, гранаты, ракеты, масса дерева взмыли в воздух, перелетели лодку и упали в воду. Кохрейн и члены его экипажа могли погибнуть, если бы успели уплыть дальше.

Взрыв произвел ужасное впечатление даже на готовых к нему британцев. Следствием гигантского взрыва, сила которого сравнима с мощностью землетрясения, стала морская волна огромной высоты. Лодка взлетела вверх, будто пробка, и едва не стала жертвой водоворота. Лишь мастерство членов экипажа спасло их жизни. Опасность миновала, и вновь стало тихо и темно.

Марриет и лейтенант Джонсон управляли ходом второго судна, а другие три человека находились в лодке: один из них держал веревку, второй рулил, а третий вычерпывал воду, угрожавшую затопить лодку.

Корабль Джонсона и Марриета врезался в защитное ограждение, но не прорвал его. Фитиль был подожжен, все члены экипажа корабля собрались в лодке и начали дружно работать веслами. Лодка была в двухстах ярдах от корабля, когда раздался взрыв колоссальной силы. Деревянные обломки, осколки и гранаты взлетели на огромную высоту. Часть из них возгоралась во время взлета, другая часть — в ходе падения. Мусор и осколки падали вокруг лодки, в которой находился Марриет, но они не нанесли ущерба морякам. Гребцы работали веслами, ведя лодку против течения, и движение было медленным. Они плыли вдоль зажигательных судов, которые возгорались одно за другим. Ракеты Уильяма Конгрива воспламенялись и взлетали в воздух, оставляя длинные и жуткие следы.

Эти огненные змеи наводили ужас на жителей Копенгагена, когда британский флот адмирала Гамбье обстреливал мирный город в сентябре 1807 года. Запуск ракет угнетающе действовал на человеческую психику, а потому для большего эффекта обстрел производился в темное время суток. Устрашающий вид и неприятное шипение снарядов парализовывали волю людей.

Экипажи зажигательных судов делали свою работу, но некоторые из кораблей воспламенялись слишком рано — люди торопились покинуть опаснейшее место. Большой корабль *Медиатор* шел прямо на врага и прорвал защитное ограждение. Команда готовилась покинуть судно. Пламя вызвало взрыв, выбросивший людей за борт. Один пушкарь погиб, капитан судна получил тяжелые ожоги, а два

лейтенанта и матрос также пострадали от огня. Оставшиеся в живых добрались до лодки и спаслись.

Аллеман готовился к нападению, но вечером 11 апреля интуиция его подвела. Ветер заметно усилился, и французский адмирал не поверил, что враг решится атаковать в штормовую погоду и в кромешной тьме. Он совершил ошибку, отозвав вооруженные баркасы и беспалубные суда, дежурившие у защитного заграждения.

Взрыв первого корабля с бомбами стал естественным сигналом тревоги для всего французского флота. Страх и трепет охватили людей. Моряки высыпали на палубы, в ужасе наблюдая сцену начала атаки. Они не успели понять смысл происходящего, когда прогремел второй взрыв, вновь осветивший место необычайных событий. Англичане и французы имели возможность разглядеть позиции неприятеля, после чего вновь стало темно. Но это не была полная тьма — французские моряки видели, как один за другим воспламенялись корабли, движущиеся в направлении их позиций. Это были зажигательные суда. Только четыре из них достигнут места расположения французского флота, но решающую роль начинал играть фактор психологического воздействия. Французы не могли понять, какие из вражеских судов взорвутся, а какие просто горят.

У страха глаза велики, и французы ожидали самого худшего. Нужно было что-то делать, но очень сложно составить хороший план в условиях недостатка времени и жесткого давления чрезвычайных обстоятельств. Моряки и командиры французского флота поддались панике.

Фрегаты, стоявшие впереди линии больших кораблей, снялись с якоря. Их капитаны видели, что те же действия предприняли потерявшие голову командиры линейных судов. Только капитаны кораблей *Cassard* и *Foudroyant* сохранили хладнокровие и не стали участниками хаотичного движения.

В десять часов вечера флагманский корабль *Океан* сел на мель, и туг же в него врезалось британское зажигательное судно. Команда корабля бросилась тушить пожар, пустив в ход все имевшиеся технические средства. Пока моряки лихорадочно боролись с огнем, в судно врезались два других линейных корабля французов — *Tonnerre* и *Patriote*. Минимум пятьдесят моряков погибли в ходе борьбы за спасение судна. Большинство из них упали за борт и утонули.

К *Океану* приближалось еще одно зажигательное судно. Пушкари дали бортовой залп, и оно изменило направление движения.

Суда с бомбами и зажигательные корабли не уничтожили полностью ни одного французского судна, однако они заставили врага в панике метаться и спровоцировали хаос на рейде острова Экс. Сильный ветер, большие волны и прилив стали союзниками британцев. Тринадцать из пятнадцати кораблей французского флота сидели на мели и должны были стать добычей врага. Ничего подобного не было со времен Трафальгарского сражения. Все происходившее в районе маленького острова Экс не было битвой в традиционном смысле этого слова, однако вероятная катастрофа французского флота должна была стать погребальным колоколом мировых имперских амбиций Наполеона Бонапарта.

Лодки британцев возвращались на корабли. Гребцы делали утомительную работу, борясь с неблагоприятным ветром и силой прилива. Шел дождь. Моряки промокли, а лодки наполнялись водой, которую приходилось вычерпывать. Кохрейн и его команда преодолели расстояние в три мили и достигли места стоянки фрегата *Имперуиз* после полуночи. Находившиеся на корабле моряки помогли им подняться на борт.

Кохрейн узнал подробности событий, происходивших в его отсутствие. Он выполнял задание Адмиралтейства по уничтожению вражеского флота, хорошо спланировал и тщательно подготовил операцию. В ходе ее осуществления он мог быть недоволен, как выполнялись его предначертания и приказы, но увиденное им на рассвете 12 апреля не оставило места для недовольства или неудовлетворенности.

Было серое, пасмурное и туманное утро. Дул свежий бриз. Взору британских моряков предстала необычная картина — там, где днем раньше царил порядок и французские суда стояли аккуратными линиями, теперь наблюдалось полнейшее расстройство. Только два вражеских судна могли передвигаться — то были линейные корабли. К югу от них под разными углами сидели на мели боевые суда имперского флота. Среди них выделялся огромный корпус *Океана* — 120-пушечного флагманского корабля французского главнокомандующего. Было очевидно, что во время ночной атаки большинство вражеских кораблей устремились в направлении устья

реки Шаранта, стремясь покинуть залив, зацепили дно и сели на мель. Уровень воды в заливе достиг своего пика в два часа утра, а начавшийся затем отлив еще более усугубил положение французских судов — они дали большой крен и теперь имели жалкий и беспомощный вид. Огонь британских орудий мог повредить их днища и окончательно вывести корабли из строя.

Положение, в котором оказались адмирал Аллеман и его моряки, было самым ужасным. Вместо активных операций на просторах Мирового океана, которые должны были вскоре начаться согласно разработанным планам, французам предстояло предпринять отчаянные усилия по спасению своих попавших в ловушку кораблей. Долг воинской чести требовал использовать все шансы в этой борьбе. Французы должны были приступить к проведению долгой, тяжелой и трудоемкой операции по освобождению своих кораблей. Следовало максимально их облегчить — выбросить за борт пушки и другое тяжелое оборудование. Оставшиеся на плаву корабли и новый прилив должны были способствовать вызволению севших на мель судов.

Эти действия требовали немало времени, и британцы имели все шансы опередить врага. Кохрейн и его люди проделали грязную и опасную работу, и теперь наступал черед больших кораблей британского флота. Капитан фрегата *Имперуиз* должен был проинформировать командующего адмирала о результатах первого этапа операции.

Лорд Кохрейн приказал поднять все шлюпки на борт корабля. В 4 часа утра фрегат *Имперуиз* поднял паруса и поплыл в сторону стоявших на якоре британских судов. В ходе движения корабль оставался вне досягаемости французских артиллерийских орудий, установленных на острове Экс.

Флот адмирала Гамбье занимал позицию в трех милях от места временной стоянки фрегата *Имперуиз* и в шести милях от ближайшего французского судна. Это было достаточно далеко и не давало командующему адмиралу возможности наблюдать за ходом действий.

В 5 часов 48 минут утра Кохрейн послал сигнал адмиралу Гамбье: «Половина флота может уничтожить врага: семь [судов] на мели»^[60]. Сигнал был принят, и флагманский корабль *Каледония* дал подтверждающий знак, однако лорд Гамбье не послал Кохрейну никакого ответа.

Небеса прояснились, и видимость стала хорошей. Наблюдатели на фрегате *Илтеруиз* теперь могли разглядеть полную картину места событий, в том числе самые удаленные от них суда противника.

В 6 часов 40 минут Кохрейн послал второе сообщение адмиралу: «Одиннадцать на мели»^[61]. Сигнал был принят и подтвержден, однако британские корабли не тронулись с места.

Нетерпение Кохрейна возрастало, и в 7 часов 40 минут он послал третий сигнал: «Только два на плаву»^[62]. Краткие и содержательные сообщения дали адмиралу реальное описание сложившейся ситуации.

В девять часов утра Кохрейн вновь повел свой корабль к острову Экс, чтобы наблюдать за событиями. Он понимал, что наступает идеальное время для атаки и разрушения вражеских кораблей: британцам помогал новый прилив. Теперь он сторал от нетерпения и приходил в полное отчаяние от собственного бессилия, поскольку верная добыча готовилась выскользнуть из рук. Кохрейн видел, как команды нескольких французских кораблей выбрасывали за борт пушки и различные припасы. Они работали дружно и энергично, а новый прилив должен был помочь их усилиям. Британцы не имели права медлить, и в половине десятого утра Кохрейн послал четвертый сигнал своему адмиралу: «Враг готовится уйти»^[63].

Лорд Гамбье продолжал терять время, и непонятно, почему. Кохрейн рисковал жизнью, выполняя опаснейшее задание, и британские моряки приносили жертвы для достижения общей цели. Несколько обстоятельств мешало осторожному адмиралу перейти к решительным действиям: во-первых, Гамбье был противником самой идеи атаки с использованием зажигательных судов; во-вторых, его офицеры восприняли в штыки назначение младшего офицера исполнителем операции; в-третьих, в сообщениях Кохрейна было некоторое противоречие — вначале он сказал о семи, затем об одиннадцати севших на мель кораблях.

Лорд Гамбье колебался, оценивая все условия и политические соображения. Приказы Адмиралтейства предписывали ему осуществлять общее руководство проведением операции, однако он не получил прямых указаний использовать корабли флота для проведения атаки.

Было желательно, чтобы специально подготовленные корабли с бомбами и зажигательные суда разрушили французский флот, однако

этого не произошло. Проведенная капитаном Кохрейном атака создала условия для уничтожения вражеского флота, но не привела к разрушению судов неприятеля. Адмирал Гамбье не испытывал симпатий к Кохрейну и не вполне доверял его сообщениям. Ночью он видел вспышки взрывов и пламя, пожирившее суда, но не знал всех обстоятельств дела. Гамбье боялся вести корабли в залив, поскольку не хотел сделать их мишенями стоявших на острове Экс артиллерийских орудий или посадить суда на мель. Он поддерживал операцию в целом, но при этом не хотел рисковать своим флотом. Лорд Гамбье давал молодому и нетерпеливому капитану уроки выдержки, высокой ответственности и заботы о кораблях Его Величества.

В десять часов Кохрейн приказал бросить якорь вблизи места, где его корабль провел предыдущую ночь. Ожидая действий адмирала, Кохрейн направил лодку для проведения замеров глубин. Он имел точную французскую карту залива и приказал сделать замеры в нескольких важнейших местах. Он также имел ясное представление о том, что пушки острова Экс не представляют большой опасности для британских судов.

Получив четвертый сигнал капитана Кохрейна, лорд Гамбье наконец решился снять корабли с якоря. Британский флот начал медленное перемещение. Кохрейн в большом волнении наблюдал за движением судов и испытывал облегчение. Оно было временным — флагманский корабль бросил якорь вдали от острова, другие суда последовали его примеру. Не только Кохрейн, но другие моряки флота испытали страшное разочарование и не сдерживали своих эмоций. Кохрейн понял, что Гамбье не намерен атаковать.

Капитан фрегата *Имперуэз* решил заставить своего адмирала вступить в бой. Он очень устал, однако все еще был способен разрабатывать планы и приводить их в исполнение. Кохрейн хорошо понимал, что он не может действовать вопреки приказам главнокомандующего. Начни он какое-либо независимое действие, и лорд Гамбье сможет расстроить его план одним сигналом. Кохрейн решил действовать так, чтобы впоследствии иметь оправдание. Он собрался атаковать линейные корабли противника своим фрегатом.

Шесть лет спустя участник тех событий британский капитан Фредерик Метлэнд объяснит своему пленнику Наполеону Бонапарту, почему даже три фрегата не могут сражаться на равных с одним

линейным кораблем — полноценным участником морского сражения. Он говорил о линейном корабле, который свободно оперирует и стреляет из всех бортовых орудий. Кохрейн готовился атаковать суда, сидевшие на мели.

Чтобы не дать адмиралу Гамбье повод отозвать его, Кохрейн решил заставить свое судно медленно дрейфовать в сторону вражеских кораблей задом наперед. Такой способ действия позволит ему впоследствии сказать, что корабль несло приливом. Чрезвычайно усталый капитан и его команда вновь должны были проявить виртуозное мастерство навигации.

В час дня фрегат *Имперуэз* начал движение. Он тащил якорь по дну. Прилив помогал медленному перемещению корабля в юго-восточном направлении. Лорд Кохрейн шел в атаку.

Британцы потеряли время, и французы успели многое сделать для спасения судов. Часть из них вновь была на плаву, включая флагманский корабль *Океан*, Увидев большое движение флота адмирала Гамбье, французские моряки решили, что англичане собираются напасть. Атака была отложена, но порожденная движением неприятеля паника продолжалась. Приближаясь к вражеским позициям, Кохрейн наблюдал хаотичное движение кораблей противника. *Foudroyant* и *Cassard* снялись с якорей и устремились к устью реки Шаранта, где сели на мель.

В один час тридцать минут пополудни Кохрейн послал сигнал адмиралу Гамбье: «Вражеские корабли на плаву»^[64]. Кохрейн установил топсели — паруса второго яруса, и фрегат устремился к группе сидевших на мели кораблей противника. Один из них был ранее брошенной развалиной, три других судна распластались поблизости — то были *Калькутта* (Calcutta), *Ville de Varsovie* и *Aquilon*. За ними очень крепко сидел на мели корабль *Tonnerre*. Кохрейн бросил энергичный вызов адмиралу, послав одно за другим два сообщения. В 1.40 пополудни он сигнализировал: «Враг сильнее преследующего корабля, но слабее флота»^[65]. В 1.45 пополудни он информировал лорда Гамбье: «Корабль в опасности и нуждается в немедленной помощи»^[66].

Своим последним сигналом Кохрейн взывал к воинской чести командующего адмирала. План Кохрейна, похоже, удался — бросить

в беде героический экипаж фрегата *Имперуиз* адмирал не мог, иначе он заслужил бы проклятие своих подчиненных.

В течение нескольких минут после посылки сигналов фрегат *Имперуиз* приспустил паруса и выстрелил по *Калькутте*. На борту 50-пушечного французского корабля находился арсенал флота. Лафон, капитан *Калькутты*, пришел в ужас и ожидал взрыва судна. Он выбрался из окна своей каюты, находившейся в кормовой части корабля, и пустился наутек.

Фрегат *Имперуиз* имел 38 пушек и дополнительные орудия. Кохрейн придал кораблю положение, которое позволяло одновременно обстреливать три линейных корабля. *Имперуиз* бросил якорь и, согласно судовому журналу, в два часа пополудни вступил в ближний бой с тремя французскими судами.

В нормальных условиях бортовые залпы любого из трех линейных кораблей быстро бы разрушили фрегат капитана Кохрейна. Однако французы успели выбросить за борт множество своих пушек, и они были деморализованы ночной атакой и долгим сидением на мели.

В течение получаса лорд Кохрейн руководил действиями своих людей, которые вели неравный бой. Наконец он получил долгожданную помощь.

Первой подоспела *Аэтна*, несущая бомбы, и начала обстрел французских позиций. Шлюп *Бигл* проплывал мимо фрегата капитана Кохрейна и трижды приветствовал его славную команду. Затем подошли три брига, а следом за ними — два линейных корабля и пять фрегатов. Капитан Фредерик Метлэнд, шотландец и будущий знакомый Наполеона, вел фрегат *Эмеральд*.

Кохрейн рассчитывал на атаку силами всех судов британского флота, но и присланных адмиралом кораблей было достаточно для победы. Позднее Гамбье пошлет подкрепления под командованием контр-адмирала Стопфорда.

Оставшаяся без капитана команда *Калькутты* некоторое время сопротивлялась, но затем покинула корабль. Посланный Кохрейном гардемарин и лейтенант шлюпа *Бигл* ступили на борт трофейного судна. Лейтенант поджег корабль, но пламя распространялось очень медленно.

Кохрейн более не мог стоять на ногах от усталости, его люди также были совершенно истощены. В 3 часа 30 минут пополудни лорд

Кохрейн дал приказ прекратить огонь. В ходе неравного боя команда фрегата *Имперууз* потеряла больше людей, чем обычно: три человека были убиты и одиннадцать ранены. Огонь французских орудий нанес фрегату существенные повреждения.

Экипажи французских кораблей *Ville de Varsovie* и *Aquilon* продолжали героическое сопротивление, однако понесли большие потери и капитулировали в 5 часов 30 минут пополудни. Примерно через два часа взорвался *Tonpegge*, а еще через час взлетела на воздух *Калькутта* с ее арсеналом, озарив окрестности красным светом и осыпав все вокруг горящими обломками.

Некоторые британские корабли садились на мель, но вскоре вновь были на плаву. Фрегат *Имперууз* также прошел через это испытание.

Пленные моряки кораблей *Ville de Varsovie* и *Aquilon* вывозились на шлюпках фрегата *Имперууз*. Кохрейн контролировал эту операцию, и сам при этом чуть не погиб. Капитан корабля *Aquilon* сказал, что он забыл на судне личные вещи и карты. Кохрейн вызвался ему помочь, и два капитана поднялись на борт корабля. Когда они возвращались на лодке, случайный выстрел орудия с горящего судна *Tonpegge* смертельно ранил французского капитана. Кохрейн остался невредимым.

Ville de Varsovie и *Aquilon* были преданы огню. Это вызвало сожаление многих британских моряков, в том числе Кохрейна. *Ville de Varsovie* был одним из красивейших двухпалубных кораблей в мире. Когда пламя горящих кораблей осветило ночное небо, сидевшие на мели французские суда открыли огонь. Моряки думали, что в их сторону вновь направлены зажигательные суда.

К семи часам утра 13 апреля вблизи острова Экс находились фрегаты *Имперууз* и *Паллас*, корабль с бомбами *Аэтна*, шлюп *Бигл* и восемь судов меньшего размера. В ходе боя адмирал Гамбье слал подкрепления, но затем корабли были отозваны и воссоединились с флотом. Кохрейн решил игнорировать приказ, считая, что отзыв касается только присланных ему на помощь судов.

В устье реки Шаранта по-прежнему сидели на мели несколько французских кораблей. Флагманский корабль *Океан* был среди них.

Кохрейн не был удовлетворен достигнутым результатом. Он должен был выполнить задание Адмиралтейства и нанести

максимально возможный урон военно-морским силам врага. Неутомимый капитан вновь рвался в бой.

Устье реки Шаранта было недостаточно глубоким для фрегата *Имперуиз*, и Кохрейн приказал капитану *Аэтны* и командирам малых судов атаковать *Океан* и два других корабля противника. В 11 часов утра флотилия, составленная из малых судов, бросила якоря вблизи кораблей неприятеля и открыла по ним огонь. Бой продолжался в течение пяти часов. Потери среди моряков были небольшими, однако суда получили значительные повреждения. Флагманский корабль адмирала Аллемана был потрепан очень сильно.

Примерно в полдень на борт фрегата *Имперуиз* было доставлено письмо капитану Кохрейну от лорда Гамбье. «Вы выполнили свою часть задания просто восхитительно, — писал адмирал. — Не запятнать бы теперь это достижение, пытаюсь сделать невозможное»^[67]. Он просил Кохрейна прибыть на борт флагманского корабля как можно быстрее и помочь ему составить донесения Адмиралтейству. В то же время Гамбье предоставил Кохрейну полномочия для продолжения атаки французских судов. Главнокомандующий выделил исполнителю операции три брига и два судна с ракетами, но выразил сомнения в успехе будущей акции.

Капитан никак не ответил на комплименты со стороны командующего адмирала. Кохрейн написал, что он и его люди могут уничтожить сидевшие на мели суда, и выразил надежду, что лорд Гамбье одобрит указанный план. Он направил один из шлюпов с этим ответом и одновременно послал телеграфный сигнал на флагманский корабль: «Могу уничтожить врага»^[68].

В четыре часа пополудни *Аэтна*, *Бигл* и другие суда вынуждены были прекратить бомбометание и уйти из устья Шаранты в район глубоких вод, поскольку происходил быстрый отлив. Шел дождь, ветер поднимал высокие волны.

Утром 14 апреля погода по-прежнему не радовала — сильный дождь и порывистый ветер с запада. По меньшей мере четыре французских боевых корабля смогли вырваться из земляных капканов и уйти вверх по реке в направлении порта Рошфор. Экипажи все еще сидевших на мели судов выгружали пушки и припасы в различные плавательные средства. Кохрейн не сомневался, что эти корабли можно уничтожить. Среди них был *Океан*.

Прежде чем Кохрейн смог организовать новую атаку, он получил второе письмо от лорда Гамбье. Главнокомандующий просил помощи в составлении донесений Адмиралтейству и сообщил герою о своем приказе: обязанности Кохрейна теперь будет исполнять капитан Вулф.

После полудня фрегат *Имперуиз* покинул место необычной баталии и присоединился к флоту. Вскоре Кохрейн был в большой каюте флагманского корабля. Тридцатитрехлетний капитан предстал перед маститым флотоводцем, который был старше его на девятнадцать лет. Как всегда, Кохрейн был предельно откровенен. Он сказал Гамбье, в чем была главная причина колебаний адмирала. На его взгляд, она заключалась в выборе исполнителя операции — младший офицер получил преимущество над старшими. Кохрейн настоятельно рекомендовал лорду Гамбье направить адмирала Стопфорда к месту проведения операции с флотилией фрегатов и других судов. Он считал это необходимой мерой, призванной предотвратить шум, который поднимется в Англии. Это было серьезнейшее предупреждение, если не угроза.

Лорд Гамбье был очень расстроен и ничего не произнес в ответ. «Милорд, — сказал Кохрейн, — вы хотели, чтобы я разговаривал с вами откровенно, и я только что воспользовался этой свободой»^[69].

Адмирал более всего волновался за свои депеши Адмиралтейству, и он дал Кохрейну письменные приказы направиться в Англию вместе с сэром Гарри Нилом.

Следующим утром фрегат *Илтеруиз* поднял паруса и взял курс на Англию. Менее чем через неделю моряки увидели вдали остров Уайт. Утром 21 апреля фрегат бросил якорь на стоянке в Спитхеде.

Лорд Гамбье оставался в районе проведения операции еще две недели. Ужасная погода затрудняла действия англичан, и французы увели еще три судна вверх по реке. Капитан четвертого корабля не смог его освободить и предал огню. К началу второй недели только один корабль сидел на мели. Лорд Гамбье опять медлил с атакой. Наконец он ее провел, но безуспешно. Французы смогли вызволить корабль, и он уплыл вверх по реке. Это произошло 29 апреля. В тот же день адмирал Гамбье получил приказ вернуться в Англию.

В ходе акции французы потеряли 200 человек убитыми и 650 ранеными. Пять кораблей были сожжены и разрушены, еще несколько

судов получили большие повреждения. Потери британцев составили 10 человек убитыми и 37 ранеными.

Французские моряки были совершенно деморализованы и потеряли всякую веру в свои силы и возможности сражаться с врагом на морях и океанах. Пленный офицер сказал, что «теперь они не имеют защиты от англичан в собственных гаванях»^[70]. Он добавил, что моряки ожидают худшего — британцы совершат нападение на Брест и захватят французский флот, когда им будет удобно.

Капитаны четырех французских кораблей были отданы под трибунал. Суд состоялся на борту флагманского корабля *Океан* в Рошфоре и выявил чудовищную дезорганизацию французского флота, вызванную вражеским нападением.

Капитан Жан Батист Лафон, бросивший свой корабль *Калькутта* на произвол судьбы и спасшийся бегством, был признан виновным и приговорен к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение на борту корабля *Океан* 9 сентября. Еще два капитана были признаны виновными и приговорены к различным срокам тюремного заключения (один — два года, другой — три месяца), четвертый был оправдан.

Несколько лет спустя во время своих бесед с доктором О'Мира на острове Святой Елены Наполеон дал оценку событий в устье реки Шаранта. Император согласился с тем, что, будь Кохрейн надлежащим образом поддержан, он бы уничтожил все французские корабли. «Он не только бы уничтожил их, — ответил Наполеон, — но он мог и он должен был захватить их, если бы ваш адмирал поддержал лорда Кохрейна, что ему и следовало бы сделать. Ибо вследствие сигнала, данного Аллеманом кораблям, делать все, что в их силах, чтобы спасти себя, фактически сигнала «спасайся, кто может» экипажи кораблей охватил панический страх и они стали рубить канаты. Ужас, поразивший матросов брандеров, транспортных кораблей, хранивших запасы горючих веществ и пороха, был настолько велик, что они стали сбрасывать за борт бочки с порохом, чтобы не оказывать англичанам никакого сопротивления. Французский адмирал был настоящим глупцом, да и ваш тоже был не умнее его. Я уверяю вас, что если бы Кохрейна поддержали, то он смог бы захватить все французские корабли»^[71].

События в устье реки Шаранта. Мало кто из любителей истории с уверенностью скажет, о каких событиях идет речь. Произошедшее в апреле 1809 года сражение называли по-разному — именем залива, рейда, острова, близлежащего порта. Ни одно из этих названий не является общепризнанным. Операция лорда Кохрейна остается битвой без названия, а ее результаты и последствия весьма противоречивы. Французы стояли на пороге воссоздания мощного военно-морского флота, готового вести операции в разных точках земного шара. В начале апреля план экспедиции в район Карибского бассейна выглядел вполне осуществимым. Незадолго до этого французская эскадра прорвала блокаду брестского порта и переместилась на рейд острова Экс, готовясь к выполнению новых заданий. Действия «морского волка», как французы называли лорда Кохрейна, совершенно разрушили грандиозные планы. В это время Наполеон вел очередную кампанию против австрийцев, которая станет его последним большим военным успехом. Наполеон не одерживал значимых побед на морях, но он постоянно замышлял экспедиции в Египет, Восточную и Западную Индию, Африку и другие масштабные предприятия. Лорд Кохрейн и его боевые товарищи нанесли удар, после которого французский флот больше не оправится. Тридцатитрехлетний капитан вписал последнюю страницу в историю морской войны двух империй, сцепившихся в смертельной схватке за мировое господство.

Томас Кохрейн не участвовал в крупнейших морских сражениях эпохи. Он приобрел известность своими действиями командира небольших кораблей. Весной 1809 года ему впервые доверили проведение крупной операции, в ходе которой он имел полномочия командующего большой группой судов с их экипажами. Лорд Кохрейн провел операцию без страха и упрека, и его слава должна была увеличиться.

22 апреля газета *Таймс* опубликовала сообщение, которое начиналось так:

«СЛАВНЫЙ МОРСКОЙ ПОДВИГ: Вчера, около двух часов, сэр Гарри Нил, первый капитан флота под командованием лорда Гамбье, прибыл в Адмиралтейство с отчетом о частичном разрушении французского флота...»^[72]

Здесь же было опубликовано письмо Малгрейва, первого лорда Адмиралтейства, сообщавшее об успешной атаке, проведенной ночью

11 апреля силами фрегатов, зажигательных судов, кораблей с бомбами под непосредственным командованием капитана лорда Кохрейна.

Редакционный комментарий отводил произошедшим событиям достойное место в анналах истории военно-морского флота Соединенного королевства. Подчеркивалось, что успех был достигнут во время начала новой кампании в Австрии и он воодушевит союзников Великобритании.

После разрыва Амьенского мира Англия не одерживала великих побед на суше, а ее успехи на море начали забываться. Британцы стойчески переносили тяготы военного времени, однако они очень нуждались в положительных эмоциях.

Вести о подвиге капитана Кохрейна мгновенно передавались из уст в уста. Началась череда празднований, торжественных мероприятий и уличных гуляний. Зажигались костры, общественные здания были украшены, устраивались иллюминации, слагались патриотические баллады. Томас Кохрейн стал героем баллад и театрализованных представлений на Вестминстерском мосту, которые устраивались каждую ночь. Разместившиеся в амфитеатре зрители видели славный фрегат *Имперуиз* и его непоколебимого и бесстрашного капитана, который расстреливает из орудий охваченного паникой неприятеля.

Победители французов были щедро награждены. Отличившихся офицеров повысили в званиях, члены экипажей получили денежные премии. Джеймс Вулдридж, который командовал зажигательным кораблем *Медиатор*, прорвавшим защитное ограждение, был произведен в пост-капитаны, получил золотую медаль из рук короля и презентационную шпагу от Патриотического фонда.

Лорд Кохрейн стал главным героем дня и был произведен в рыцари — кавалеры ордена Бани. Этим орденом награждались адмиралы и генералы, но очень редко — морские капитаны.

В то же время внимательные наблюдатели задавались вопросом о размерах вражеских потерь. Почему не были уничтожены все сидевшие на мели суда? Стало известно о критическом отношении главного героя к действиям адмирала Гамбье в ходе акции. Говорили о будущем выступлении Кохрейна в палате общин, членом которой он был.

Уильям Вордсворт сказал своему другу Томасу де Куинси: «Я подозреваю, что, будь дело изучено, Гамбье заслужил бы серьезных обвинений в том, что вовремя не послал корабли куда надо. В случаях подобного рода ничего эффективного сделать нельзя без значительного риска и излишняя осторожность становится трусостью»^[73].

22 мая в Портсмуте состоялся суд над контр-адмиралом сэром Элиабом Харви, обвинившим Гамбье в некомпетентности и отстраненным от командования. Отчет о нем был напечатан в газетах, что дало обильную пищу для размышлений и комментариев. Выпады Харви против лорда Гамбье стали достоянием гласности.

По приговору военного суда Элиаб Харви был уволен со службы Его Величества короля Великобритании, благодаря своим заслугам он позднее будет восстановлен, но больше никогда не получит боевых заданий.

Главным обвинителем лорда Гамбье стал Томас Кохрейн. Герой баллад не мог спокойно наслаждаться славой народного героя — он хотел добиться высшей справедливости. Узнав от Малгрейва, что палата общин собирается выразить благодарность лорду Гамбье, Кохрейн заявил о своем несогласии с этой идеей. Он предупредил Малгрейва, что как член парламента будет выступать против любого подобного предложения. Малгрейв всеми силами пытался отговорить его, но безуспешно. Тогда Адмиралтейство написало Кохрейну письмо, требуя объяснить причины его возражений. В ответ Кохрейн просто обратил внимание членов правления Адмиралтейства на записи в судовых журналах кораблей флота. Конфликт обострялся, и лорд Гамбье был вынужден потребовать проведения судебного расследования в целях защиты своей чести и репутации.

Заседания военного суда проводились на борту 44-пушечного корабля *Гладиатор*, стоявшего без движения в гавани Портсмута. Ранее здесь слушалось дело Элиаба Харви, теперь на повестке дня было дело лорда Гамбье.

Процесс начался 26 июля 1809 года. Члены суда должны были тщательнейшим и исчерпывающим образом изучить все обстоятельства дела и вынести вердикт по главному вопросу: почему командующий флотом адмирал Гамбье, получив 12 апреля 1809 года сигналы о том, что вражеские суда сидят на мели и могут быть

разрушены, в течение длительного времени не принимал эффективных мер для достижения указанной цели?

Материалами дела стали письма, донесения, судовые журналы, карты. Были допрошены участники событий.

Председателем суда был командующий в Портсмуте адмирал сэр Роджер Кёртис, друг лорда Гамбье. Вторым по старшинству офицером был адмирал Уильям Янг — еще один друг Гамбье, наряду с ним служивший в Адмиралтействе. В недалеком прошлом Янг был адмиралом порта в Плимуте и приказал отправить фрегат *Имперуиз* в плавание, хотя корабль не был должным образом подготовлен. За это Кохрейн обвинил Янга в палате общин и стал его врагом. Третьим членом суда был вице-адмирал сэр Джон Дакворт, опытный флотоводец. В большой каюте *Гладиатора* также сидели три вице-адмирала, контр-адмирал и четыре старших капитана.

12 апреля адмирал Гамбье медлил и отказывался направить свои корабли к месту битвы. Следующие обстоятельства могли помешать действиям кораблей британского флота: 1) недостаточная ширина прохода для судов; 2) недостаточная глубина залива; 3) огонь французских батарей, расположенных на острове Экс.

Суд оценил значение этих обстоятельств. Если ширина прохода была небольшой, глубина воды недостаточной, а огонь пушек разрушительным, то адмирал Гамбье рисковал потерей судов, если бы бросил их в бой.

Кохрейн и еще один присутствовавший на суде капитан имели точные французские карты места событий. Ширина прохода и глубина залива были достаточными, и по меньшей мере шесть линейных судов флота адмирала Гамбье могли бросить якоря вне досягаемости батарей острова Экс и принять активное участие в акции. Кохрейн предъявил карты, которые хорошо служили ему в ходе битвы, однако суд их отверг. Правильными и точными признавались только карты, составленные мастером флота и мастером флагманского корабля. Ширина прохода на этих картах была малой, а глубина воды — значительно меньше той, что показана на французских картах.

Были допрошены шестнадцать капитанов, и двенадцать из них поддержали адмирала Гамбье. Карьера офицеров зависит от рекомендаций начальства, а потому мало кто хотел осложнять себе жизнь. Только четверо поставили под сомнение действия

командующего. Следует добавить, что активный участник событий капитан Фредерик Метлэнд — критик адмирала Гамбье — был отослан в Ирландию до начала заседаний суда.

В течение четырех дней члены суда задавали офицерам флота вопросы о глубине вод, приливах и отливах в критические моменты битвы, числе пушек на острове Экс и дальноточности их стрельбы. Один из капитанов заметил, что пара линейных кораблей заставила бы полностью замолчать французские пушки.

Кохрейн выступал неудачно. Он подготовил официальные заметки, но это противоречило регламенту. Кохрейн отвечал на вопросы суда многословно и порой сбивчиво. Янг допрашивал его в недружелюбной манере и часто прерывал. Судья явно мстил строптивому капитану.

4 августа суд огласил свое решение. Адмиралы и капитаны нашли, что действия лорда Гамбье «были отмечены усердием, рассудительностью, профессионализмом и деятельным вниманием во благо службы Его Величеству»^[74].

В течение всего процесса шпага адмирала Гамбье лежала на столе, за которым сидели судьи. Он должен был ее лишиться, если бы проиграл дело. Однако все обернулось в его пользу, и сэр Роджер Кёртис торжественно вернул шпагу адмиралу Гамбье. Командующий был оправдан, а лорд Кохрейн становился изгоем.

Разумеется, дело было не в водных глубинах, мелях и не в дальности стрельбы пушек полуразрушенных батарей острова Экс. 1 августа 1798 года адмирал Нельсон с ходу атаковал французский флот у мыса Абукир, пустив часть кораблей на мелководье между вражескими позициями и берегом и не боясь узких проходов, мелей и береговых батарей. Сравнение с Нельсоном было убийственным для Гамбье, на что обратил внимание Элиаб Харви. Великий флотоводец рисковал жизнью и кораблями и уничтожил вражеский флот. Адмирал Гамбье не использовал своих шансов, хотя должен был всего лишь добить беззащитного неприятеля.

Лорд Кохрейн был обречен на поражение главным образом не потому, что членами суда были друзья Гамбье, и не потому, что карты адмирала были неправильными. Главная причина его фиаско заключалась в том, что младший офицер осмелился обвинять командира и тем самым бросил вызов элите военно-морского флота

Великобритании. Он служил родине и в своей борьбе шел до конца, а адмиралы защищали честь мундира. Защита оказалась сильнее нападения.

ПАРЛАМЕНТАРИЙ

Политическая карьера Томаса Кохрейна началась в 1806 году. Он был новичком в политике и нуждался в союзниках. Судьба естественным образом свела его с писателем, издателем и журналистом Уильямом Коббетом — другом Эндрю Кохрейна-Джонстона, дяди Томаса.

Уильям Коббет был учредителем и редактором газеты *Cobbett's Weekly Political Register* и бесстрашным борцом с коррупцией во всех ее проявлениях. Сорокатрехлетнего издателя внешне можно было принять за простого жителя английской провинции, и он был человеком очень располагающей наружности — типичный для фермера солнечный загар, мягкие и округлые черты лица, обаятельная улыбка. Он отличался высоким ростом, хорошим телосложением и обладал большой энергией.

В юности Коббет — сын владельца таверны — поступил в армию, прослужил семь лет на американо-канадской границе и стал старшиной. Он предпринял попытку разоблачить коррупцию, но потерпел неудачу и вынужден был покинуть армию. Коббет провел в Америке еще восемь лет. Англичанин жил в Филадельфии и хорошо освоил профессии журналиста и памфлетиста. Он вернулся на родину, в 1802 году основал газету и быстро приобрел репутацию маститого политического комментатора.

В июне 1806 года в Хонитоне — тихом городке, расположенном в плодородной долине в сорока пяти милях от Плимута, — проводились выборы в палату общин. Два человека представляли Хонитон в нижней палате британского парламента. Один депутат был выбран в апреле, Коббет решил принять участие в борьбе за второе место. В своей газете он опубликовал призыв к честным и независимо мыслящим кандидатам вступить в бой за умы избирателей Хонитона. Никто не откликнулся на его обращение, и тогда Коббет сам решил бороться за место в палате общин.

6 июня он покинул Лондон и направился в Хонитон в компании с Кохрейном-Джонстоном. Два джентльмена сидели за обеденным столом, когда Коббету принесли срочное письмо от Томаса Кохрейна. Бравый

моряк информировал, что он прочитал в лондонской прессе обращение мистера Коббета к потенциальным кандидатам в депутаты. Кохрейн знал, что Коббет решил баллотироваться сам, и понял, что причиной самовыдвижения является отсутствие других кандидатов. Он сообщил Коббету, что готов принять его приглашение. Более того — он уже на пути в Хонитон.

Кохрейн хотел стать членом палаты общин и борцом за справедливость — только такое амплу соответствовало натуре тридцатилетнего капитана. Он имел впечатляющий послужной список и достаточно обширный опыт общения с людьми. Капитан Кохрейн верил в успех новой миссии, в свои способности бороться за права людей и добиваться улучшений.

Что представляла собой политическая система Англии того времени? Она оставалась достаточно стабильной на протяжении более чем столетия. Революция середины XVII века и серия политических потрясений привели к установлению режима ограниченной, конституционной монархии. Важнейшим событием в истории страны стала Славная революция (Glorious Revolution) — принятое в британской историографии название государственного переворота 1688 года, в результате которого Яков II Стюарт был смещен с престола. Новым королем стал его зять, голландский штатгальтер Вильгельм (Уильям) III Оранский, а королевой и соправительницей была объявлена Мария II, дочь Якова II. Одним из итогов Славной революции стало принятие парламентом в 1689 году Билля о правах, в соответствии с которым гражданам были гарантированы права и свободы и законодательно исключалась возможность занятия английского королевского престола католиком. Билль о правах лишил короля Англии права отменять изданные парламентом законы или приостанавливать их действие, вводить налоги и собирать армию в мирное время без согласия парламента. Тем самым было утверждено верховенство парламента над королевской властью, что получило дальнейшее развитие в принятом в 1701 году «Акте о престолонаследии и статуте об устройстве королевства». Власть короля была подвергнута новым ограничениям, при этом усилена власть парламента и министров: отныне принятый парламентом законопроект (билль) вступал в силу лишь после его подписания не только королем, но и министром, внесшим данный билль на

рассмотрение парламента; король утратил право назначать и смещать судей, а также право помилования политических преступников, привлеченных к суду палатой общин. Вводилась ответственность министров перед парламентом.

Разделение властей, многопартийная система и влиятельная пресса создавали настоящую политическую конкуренцию и давали возможность способным людям проявить себя и претендовать на место в парламенте.

Система выборов в палату общин страдала изъянами. Кандидатов выдвигали не повсеместно, а от избирательных округов, вошедших в некогда составленный список. Порой эти округа представляли собой обезлюдившие территории, поскольку население покидало сельские районы в поисках работы. Они обладали непропорционально большим представительством в выборных органах власти, а в народе их прозвали «гнилыми местечками». Например, «гнилое местечко» Олд Сарум, ставшее печально известным в начале XIX века. Дело в том, что там не осталось ни одного избирателя, но два члена парламента по-прежнему представляли этот округ. Существовали также «карманные местечки», находившиеся под полным контролем представителей правящих классов.

Система нуждалась в фундаментальных переменах, и Уильям Коббет вел борьбу за парламентскую реформу. Кохрейн должен был стать его союзником.

Два незаурядных человека встретились. Коббет приветствовал высокого и красивого шотландца с волосами рыжего и песочного цвета, немного ниспадавшими на лоб. Начиналась дружба двух настоящих борцов за свободу, справедливость и законность, которая продлится более двадцати лет. Они будут вместе в самые критические моменты жизни и помогут друг другу пережить удары судьбы.

Коббет знал Кохрейна со слов дяди своего нового знакомого. Он беседовал со знаменитым моряком и обдумывал предвыборную ситуацию в Хонитоне.

Жители городка с нетерпением ждали выборов в парламента. Этот интерес был прагматичным — многие из них в большей степени думали не о личностях кандидатов в депутаты и их программах, а о прямой материальной выгоде от продажи собственных голосов. Они ждали этих денег и говорили об этом открыто. В условиях вечной

нехватки наличности люди жили в кредит. Получив обещанные политиками денежные суммы, горожане оплачивали ренты и закрывали счета в магазинах.

Коббет знал, что его главным соперником на выборах является чиновник по имени Кавендиш Брэдшоу, который подкупал избирателей. Опытный журналист понимал, что у него мало шансов победить Брэдшоу. Он решил сделать ставку на славного моряка, о подвигах которого жители Хонитона хорошо знали из газет.

9 июня в Хонитоне состоялась встреча кандидатов в депутаты с их избирателями. В начале лета стояла прекрасная погода, и жители Хонитона ожидали рекордного урожая. Они были в приподнятом настроении и встретили кандидатов вполне доброжелательно.

Митинг начался с бесцветного выступления мистера Брэдшоу, который обещал всемерно содействовать общественному благу. Он обратил внимание избирателей на политическую неопытность капитана Кохрейна. Жители Хонитона выслушали его речь без эмоций.

Затем выступил Томас Кохрейн. Он не был хорошим оратором, порой выражался многословно и допускал повторы. Молодой кандидат говорил о бесценных человеческих свободах, своем неприятии коррупции и обещал служить стране в целом и избирателям Хонитона в частности.

Митинг протекал скучно, однако публику весьма оживил мистер Коббет. Мирный и добродушный человек показал пример мощного красноречия и наступательного политического стиля. Он назвал Кавендиша Брэдшоу циничным лжецом, которому мало его поста в ирландском казначействе — он хочет подкупить продажных плутов, которые, как он думает, выберут его в парламент.

Избиратели получили неделю, чтобы выразить свою волю. Томас Кохрейн получил 124 голоса, а его соперник Кавендиш Брэдшоу — 259 голосов.

Мистер Брэдшоу стал членом парламента. Коббет был очень расстроен, а Кохрейн сохранял спокойствие. Полученные им призовые деньги сделали его богатым человеком, и он решил потратить небольшую сумму на обед с избирателями. Газета *Western Flying Post* написала, что был зажарен целый бык «и царило большое веселье»^[75].

В октябре Кохрейн узнал о роспуске парламента. Всеобщие выборы давали ему возможность вновь вступить в борьбу за место в

палате общин. Он решил добиться цели до того, как получит приказ выйти в море.

Кохрейн прибыл в Хонитон. Моряки фрегата *Паллас* поддерживали своего капитана в ходе обеих избирательных кампаний, однако в октябре они действовали значительно активнее и сопровождали акции проявлениями матросского задора.

Жители спящего городка были разбужены звуками движущихся по главной улице экипажей и шумом, издаваемым веселыми пассажирами. Кохрейн вышел из первого экипажа, его сопровождали два лейтенанта и гардемарин. Все были в форме военных моряков. На крыше второго экипажа восседал боцман, который дирижировал другими пассажирами, чьи дружные и упорядоченные приветственные возгласы сопровождались продолжительными криками «ура!».

В течение дня Кохрейн и его сторонники входили в каждый дом и агитировали людей. Опыт первой кампании говорил о том, что слов недостаточно. Кохрейн начал покупать голоса — он нанял глашатаю, который ходил по улицам и громко объявлял о вознаграждении: каждый избиратель, обратившийся к местному банкиру, должен был получить 10 гиней. Недоброжелатели позднее припомнят Кохрейну этот поступок.

Оказалось, что не было необходимости пятнать свою репутацию: один из кандидатов ушел к другим избирателям, а Томас Кохрейн и Кавендиш Брэдшоу стали членами парламента без борьбы. Жители Хонитона были в восторге от избрания Кохрейна и пронесли его по улицам города на руках, сидящим в кресле.

1806 год был временем надежд на скорое заключение мира между Великобританией и Францией. Питт умер в январе, и было составлено «министерство всех талантов» во главе с лордом Гренвиллом. Ведущую роль в нем играл Чарльз Джеймс Фокс, который всегда выступал за мир, резко критиковал Питта за неспособность найти общий язык с французами и лично встречался с первым консулом Бонапартом во время Амьенского мира. Наполеон очень уважал Фокса и держал у себя бюст великого либерала.

Соперничество Питта и Фокса во многом определяло содержание политической жизни Великобритании на протяжении долгих лет. Два ярчайших государственных деятеля знали друг друга с детства. Питты принимали гостей, которые оставили воспоминания об этих

посещениях и маленьком Уильяме. Леди Холланд, мать Чарльза Джеймса Фокса, рассказывала:

«Этим утром я была с леди Хестер Питт, и там есть маленький Уильям Питт, *которому еще нет восьми лет*, но он самый умный мальчик, которого я когда-либо видела; он *воспитан так строго и ведет себя так правильно*, что, *помяните мои слова*, этот маленький мальчик станет для Чарльза бельмом на глазу на протяжении всей жизни»^[76].

Фокс был на десять лет старше Питта и хотел, чтобы новый член палаты общин относился к нему как к старшему товарищу. Сын видного политика, он был человеком широкой натуры. Гурман, толстяк и любитель женщин, он вел беспорядочный образ жизни. Как политик-либерал, он открыто выступал за независимость североамериканских колоний, чем заслужил ненависть короля. Фокс и Питт были слишком разными людьми, чтобы подружиться. И Питт не принял искренних предложений Фокса о политическом союзе.

Оба были великими ораторами. Выступления Питта отличались логикой и стройностью, а Фокс в своих речах то двигался вперед, то вновь возвращался к тем положениям, которые считал наиболее важными. Он наполнял эмоциями сердца слушателей и призывал людей к действию. Фокс позже сравнил себя с молодым коллегой: если он, Фокс, за словом в карман не лезет, то у Питта всегда наготове лучшие слова!

Питт стал самым молодым премьер-министром и в то же время объектом всеобщих насмешек. Вышучивали его вздернутый нос и его абсолютную отрешенность от окружающего мира. Когда он входил в палату общин, то казалось, что юный государственный деятель никого не видит вокруг себя. Один свидетель заметил: Питт «поднимается на верхний ярус быстрым и твердым шагом, его голова выпрямляется и откидывается назад, он не смотрит ни вправо, ни влево; он не достаивает ни кивком, ни взглядом никого из сидящих... а среди них есть много таких, которые имеют пять тысяч фунтов стерлингов годового дохода и кто был бы доволен даже таким легким знаком внимания; не так лорд Норт^[77] и Фокс обходились с парламентом»^[78].

Фокс считал, что он и его сторонники легко добьются отставки Питта, однако тот оказался крепким орешком. Питт стал премьер-

министром в тяжелое для страны время. Североамериканские колонии завоевали независимость, и зашаталось само здание империи.

В 1788 году разум короля Великобритании помутился, и Фокс предпринял попытку захвата власти. Он предложил назначить своего сторонника принца Уэльского (будущего короля Георга IV) регентом, но Питт остался хозяином положения и не позволил оппонентам переиграть себя.

Это было удивительно! Фокс, уже считавший себя победителем, заранее поделивший министерские портфели и назначивший своих друзей в правление Ост-Индской компании, тем самым готовясь стать распорядителем имперских богатств, был обескуражен крушением своего плана. Король выздоровел, вернулся к делам, и народ тепло отметил это радостное событие. Популярность Питта значительно выросла.

В 1798 году борьба двух политических лидеров достигла высшей степени остроты. 24 января две тысячи человек заполнили лондонскую таверну «Корона и Якорь», где торжественно отмечалось 49-летие великого либерала Чарльза Джеймса Фокса. В свободной атмосфере праздника герцог Норфолк^[79] произнес тост за здоровье Фокса. Он добавил: «За здоровье нашего суверена: величие народа!»^[80]

В атмосфере тех дней, в условиях продолжавшейся войны с Францией это был крамольный тост. Сказать про величие народа — все равно что выразить открытые симпатии Французской революции. Герцог Норфолк следом был смещен со своих постов.

В мае того же года тост повторил Фокс, чем вновь вызвал противоречивую реакцию разных партий. Питт советовался с Дандасом, как поступить с Фоксом. Должен ли спикер палаты общин вынести ему предупреждение? «Если после предупреждения он выступит с новыми оскорблениями... то его можно будет направить в Тауэр до конца сессии»^[81].

В итоге возобладала умеренность, и решено было вывести Фокса из состава Тайного совета. Король Георг III собственноручно вычеркнул имя ненавистного ему политика из списка, испытав большое удовольствие.

После этого Фокс отказался заседать в палате общин, тем самым исключив себя из политической системы Великобритании. Он продал

дом в Лондоне и ушел в отставку. После смерти Питта он стал членом кабинета лорда Гренвилла, заняв пост министра иностранных дел.

В 1806 году правительство Наполеона вело переговоры о мире и с Россией, и с Великобританией. Соглашение с Россией было подписано, но не ратифицировано царем Александром I. Англичанам Наполеон заявил, что готов уважать их колониальные владения в обмен на мир. Однако затем он стал выдвигать новые требования, и договориться не получилось. Фокс был большим оптимистом, но даже он был глубоко разочарован. 13 сентября 1806 года Чарльз Джеймс Фокс скончался.

Война разгорелась с новой силой — Пруссия бросила вызов Франции, и Россия поддержала своего союзника. Надежды на умиротворение континента улетучились.

Один за другим ушли из жизни два британских политических гиганта. Страна продолжала посылать своих солдат и моряков на фронт войны с вечной соперницей и в итоге одержала победу, хотя в последние годы затяжного конфликта ее возглавляли мало известные большинству людей политики.

Кохрейн вышел в море на своем не вполне подготовленном корабле, однако через три месяца вернулся в Плимут. 3 апреля 1807 года он составил рапорт об отпуске по состоянию здоровья. В письме Адмиралтейству он объяснил, что непрерывные дневные и ночные вахты истощили его организм. Фрегат *Имперуэз* оперировал в опасной близости от вражеских берегов, и капитан Кохрейн не мог доверить управление кораблем другим членам экипажа. В этом письме он просил Их светлостей лордов назначить другого капитана для управления кораблем на двухмесячный срок. Он рассчитывал поправить свое здоровье за два месяца, которые проведет на берегу. За первым письмом в Адмиралтейство последовало второе, и к нему было приложено врачебное свидетельство о неудовлетворительном состоянии здоровья Томаса Кохрейна.

Капитан получил отпуск и вскоре узнал о новых выборах в парламент. Они были следствием политического кризиса в Великобритании, вызванного отставкой правительства лорда Гренвилла.

Коббет предложил Кохрейну баллотироваться не от Хонитона, а от столичного Вестминстера. Победа в центре Лондона значительно

повысила бы политический вес молодого капитана.

Выборы в Вестминстере на протяжении многих лет привлекали пристальное внимание всех интересующихся политикой. Победить здесь было очень сложно, поскольку в Вестминстере жили самые политически активные и требовательные избиратели — носители уважаемых традиций британской демократии.

Число избирателей в Вестминстере превышало 11 000 человек. Новые выборы, объявленные в 1807 году, обещали острейшую борьбу и открытые политические дискуссии кандидатов по самым волнующим темам внутренней и международной политики.

Участвуя в выборах в Хонитоне, Кохрейн объявлял себя независимым кандидатом. В Вестминстере он должен был обозначить свою принадлежность если не к конкретной политической партии, то по крайней мере к определенному идейному направлению. Томас Кохрейн предстал перед избирателями в ярком амплуа, и сама жизнь заставляла назвать себя радикалом. Такое определение более всего соответствовало его натуре бунтаря и человека, склонного ставить под сомнение любые авторитеты.

Среди соперников Кохрейна на выборах 1807 года был Ричард Бринсли Шеридан — знаменитый драматург и парламентарий. Он переживал закат своей политической карьеры, погряз в долгах и был склонен к излишнему употреблению алкоголя.

Главным оппонентом Кохрейна должен был стать сэр Фрэнсис Бардет — богатый аристократ, лидер радикалов и блестящий оратор. Он родился в состоятельной семье и значительно увеличил свое богатство, женившись на дочери банкира. Бардет получил самое лучшее образование в учебных заведениях Вестминстера и Оксфорда, а затем отправился в большое путешествие по Европе. Он приехал в Париж и стал свидетелем драматических событий первых месяцев Французской революции. Бардет был избран в палату общин в возрасте двадцати шести лет и проявил себя сторонником революционных и реформаторских идей.

Обстоятельства сделали Кохрейна и Бардета соперниками, однако в дальнейшем они станут союзниками. Коббет, Бардет и Кохрейн имели общие стратегические цели и задачи — реформа избирательной системы, борьба с коррупцией и различными злоупотреблениями.

2 мая состоялось собрание независимых выборщиков Вестминстера. Уважаемое собрание вынесло вотум полного доверия лорду Кохрейну — храброму и заслуженному морскому офицеру, известному также своими политическими принципами. Независимые выборщики отнеслись к кандидатуре Томаса Кохрейна со всей теплотой и уважением и заявили, что он достоин представлять Вестминстер Сити в парламенте. Кохрейну были гарантированы всемерное содействие и поддержка во время избирательной кампании.

В течение следующей недели Кохрейн давал предвыборные обеды и снял комнаты в доме на Ковент-Гарден, где расположил свой штаб.

Местный сочинитель песен и стихов на политические темы создал произведение под названием «Победа! Кохрейн! Реформа!»^[82] Куплеты, составленные на манер песен моряков, зывали к патриотическим чувствам граждан и подчеркивали важнейшие качества Кохрейна: он славный герой и радикальный политик — друг реформы.

Ранним утром 8 мая в Ковент-Гарден начал собираться народ. Напротив портика церкви Святого Павла была воздвигнута крытая платформа, на которой кандидаты в депутаты будут стоять и произносить свои речи. Площадь в центре Лондона была достаточно просторна и для размещения участников митинга, и для многочисленных торговцев. Мужчины, женщины и дети готовы были приветствовать своих будущих избранников.

Митинг начался в десять часов, и Кохрейн был первым оратором. Он был в ударе. Хотя его окружали моряки в военной форме, он заявил, что идет в парламент вовсе не в связи со своими заслугами офицера. Кохрейн подчеркнул свою независимость от крупнейших политических партий, однако обещал поддерживать любые разумные меры в целях общего блага. Он против злоупотреблений и за парламентскую реформу. Кохрейн с яростью обрушился на тех, кто более не хотел видеть морских офицеров в палате общин. Если морские офицеры не годны для парламента, то кто тогда годен? Может быть, получатели незаслуженных пенсий, обладатели теплых местечек и синекур, любители продемонстрировать лошадей и экипажи и покрасоваться перед женщинами? Для них и парламент — всего лишь модное место вечернего отдыха!

Из толпы раздались крики «Браво!». Зрители бурно аплодировали любимившемуся кандидату, не было слышно даже малейшего ропота или знаков неодобрения. Томас Кохрейн становился фаворитом Вестминстера.

Сэр Фрэнсис Бардет не принимал активного участия в кампании, поскольку перед выборами он дрался на дуэли с другим радикальным кандидатом и получил пулевое ранение в бедро. Бардета и Шеридана представляли на митинге их агенты.

В последующие дни шла острая борьба между несколькими кандидатами с энергичными ударами и контрударами. Подведение итогов волеизъявления избирателей зафиксировало победу Бардета (5134 голоса в его пользу) и Кохрейна (3708 голосов). Шеридан получил 2645 голосов, замкнув первую тройку.

Бардет и Кохрейн были избраны в палату общин и получили право представлять Вестминстер Сити в парламенте. Выборы стали победой радикализма среднего класса британского общества. Уильям Коббет объявил «начало новой эры в истории парламентского представительства»^[83]. Кандидаты от правящих партий проиграли сторонникам реформ.

Был дан великолепный обед в таверне «Корона и Якорь», куда раненого Бардета доставили с триумфом. Обеды в этой знаменитой таверне, расположенной на Странде, станут традиционными. Радикальная политическая общественность Лондона в течение многих лет будет таким образом отмечать историческую победу реформаторских сил, и ее примеру будут следовать в британской провинции. Знаменитый карикатурист Джеймс Гилрей увековечил выборы в Вестминстере, изобразив кандидатов в самом смешном и нелепом виде.

Новый парламент впервые собрался 26 июня. Речь короля была прочитана лорд-канцлером в палате лордов. Новые члены палаты общин принесли присягу, а затем некоторые депутаты комментировали речь короля. Кохрейн ограничился короткими и мягкими замечаниями о двух правящих партиях. Он берег силы для главного удара.

7 июля Томас Кохрейн поднялся со своей скамьи и предложил учредить специальный комитет, который предаст гласности важнейшую информацию о членах палаты общин, членах их семей и наследниках: занимаемые указанными лицами государственные и

общественные должности и синекуры, а также получаемые ими жалованья, пенсии и любые иные блага.

Предложение Кохрейна вызвало сердитую реакцию многих депутатов. Канцлер казначейства выступил против инициативы нового члена палаты и назвал предложение слишком общим. Кохрейна поддержали Сэмюэл Уайтбрэд, пивовар и филантроп, и Ричард Бринсли Шеридан, прошедший в парламент по другому округу. В итоге решение все же было принято, и через два года предложенный Кохрейном список будет составлен.

10 июля лорд Кохрейн предпринял вторую атаку. Он выступил с длинной речью, разоблачая злоупотребления в системе военно-морского флота Великобритании и приводя соответствующие факты. Кохрейн говорил о горькой доле моряков на службе Его Величества и обстоятельствах, которые делают их жизнь еще тяжелее. Объектом его острой критики стал граф Сент-Винсент.

Первым вопиющим примером равнодушия начальства к нуждам флота стала трагическая история экипажей шлюпа *Аталанте* и шхуны^[84] *Феликс*. Оба судна были потеряны. Они погибли вместе с их экипажами, и капитан Кохрейн хорошо знал обстоятельства и причины их гибели. Командиры обоих судов неоднократно обращали внимание начальства на то, что корабли не годны к плаванию, однако не получили разрешения направиться в порт для ремонта. Кохрейн знал командира *Феликса* и считал его одним из лучших офицеров флота. Он встретил командира корабля *Аталанте*, когда судно в течение восьми месяцев непрерывно находилось в море; офицеры говорили Кохрейну об ужасном состоянии судна — оно поломано, днище протекает, сильные порывы ветра окончательно погубят корабль. Кохрейн подал рапорт о состоянии этого судна, однако никаких мер принято не было. Он хотел, чтобы палата общин изучила копии писем и рапортов, написанных командирами двух погибших судов.

Далее Кохрейн обратил внимание членов палаты на тяготы долгого плавания. Непрерывное пребывание в море в течение восьми или девяти месяцев и связанные с этим ограничения оказывают ужасное влияние на здоровье и настроение моряков. Они вынуждены в течение длительного времени питаться несвежей провизией и болеют цингой. В портах и гаванях им не позволяют сойти на берег, и это очень сильно угнетает офицеров и матросов. Они тяжело страдают и

при этом сознают, что их главнокомандующий Сент-Винсент живет в Лондоне, получая жалованье и призовые деньги.

Наконец Кохрейн предложил палате общин изучить приказы лорда Сент-Винсента, главнокомандующего флотом Пролива, выпущенные с 1 марта 1805 года по 1 марта 1807 года. Он обращал внимание членов палаты на жестокие ограничения, налагаемые этими приказами. Сент-Винсент запрещал посылать больных людей в госпитали, и Кохрейн привел конкретные примеры жестокости главнокомандующего. Он также говорил о нехватке медицинских средств на кораблях, в том числе корпии для перевязки ран.

Присутствовавшие на заседании морские офицеры неоднократно прерывали речь Кохрейна криками «Порядок, порядок!»^[85] Они были возмущены тем, что младший офицер задает в палате общин вопросы, которые положено адресовать командованию военно-морского флота. Задетый за живое Кохрейн ответил личными выпадами против этих офицеров. Он также критиковал действия адмирала Уильяма Янга, который приказал ему выйти в море на неподготовленном к плаванию судне.

В этот момент спикер прервал Кохрейна и указал на то, что уважаемый лорд должен ограничиться предметом своего запроса.

Кохрейн подвел черту под выступлением, которым он в одночасье нажил себе множество врагов. Он заявил, что на изложенные предметы можно смотреть по-разному. В отличие от людей равнодушных он будет и дальше проливать свет на все печальные обстоятельства и беды моряков, невзирая на личности.

Лорду Кохрейну не позволили продолжить кампанию по борьбе за справедливость и разоблачению злоупотреблений. Две недели спустя он получил приказ выйти в море.

После бурных и славных кампаний 1807 — 1809 годов и суда над лордом Гамбье капитан Кохрейн длительное время не получал новых заданий от командования военно-морского флота. Он стал владельцем имения Холли Хилл в Хэмпшире — маленького дома, купленного у Басила Кохрейна, дяди Томаса. Для моряка было важно, что его жилище расположено вблизи Портсмута и якорной стоянки Спитхеда. Неподалеку жил Уильям Коббет — в 1805 году он стал владельцем высокого дома из красного кирпича в Ботли с тремя акрами земли и лужайками, по которым можно было спуститься к реке.

Коббет и его жена Нэнси были общительными и гостеприимными людьми, и их дом всегда был полон детей, гостей и друзей. Романистка Мэри Рассел Митфорд была среди гостей Коббета и встретила лорда Кохрейна и его моряков. Она была поражена, как мало он похож на воина в общепринятом смысле этого слова. Гроза французов и испанцев оказался нежным и мягким молодым человеком. Он любил полежать под деревом, читая книгу. Он играл с детьми, позволяя им баловаться и доставляя малышам много радости. Моряки привозили с собой собаку породы ньюфаундленд.

Мирная деревенская жизнь семьи Коббета была прервана летом 1810 года. Друг Кохрейна знал, что его политические оппоненты готовят сильный удар. Коббет нажил врагов своей критикой членов королевской семьи, церкви и правительства. Он обнародовал многочисленные факты нарушения законов, несправедливости и коррупции. Чаша терпения властей переполнилась, когда Коббет опубликовал в своей газете статью о жестоких телесных наказаниях в армии. Суд обвинил его в призывах военнослужащих к мятежу и выражении презрения к правительству и конституции. 9 июля Коббет был приговорен к тюремному заключению и штрафу в размере 1000 фунтов стерлингов. Следующие два года он проведет в тюрьме Ньюгейт.

Пока Кохрейн участвовал в судебном процессе по делу лорда Гамбье, экипаж фрегата *Имперуз* был вовлечен в новое военное предприятие — экспедицию на континент. В конце июля 1809 года английский экспедиционный корпус численностью 40 000 человек под командованием графа Чатама, старшего брата Уильяма Питта, совершил высадку на острове Вальхерен. Это была попытка создать второй фронт войны с Наполеоном (первым фронтом для англичан был Пиренейский полуостров).

Вальхерен расположен в устье реки Шельды и должен был стать базой для наступления на Антверпен. На пути англичан стоял укрепленный город Флюшинг, который защищал небольшой французский гарнизон под командованием генерала Монне. Англичане не спешили наступать, и эта задержка позволила французам направить подкрепления. Генерал Монне затопил остров, расположенный большей частью ниже уровня моря, что еще более затруднило действия британцев. Тогда их флот предпринял массивную

бомбардировку города Флюшинга, и 15 августа французы начали переговоры о капитуляции. Локальный успех графа Чатама не получил развития — англичане не могли определить направления дальнейшего наступления. Между тем французский маршал Бернадот, незадолго до этого неудачно действовавший в битве при Ваграме, получил командование над Антверпенской армией. Стремясь восстановить свою репутацию, Бернадот энергично взялся за организацию обороны, укрепил Антверпен и предотвратил все попытки англичан продолжить наступление. Французы успели вывести свой флот из Флюшинга и укрыли его в Антверпене. Среди британцев, которые находились в болотистой местности острова Вальхерен, вспыхнула эпидемия малярийной лихорадки. Каждый день умирали в среднем сто человек, и после месяца тяжелых потерь английское командование приняло решение покинуть континент. Минимум 4000 британцев умерли от болезней.

Во время экспедиции Кохрейн разрабатывал свои планы в помощь военному командованию. В числе прочего он предложил Адмиралтейству использование десяти кораблей с бомбами, однако советы капитана приняты не были.

Осенью 1809 года Кохрейн внимательно изучал материалы дела лорда Гамбье. Он планировал взять реванш.

В январе 1810 года открылась сессия парламента. В палате лордов собирались вынести благодарность адмиралу Гамбье. В ответ Кохрейн выступил с инициативой в палате общин.

29 января он предложил представить протокол суда над Гамбье в парламенте. Кохрейн хотел инициировать дебаты и готовился предъявить убедительные аргументы. Инициатива была поддержана Джозефом Марриетом (отцом Фредерика Марриета) и рядом сторонников Кохрейна, включая сэра Фрэнсиса Бардета и Сэмюэла Уайтбрэда.

Члены палаты общин получили на руки не протокол суда над лордом Гамбье, а только вердикт суда. Сторонники Кохрейна были в меньшинстве, и палата общин решила вынести благодарность адмиралу Гамбье.

Решение парламентариев по данному вопросу не соответствовало мнению многих моряков британского флота. Капитан Фрэнсис Остин — брат писательницы Джейн Остин — писал Кохрейну годы спустя:

«Я должен сознательно заявить, что... вы не были поддержаны правильным образом, и если бы были, то и результат получился бы совершенно другой. Многие объясняется тем, что лорд Гамбье находился под влиянием окружавших его людей, которые готовы были пожертвовать честью своей страны ради удовлетворения чувства собственной неприязни к вам и испытывали раздражение оттого, что младший офицер занял их место»^[86].

Провал Вальхеренской экспедиции сопровождался рядом драматических событий в мире британской политики. Военный секретарь лорд Каслри вызвал на дуэль Джорджа Каннинга, министра иностранных дел. Они стрелялись 21 сентября 1809 года и сделали по два выстрела. Вначале оба промахнулись, но затем Каслри ранил своего оппонента в бедро, сам при этом не пострадав. Здоровье Каннинга вскоре восстановилось, но оба министра покинули кабинет. Глава правительства, престарелый герцог Портленд также ушел в отставку и вскоре скончался. Новым премьер-министром стал Спенсер Персиваль, который был канцлером казначейства в кабинете Портленда.

В феврале 1810 года палата общин собралась уделить пристальное внимание Вальхеренской экспедиции и создала специальный комитет. Правительство решило сделать слушания закрытыми. В кабинете опасались обнародования вопиющих фактов и свидетельств некомпетентности военного руководства экспедицией.

Решение правительства вызвало возмущение радикалов Вестминстера. Джон Гейл Джонс — секретарь Британского форума, общества дискуссий в Ковент-Гарден, — выступил с активным протестом против нарушения принципов демократии, расклеив плакаты на стенах. Он был арестован и брошен в тюрьму Ньюгейт без суда и следствия.

12 марта сэр Фрэнсис Бардет поднялся со своего места на скамье в палате общин и заявил, что арест Джонса является нарушением Великой хартии вольностей^[87]. Не получив поддержки в парламенте, Бардет опубликовал свою речь в *Cobbett's Weekly Political Register* вместе со страстным обращением к избирателям Вестминстера. Палата общин приняла решение арестовать Бардета и направить его в лондонский Тауэр.

Центр британской столицы стал ареной острого политического противостояния властей и радикальных противников нарушения принципов демократии, которое переросло в беспорядки. Узнав о готовящемся аресте своего лидера, сторонники Бардета собрались вокруг его дома и забрасывали грязью и мусором прохожих, которые отказывались кричать: «Бардет навсегда!» Толпы людей заблокировали подходы к Тауэру. Пикадилли, Альбемарль Стрит и Сент-Джеймс Сквер оказались во власти хаоса и насилия. Хулиганы выбили окна в домах лорда Каслри, премьер-министра Спенсера Персиваля и других видных политиков. Были случаи самого вопиющего вандализма — погромщики врываются в дома и крушили все вокруг.

Подобное было в 1780 году, и правительство хорошо усвоило уроки прошлого. Принимались энергичные меры — пушки Тауэра были подготовлены к бою, ров вокруг крепости заполнили водой, армия и гвардия встали на защиту порядка. Конная гвардия предприняла несколько атак на Пикадилли, но восставшие заблокировали улицу лестницами.

Бардет забаррикадировался в своем жилище и проводил встречи с другими радикальными лидерами. Кохрейн участвовал в ряде совещаний, а 8 апреля он решил действовать. Он прибыл в экипаже и привез с собой контейнер со взрывчаткой. Портье впустил его в дом. Кохрейн предложил Бардету совершить подрыв оснований внешней стены здания и заложить взрывчатку под фундамент. Он собирался защищать дом своего друга с той же страстью, с какой некогда оборонял форт Тринидад. Нападавшие подорвались бы на mine, если бы попытались проникнуть в дом Бардета. Последний пришел в ужас от предложения бескомпромиссного капитана и заявил, что не намерен противодействовать своему аресту методами насилия. Кохрейн был расстроен. Его попросили забрать бочонок с порохом, что он немедленно сделал и удалился.

Ранним утром следующего дня вооруженный сержант и его помощники проникли в дом через окно и взяли Бардета под стражу. Арестованный был доставлен в Тауэр и оставался в заключении до роспуска парламента 21 июня.

До окончания сессии парламента Кохрейн представлял Бардета. Он подал петицию с протестом против заключения своего друга и союзника в тюрьму, подписанную избирателями.

Кохрейн не хотел, чтобы его приравнивали к радикальным политикам, которые теперь считались врагами государства. Он продолжил свою кампанию критики порядков во флоте и обратил внимание членов палаты на систему назначения и выплаты пенсий. При этом он вновь задевал наиболее влиятельных людей,

11 мая он обратился к шумной аудитории палаты и привел в своем выступлении множество статистических данных. Он сделал впечатляющее сравнение размеров пенсий офицеров, проливавших кровь за родину, и чиновников.

Оказалось, что адмирал получает годовую пенсию 410 фунтов стерлингов, капитан — 210, а служащий билетной кассы — 700! Тринадцать дочерей погибших адмиралов и капитанов вместе получают сумму меньшую, чем вдова комиссионера флота. Храбрый сэр Сэмюэл Худ^[88], потерявший руку, получает пенсию 500 фунтов стерлингов, а ушедший на покой в добром здравии секретарь Адмиралтейства имеет 1500 фунтов в год! Кохрейн подсчитал, что пенсии всех раненых офицеров британского флота вместе с пенсиями жен и детей погибших офицеров составляют в сумме величину меньшую, чем синекура лорда Ардена (20 358 фунтов стерлингов).

«Знает ли страна об этой несправедливости?»^[89] — вопрошал Кохрейн. После этого он начал бескомпромиссную критику влиятельнейшего семейства Уэллесли и привел еще более наглядные и ошеломляющие сравнения. Лорд Кохрейн продолжал изобличать несправедливость, к радости одних и огорчению других членов палаты общин.

Когда Кохрейн закончил говорить, ему ответил Уильям Уэллесли-Поул. Во-первых, он сказал слово в защиту своего семейства и его привилегий. Во-вторых, Уэллесли-Поул дал совет капитану Кохрейну. Он занимал пост секретаря правления Адмиралтейства и хорошо знал выдающиеся качества и заслуги своего критика. Совет заключался в том, что Кохрейну лучше сохранять верность своей профессии морского офицера и с честью служить стране, чем делать пагубные ошибки. Он предсказал, что Кохрейн станет жертвой обмана недобросовестных дельцов от политики, которые используют его имя в собственных целях.

Адмиралтейство требовало, чтобы Кохрейн вновь вышел в море на своем фрегате. У него были иные планы. Кохрейн хотел продолжать

эксперименты с зажигательными устройствами. Кроме того, он должен был посетить Мальту и урегулировать давние дела, связанные с действиями призового суда.

Этот специальный суд по морским делам, в том числе связанным с оценкой захваченных судов, имел дурную репутацию. Кохрейн обвинял членов суда в коррупции и решил вывести их на чистую воду.

3 июня 1810 года он обратил внимание членов палаты общин на несправедливые решения суда, но не был поддержан. Неугомимый борец с коррупцией решил провести собственное расследование и отправился в путь.

Он добрался до Гибралтара на своей яхте. Это плавательное средство было ранее отбито Кохрейном у французов и выкуплено им в целях использования для личных нужд. В Гибралтаре он переместился на британский бриг, взявший курс на Сицилию.

Моряки горячо и с энтузиазмом приветствовали прославленного капитана. Они сочувствовали его делу и оказывали Кохрейну всяческую поддержку.

В Мессине он провел эксперименты с минометом, конструкцию которого сам изобрел. Сицилия богата серой, и Кохрейн посещал ее месторождения. Он обратил внимание на убийственное действие диоксида серы: когда ее поджигали, облака ядовитого газа уничтожали вокруг все живое. В голове Кохрейна родилась идея создания химического оружия.

Из Сицилии он отправился на Мальту и достиг большой гавани Ла-Валетта 20 февраля 1811 года. На Мальте находился офис суда, который был главной целью путешествия Кохрейна. Этот суд налагал штрафы на моряков и делал удержания денежных сумм. Кохрейн хотел добиться справедливости для всех и имел личный счет к местному суду.

Регламент работы суда, размеры штрафов и удержаний определялись актами парламента. На Мальте были свои порядки, местные судьи допускали незаконное совмещение должностей и сами составляли таблицу штрафов и удержаний. Она не была доступна для общего ознакомления, хотя по закону эта информация должна быть открытой.

Кохрейн не нашел иного способа достижения своей цели, кроме незаконного. Он выкрал таблицу, но был пойман с поличным. Его

обязали вернуть таблицу в течение двух дней, но он этого не сделал.

Капитан-парламентарий был арестован и посажен в тюрьму, однако друзья вскоре помогай ему бежать. Заключенный перепилил решетку и спустился по веревке. В гавани его ждала быстроходная лодка, которая доставила беглеца на судно.

Кохрейн вернулся в Лондон 11 апреля. Судья Высокого суда Адмиралтейства получил рапорт о поведении Кохрейна на Мальте. Суд счел, что оно было проникнуто духом презрения. В то же время мальтийский суд, по мнению юристов Адмиралтейства, в сложившихся обстоятельствах в отношении Кохрейна поступал правильно.

6 июня Кохрейн инициировал дебаты в палате общин по вопросу о действиях судов. Попытка была неудачной, и позднее он предложил создать специальный комитет. Хотя действия Кохрейна ни к чему не привели, он был прав в своих оценках. Последовавшие события это подтвердили, и были зафиксированы новые вопиющие факты злоупотреблений и коррупции членов суда на Мальте.

Оставшееся время парламентской сессии Кохрейн посвятил вопросам о выплатах жалованья, об условиях жизни моряков и условиях содержания военнопленных.

Задержки выплат жалованья были предметом недовольства моряков на протяжении многих лет. Они стали причиной бунтов на кораблях в Спитхеде и Норе в 1797 году. Отправившись в дальнее плавание, моряки не видели денег годами. Это было тяжело для людей на службе Его Величества, но еще страшнее для их семей. Кохрейн привел конкретные примеры названных нарушений и получил ответ от Чарльза Йорка, первого лорда Адмиралтейства. Йорк заявил, что поздно рассматривать этот вопрос в самом конце парламентской сессии. Он добавил, что корабли подолгу находятся на дальних станциях и избежать задержек с выплатами жалованья невозможно.

Места содержания военнопленных — мрачные тюрьмы или стоявшие в гаванях старые и гнилые суда — были переполнены людьми. Кохрейн посетил Дартмур, где находились 6000 военнопленных. Он видел, как они часами стояли под дождем в очереди за едой. Пища была несъедобной, а несчастные промокали насквозь и не имели возможности сменить одежду.

Кохрейн рассказал коллегам-парламентариям об увиденном. Внимание к условиям содержания военнопленных было политически

невыгодным проявлением гуманизма, и лишь малое число членов палаты общин решились поддержать Кохрейна.

ЛЮБОВЬ ВСЕЙ ЖИЗНИ

Кохрейну было тридцать шесть лет, когда он влюбился. В романтический век Байрона избранницами героев становились роковые красавицы. Девушка капитана Кохрейна была яркой брюнеткой, нежной и женственной, совсем юной и очень хорошенькой. Ее звали Кэт (Kate). Он полюбил ее с первого взгляда и будет обожать до последних дней.

Кэт (Кэти) была сиротой, ее полное имя — Катерина Корбет Барнс. Кохрейн встретил Кэт, когда она жила вместе с тетей в Лондоне. Тетя была вдовой, ее звали миссис Джексон. Дом достался ей от брата, Джеймса Корбета. Миссис Джексон отвечала за воспитание Кэт и направила ее в школу, расположенную в Бакингемшире.

Девушке было шестнадцать или семнадцать лет, когда она встретила Кохрейна. Их познакомил капитан Натаниэль Кохрейн — кузен Томаса и друг миссис Джексон.

В 1812 году Томас Кохрейн жил в большом доме своего богатого дяди Басила на Портман Сквер. Кэт и ее тетя жили поблизости. В январе и феврале Томас и Кэт виделись несколько раз. Он сделал ей предложение, но девушка его не приняла.

Томас серьезно заболел. Кохрейны послали слугу, который сообщил Кэт плохую весть — Томас умирает. Капитан Натаниэль Кохрейн пришел к девушке и попросил ее походить под окнами дома тяжелобольного. Она выполнила просьбу, и Томас смотрел на нее из окна своей спальни. Он выглядел, как мертвец.

«Мое сердце смягчилось при виде этого великого человека, героя сотни боев»^[90], — вспоминала Кэт.

Кохрейн выздоровел и имел беседу с миссис Джексон. Он сказал, что хочет жениться на Кэт, но это нужно сделать в Шотландии, тайно. Причина секретности состояла в том, что у дяди Басила были иные виды на женитьбу своего племянника. Он выбрал невесту для Томаса — богатую наследницу и дочь чиновника Адмиралтейства. Томас должен был унаследовать графский титул, а дядя собирался выделить ему значительную часть своего имения, если он женится на богатой наследнице. Дядя планировал восстановить состояние обедневших

графов Дандональдов, но Томас вовсе не хотел жениться ради денег. Вместе с тем он не желал расстраивать дядю.

Объяснив миссис Джексон мотивы своего поведения, Кохрейн далее изложил конкретный план действий. Они поедут вместе с Кэт до шотландской границы и зарегистрируют брак в деревне Аннан.

Тетя невесты согласилась с предложением Кохрейна и взяла с него письменное обещание, что он женится на Кэт немедленно по прибытии в Аннан. Служанка тети по имени Энн Мок-схэм должна была сопровождать жениха и невесту и наблюдать за церемонией регистрации брака.

Кохрейн принял условия тети, и 6 августа 1812 года он, его невеста и двое слуг отправились в путь. Они ехали в почтовой карете — Томас, Кэт и Энн внутри экипажа, слуга Кохрейна вместе с кучером. Дорога была утомительной, лошади скакали день и ночь, жених и невеста засыпали в экипаже.

Наконец они преодолели более трехсот миль и достигли деревни Аннан вечером 8 августа. Кохрейн вздохнул спокойно и уверил Кэт, что все хорошо.

Кучер остановил экипаж у имения Куинсбери Армс. Хозяйкой имения была пожилая шотландка. Она говорила на английском языке с таким акцентом, что Кэт с трудом ее понимала.

Кохрейн был в игривом настроении, но он явно торопился. Жених уселся за стол в главной комнате и написал несколько слов о том, что избегает публичного бракосочетания и берет в законные жены Катерину Корбет Барнс. Он поставил свою подпись, а затем написал слова, которые должна была скопировать Кэт.

Кэт послушно сделала то, ради чего проехала более трехсот миль. Она письменно заявила, что сэр Томас Кохрейн (лорд Кохрейн) становится ее законным мужем, и обещала сохранять тайну бракосочетания; факт замужества будет обнародован, когда она получит соответствующее письменное разрешение от своего мужа. Затем она поставила свою подпись.

Кохрейн пригласил слуг и попросил их прочесть текст и поставить подписи. Ричард Картер и Энн Моксхэм сделали то, о чем он просил.

Слуги удалились в отведенные для них комнаты, а Кохрейн удивил Кэт. Он вздернул руки вверх и исполнил матросский танец

хорнпайп. Он сказал измученной Кэт, что она стала его женой навсегда.

Кэт не была в этом уверена. Она не увидела ни священника, ни церкви. Именно так женятся в Шотландии?

Кохрейн уверил ее, что все хорошо. Затем он поразил Кэт еще раз, заявив, что должен немедленно вернуться в Лондон. Дело в том, что его дядя собирается жениться 11 и 12 августа и Томас обязательно должен присутствовать на свадьбе. Он сказал жене, что слуга обеспечит ее обратное путешествие. Кохрейн поцеловал Кэт и уехал в Лондон в почтовой карете.

Она очень устала и направилась в свою комнату вверх по лестнице. Хозяйка освещала ступеньки. Кэт сказала, что хочет принять ванну. Шотландка ответила, что в Куинсбери Армс нет ванны. Тогда Кэт попросила воды, но пожилая женщина сказала, что много стирала и израсходовала всю воду.

Как вы называете это место, где нет воды для людей и нет ванны? — спросила Кэт.

Это Куинсбери Армс в Аннэне, — ответила пожилая леди^[91].

Кэт вернулась в Лондон вечером 13 августа и вновь поселилась в доме миссис Джексон. Ее ждал свадебный торт, а затем пришел Томас.

Кохрейн решил, что они проведут медовый месяц на острове Уайт. 18 августа в сопровождении тех же слуг они отправились к южному побережью Англии. Томас и Кэт пересекли пролив, сошли на берег и поселились в коттедже. Их соседями были лорд и леди Спенсер. В свое время лорд Спенсер помог Кохрейну с продвижением по службе, будучи первым лордом Адмиралтейства.

Вернувшись в Англию, молодожены отправились в Холли Хилл, имение Кохрейна, и оставались там до открытия новой сессии парламента.

АНГЛИЙСКИЙ ДЕТЕКТИВ

В июне 1812 года Соединенные Штаты Америки объявили войну Великобритании. Американцы с успехом вели боевые действия на море, и британский флот в Атлантическом океане нуждался в существенном усилении.

Английские газеты писали, что Томас Кохрейн может быть послан в Америку с эскадрой фрегатов. 6 июля 1813 года газета *Morning Chronicle* объявила, что Кохрейн будет командовать кораблем *Сатурн* в Северной Америке.

Сведения оказались неверными, но репутация Кохрейна была по-прежнему высокой и на него возлагались большие надежды. В это время дядя Томаса — вице-адмирал сэр Александр Кохрейн — был назначен главнокомандующим Североамериканской морской станцией. Томас Кохрейн получил отличный шанс продолжить карьеру морского офицера, когда дядя предложил ему стать капитаном своего 80-пушечного флагманского корабля *Тоннант*.

Александр Кохрейн отправился в Америку на фрегате, чтобы принять командование военно-морскими силами. Он поручил капитану Кохрейну контролировать процесс снаряжения корабля *Тоннант* и его подготовки к плаванию. Судно стояло на верфи в Чатаме.

Томас Кохрейн выполнял задание дяди и в то же время посещал фабрику в Сити, где изготовлялись опытные образцы осветительных ламп для флота. Эти лампы были его изобретением. Он также работал над дизайном газовых ламп для освещения улиц.

Капитан Кохрейн и его юная жена Кэти жили в доме на Грин Стрит. Супруга была беременной, и Кохрейны ожидали рождения первенца.

Томас Кохрейн должен был выйти в море после длительного перерыва. Он готовился к новой кампании, которая обещала хорошие перспективы. Увы, в этот раз ему не суждено было взойти на капитанский мостик большого судна.

Эндрю Кохрейн-Джонстон, один из семи дядей Томаса Кохрейна. Этот человек сыграл разрушительную роль в судьбе прославленного

капитана. Граф Дандональд, старший брат Кохрейн-Джонстона, назвал его «беспринципным негодяем, жуликом и трусом»^[92]. Дядя Томаса служил в армии, к 1797 году стал полковником, после чего был назначен губернатором Доминики. Правление Кохрейн-Джонстона в Вест-Индии отмечено многочисленными фактами коррупции, насилия и шантажа. Он был снят с должности в 1803 году, предстал перед трибуналом, однако был оправдан. Его супруга умерла на Доминике, и он женился на креолке — богатой наследнице. Вскоре они развелись. Вернувшись в Англию, Кохрейн-Джонстон стал другом Коббета. Именно он представил капитана Кохрейна Коббету перед выборами в Хонитоне и сам стал членом парламента от одного из «гнилых местечек». Он вернулся в Вест-Индию, где Александр Кохрейн — главнокомандующий военно-морскими силами Великобритании в районе Подветренных островов — назначил его агентом призового суда в Тортоле. Адмирал горько пожалел об этом назначении — Кохрейн-Джонстон вновь отметился взятками и другими грязными делами.

В мае 1813 года Эндрю Кохрейн-Джонстон познакомился с прусским аристократом, который назвался капитаном де Беранже. Его полное имя — барон Шарль Рандом де Беранже (Charles Random de Berenger). Это был мужчина средних лет и больших способностей. Он имел связи в высших сферах британского государства и давал советы по военным вопросам герцогу Камберленду. Беранже также делал чертежи для самого принца-регента Великобритании^[93].

Кохрейн-Джонстон убедил Александра Кохрейна, что Беранже может быть очень полезен Томасу Кохрейну в подготовке корабля к плаванию. В частности, Беранже был хорошим стрелком, а для войны с американцами нужно было иметь стрелков на корабле и специально тренировать воинов. У прусского умельца также были какие-то новые идеи по тактике абордажа, и он разрабатывал огнеметное устройство.

Томас Кохрейн познакомился с Беранже и не разглядел опасности. Кохрейн-Джонстон и Беранже были аферистами большого масштаба. Они решились на финансово-политическую авантюру с целью обогащения.

Ранним утром 21 февраля 1814 года Беранже постучался в дверь таверны в Дувре и потребовал встречи с хозяином заведения. Он заявил, что привез вести чрезвычайной важности. Их нужно

немедленно передать вице-адмиралу Фоли — командующему адмиралу в Диле, и для этого нужны лошадь и наездник. Беранже был одет в серую шинель и красный военный мундир, на его груди красовалась большая звезда. Запомним, что мундир был красным — эта деталь приобретет большое значение в ходе последующих событий.

Беранже сидел в таверне и писал письмо адмиралу Фоли. Он объяснил, что прибыл на судне из Кале и должен срочно проследовать в Лондон с депешами. Новости были ошеломляющими — члены антинаполеоновской коалиции одержали окончательную победу над общим врагом!

«Бонапарт был захвачен группой казаков Сакена, которые немедленно расчленили его тело и разделили эти части между собой. Генерал Платов спас Париж от разрушения и сожжения. Государи-союзники находятся там, и всюду белые кокарды; ясно, что мир будет заключен немедленно»^[94].

Беранже подписался именем подполковника Р. дю Бурга — адъютанта лорда Каткарта, который был послом Великобритании в России.

Посыльный повез письмо в Дил, а Беранже вызвал почтовую карету и отправился в Лондон. Южные графства окутал туман, и адмирал Фоли не мог использовать телеграф для связей с Адмиралтейством. Беранже заявил, что он распространит новость всюду, где будет менять лошадей. По дороге он щедро раздавал чаевые — золотые наполеоны.

Беранже достиг столичного пригорода и пересел в другой экипаж. Затем он прибыл в дом лорда Кохрейна на Грин Стрит. Беранже не застал Кохрейна. В тот день капитан завтракал с Кохрейн-Джонстоном и биржевым брокером по имени Ричард Батт, а после завтрака отправился на завод, где делали его лампы. Он пробыл на заводе совсем недолго. Явился слуга и сообщил, что лорда Кохрейна дома ожидает армейский офицер, желающий срочно его увидеть. Кохрейн подумал, что военный привез новости от его брата — майора Уильяма Кохрейна, служившего в армии Веллингтона в Испании. Он поспешил домой и был удивлен, увидев Беранже.

Пруссак сказал Кохреину, что он испытывает серьезные финансовые затруднения и в настоящее время является узником

тюрьмы Кинге Бенч, куда заключен за долги. Он умолял Кохрейна принять его на борт корабля *Тоннант*, который должен был скоро отправиться в Америку, и тем самым спасти от кредиторов.

Кохрейн ответил, что он не сможет принять Беранже на военный корабль в качестве пассажира без разрешения Адмиралтейства. Тогда Беранже заявил о своем желании поменять одежду и попросил дать ему займы пальто и шляпу. Он объяснил это тем, что тюремный надзиратель или слуги заподозрят его в планировании побега, если увидят на нем военную форму. В таком случае он лишится привилегии некоторой свободы передвижения, которой пользуются заключенные в тюрьму за долги. Кохрейн дал ему черное пальто и старую шляпу. Беранже переделался и скатал военную форму в рулон. Он обернул этот рулон полотенцем и покинул дом Кохрейна.

Лондон был уже взбудоражен слухами о смерти Наполеона. Выросли цены акций на бирже ценных бумаг. Цена государственной ценной бумаги, известной как *Омниум*, увеличилась с 27,5 до 30.

К полудню лорд-мэр не имел официальных подтверждений смерти Наполеона Бонапарта. Вдруг произошло событие, рассеявшее сомнения в этом: по Лондонскому мосту в направлении Чипсайда лихо промчался экипаж, украшенный лавровыми листьями. В экипаже сидели три французских офицера с белыми кокардами на шляпах. Эти люди разбрасывали бумаги, на которых было написано: «Да здравствует король! Да здравствуют Бурбоны!»

Цена бумаги *Омниум* поднялась с 30 до 32,5. Утром следующего дня, 22 февраля, по-прежнему не было официальных сообщений о смерти французского императора. Цена бумаги *Омниум* вновь упала до 27,5.

Вскоре стало ясно, что сообщение о смерти Наполеона было обманом. Биржа ценных бумаг создала комитет для проведения расследования скандального дела. Расследование показало, что шесть человек более всех выиграли от резкого увеличения цен: Эндрю Кохрейн-Джонстон продал ценные бумаги *Консолс* и *Омниум* на сумму 510 000 фунтов стерлингов, брокер Ричард Батт продал этих же бумаг на сумму 392 000 фунтов, Томас Кохрейн продал все свои бумаги *Омниум* на 139 000 фунтов, три других спекулянта оказались людьми, одетыми в форму французских офицеров и устроившими мистификацию.

4 марта комитет биржи предложил вознаграждение за арест человека, назвавшегося полковником дю Бургом. Несколькими днями позже анонимный информатор сообщил, что иностранный полковник — это Беранже, его видели входящим в дом лорда Кохрейна на Грин Стрит в день большого обмана.

Узнав об этом, Кохрейн дал под присягой письменное показание о своих действиях и перемещениях в течение 21 февраля. Он рассказал о визите Беранже, описал и объяснил, как и почему предоставил одежду посетителю своего дома.

17 марта был выписан ордер на арест Беранже. Он был взят под стражу 8 апреля в Лейте, расположенном вблизи Эдинбурга.

Кохрейн попал под подозрение в совершении преступления по двум причинам: во-первых, он встречался с Беранже 21 февраля, во-вторых, он выиграл от скачка цен на бирже. Кохрейн инвестировал свои призовые деньги в ценные бумаги за несколько недель до скандала. Он дал своему биржевому брокеру Ричарду Батту задание продать бумаги *Омниум*, если цена увеличится на 1%. Эти бумаги были куплены по 28,25 и проданы по 29,5. Будь они проданы на пике цены (32,5), прибыль была бы большей. Кохрейн знал Батта в течение нескольких лет и впоследствии считал его невиновным в афере 21 февраля. Батт служил клерком на верфи в Портсмуте до того, как стал биржевым брокером. Он был преуспевающим дельцом и не имел долгов, однако его большой выигрыш во время скандальных событий стал основанием для подозрений в мошенничестве.

Над Кохрейном продолжали сгущаться тучи. В момент ареста Беранже имел при себе банкноты, выпущенные на имя Кохрейна. Лодочник Джордж Оделл выловил в Темзе сверток с разрезанным на куски красным военным мундиром; там же находились звезда и серебряный герб. Портной Соломон признал, что он продал мундир человеку по имени Беранже за три дня до рокового события.

Адмиралтейство следило за ходом расследования. Когда комитет биржи заявил о подозрениях в отношении Кохрейна, секретарь Адмиралтейства Джон Уилсон Крокер написал письмо подозреваемому с требованием объяснений. 22 марта Кохрейн письменно ответил на требование и приложил показания слуг, данные под присягой. Адмиралтейство уже назначило другого офицера

исполняющим обязанности капитана корабля *Тоннами* вместо Кохрейна, и 7 апреля судно вышло в море.

У Кохрейна были весомые причины для беспокойства. В это время серьезно заболела Кэт, которая должна была вскоре родить ребенка. Она выдержала все испытания и 18 апреля родила мальчика, которому при крещении дали имя Томас Барнс Кохрейн,

Через два дня после рождения мальчика газеты объявили, что Беранже, лорд Кохрейн, Ричард Батт, Эндрю Кохрейн-Джонстон и еще четыре человека обвиняются в организации заговора; нарушители закона распространили лживое известие о смерти Наполеона Бонапарта, что спровоцировало рост цен на бумаги правительственных фондов.

Председателем суда, которому предстояло рассмотреть необычное дело, был лорд Элленборо — маститый юрист, видный деятель партии тори, член парламента и спикер палаты лордов. Он был врагом политиков радикального толка и отправил в тюрьму Коббета и Генри Ханта. Процессы против них были политически мотивированными.

Одно обстоятельство приобретало колоссальное значение для исхода дела в отношении Томаса Кохрейна. Должен ли он стоять в одном ряду с другими подозреваемыми в совершении преступления или его дело следовало вынести в отдельное производство? Есть свидетельство, что члены суда проявляли волнение по этому поводу. Кохрейн не дистанцировался от других подозреваемых и подставил себя под удар.

Процесс начался в 9 часов утра 8 июня. Общественный интерес к событию был очень большим, и зрители заполнили зал заседания суда.

Кохрейн не присутствовал на процессе. Он проводил время на заводе, который изготавливал его лампы.

Обвинитель изложил факты, описав события 21 февраля. Свидетелями выступили владелец таверны в Дувре, лодочник, выловивший сверток в Темзе, портной и другие. Обвинитель обратил внимание суда, что Кохрейн занимал деньги у Ричарда Батта и выиграл на скачке курса ценных бумаг. Далее он говорил о такой детали, как цвет формы мундира Беранже. Кохрейн написал, что мундир был зеленым, слуги были того же мнения. Однако извозчик, доставивший Беранже к дому Кохрейна, поклялся, что мундир был ярко-красного цвета. Если свидетельство извозчика верное, то из этого вытекает

следующее: Кохрейн солгал, давая свое клятвенное показание; увидев человека в ярко-красном мундире офицера штаба, Кохрейн обязан был заподозрить неладное; Кохрейн является участником заговора.

Часы показывали десять вечера. Процесс длился уже тринадцать часов. Поскольку обвинитель закончил говорить, разумно было первое заседание суда объявить закрытым. Элленборо посчитал иначе. Он заявил, что на заседании присутствуют несколько джентльменов, которым участие в процессе на следующий день доставит большое неудобство. В эту группу людей входил Мелвилл, первый лорд Адмиралтейства. Элленборо отклонил предложение о перерыве в работе суда и продолжил процесс, предоставив слово защитнику.

Защитник Уильям Бест начал с того, что предъявленные обвинения разрушительны для репутации обвиняемых. Он напомнил членам суда блестящее прошлое лорда Кохрейна и услуги, оказанные им стране. Он вопрошал, мог ли такой человек совершить столь грязное преступление. Если Кохрейн был участником заговора, то был бы он так глуп, чтобы открыто встречаться с главным конспиратором у себя дома? Бест убедительно доказал, что найденные у Беранже банкноты не могут быть уликой против Кохрейна. Далее он проанализировал операции Кохрейна с ценными бумагами. Во-первых, он продал ранее имевшиеся у него акции еще в ноябре 1813 года. Инструкции Батту о продаже бумаг *Омниум* в случае увеличения цен на них на 1% были даны задолго до событий, произошедших 21 февраля. Что касается цвета мундира Беранже, то Кохрейн мог просто ошибиться: он привык видеть Беранже в зеленом мундире стрелка и не обратил внимания на эту деталь 21 февраля; тем более, клятвенное показание давалось три недели спустя.

Первое заседание суда завершилось в три часа ночи. Неизвестно, сколько участников процесса к тому времени сохранили способность понимать происходящее.

Судебные слушания по делу о скандале на бирже ценных бумаг возобновились следующим утром. Главным объектом внимания членов суда стал цвет мундира Беранже. Был ли подозреваемый одет в зеленую форму стрелка или в ярко-красный мундир штабного офицера? Суд организовал перекрестный допрос свидетелей, после чего обвинитель произнес длинную речь и упорно настаивал на важности вопроса о цвете мундира.

Лорд Элленборо начал свое итоговое выступление после полудня. Он перечислил все свидетельства, комментируя их по ходу дела. Цвет мундира Беранже стал решающим пунктом обвинения. Элленборо исходил из того, что мундир был красным. Логика его рассуждений была следующей: Беранже предстал перед Кохрейном в ярко-красном мундире со звездой и медалью на груди — это не форма стрелка, а обличье мошенника и преступника; как мог Кохрейн — офицер и джентльмен — ничего не заподозрить?

В 6 часов 10 минут пополудни члены суда удалились на совещание. Через два с половиной часа они вернулись. Суд признал всех обвиняемых виновными в совершении преступления.

Томас Кохрейн был потрясен неожиданным и незаслуженным приговором. Он напряг все силы, чтобы выдержать этот удар. У него было несколько дней на подачу апелляции. Кохрейн и его защитники нашли свидетелей, которые клятвенно подтвердили жизненно важный факт — мундир был зеленого цвета.

14 июня Кохрейн предоставил новые свидетельства лорду Элленборо, но они не были приняты. Причиной отказа было бегство из страны Эндрю Кохрейн-Джонстона и еще одного признанного виновным в совершении преступления. Оба покинули Великобританию, узнав о вердикте суда.

20 июня Кохрейн, Беранже и другие обвиненные в мошенническом заговоре предстали перед судом. Кохрейн произнес яркую речь. Он говорил о величайшем несчастье быть обвиненным наряду с людьми, с которыми у него не было иных связей, кроме деловых. Он был знаком с Беранже, но не имел с ним доверительных контактов. С Кохрейн-Джонстоном его связывали отношения, естественные для родственников. С помощью Батта он совершал сделки на бирже, что делают тысячи людей. Остальных обвиненных он не знал.

На следующий день суд определил меру наказания. Во-первых, двенадцать месяцев тюремного заключения для всех приговоренных. Во-вторых, Кохрейн и Батт должны были выплатить штрафы, по 1000 фунтов стерлингов каждый. В-третьих, Кохрейн и Беранже должны были стоять у позорного столба напротив Королевской биржи в течение часа.

Какое жуткое унижение! Кохрейн был морально уничтожен. «Его вид сегодня был жалким, — вспоминал один свидетель. — Когда приговор был оглашен, его лицо было бесцветным, взгляд замер, глаза ничего не выражали, и он с трудом покинул суд, как человек отупевший»^[95].

История кажется нереальной. Сюжет закручен, как в знаменитых произведениях детективного жанра. Можно ли что-либо понять в этом деле спустя много лет?

Прежде всего обращает на себя внимание фигура председателя суда. Лорд Элленборо — человек партийный, член парламента и спикер палаты лордов. Ранее он вел политически мотивированные процессы и усадил за решетку видных деятелей оппозиции. Кохрейн доставлял большое беспокойство правящей элите своими смелыми выступлениями в парламенте и был за это жестоко наказан. Это соображение общее, а дело о биржевом мошенничестве — вполне конкретное. Был ли Кохрейн действительно виновен? Насколько объективным был приговор суда?

Попробуем проанализировать действия участников событий. Любой заговор имеет центр, организаторов и исполнителей. Начать следует с Беранже, сыгравшего в деле самую активную роль. Иностранец и незаурядный человек, имевший связи в самых высоких кругах британского государства и делавший полезную работу для самого принца-регента Великобритании. Связи значат очень много, и Беранже мог найти разные способы извлечения выгоды из своих контактов с представителями британского истеблишмента, не нарушая закона. Однако он решил в одночасье лишиться себя этих богатых возможностей и сделал ставку на крупную аферу. Очевидно, что на такие действия человек неглупый решается лишь под давлением крайних обстоятельств. Какими были эти обстоятельства? Плохое финансовое положение, которое довело Беранже до отчаяния и толкнуло на противозаконные действия.

Идея заговора была простой, а расчет верным. Биржа ценных бумаг — финансовый институт, находящийся под влиянием множества внутренних и внешних условий. Существенное изменение условий оказывает большое воздействие на поведение участников торгов, и огромное значение имеют слухи — порой они важнее фактов.

Представим себе атмосферу, царившую в Лондоне в феврале 1814 года. Война с Францией продолжалась уже два десятилетия, с небольшим перерывом. В этой войне Великобритания неоднократно была на грани военного поражения и экономического краха. Наполеон удерживал своего главного врага в тисках блокады с 1806 года и практически лишил англичан европейских рынков сбыта. Промышленное производство и торговля страны переживали кризисы, некоторые разорившиеся и вконец отчаявшиеся негоцианты пускали себе пулю в лоб, трудящиеся классы общества испытывали великие лишения. В 1812 году ситуация изменилась. Наполеон предпринял поход в Россию, который привел к ужасным последствиям для Франции и лично для него: он потерял огромную армию, репутацию непобедимого военного вождя и политических союзников. Европа поднялась против французского господства, и Великобритания вносила большой вклад в общее дело. Нация ужасно устала от войны, но конец страданий был близок. Все ждали хороших новостей с континента, где объединенные армии европейских держав наступали на Париж. Лидеры коалиции объявили, что они воюют не с Францией, а с тиранией Наполеона. Французский император был самым известным и влиятельным человеком западного мира и самым ненавистным существом для многих европейцев. Политический крах Наполеона или его смерть убрали бы главное препятствие на пути к миру.

Сообщение о смерти Наполеона, подкрепленное правдоподобными деталями, должно было вызвать соответствующую реакцию биржи ценных бумаг. Для мира финансов это сообщение носило позитивный характер, а цена акций всегда поднимается под влиянием таких известий. Первым пунктом плана заговорщиков должно было стать сообщение о смерти французского императора, представленное в заслуживающей доверия форме. Приезд адъютанта лорда Каткарта с важными и срочными вестями — ничего лучше и придумать нельзя! Каткарт был послом в России и военным представителем при императоре Александре I. Он находился в составе свиты царя и был в центре событий. Именно от него должны были исходить сообщения о делах на фронте и важнейшие новости.

Всякая информация социально-политического характера подлежит проверке и подвергается сомнению, тем более в условиях

войны. Одного сообщения о смерти Наполеона было мало, требовалось весомое подтверждение. Заговорщики отлично знали законы человеческой психологии и обошлись малыми силами и средствами. Достаточно было вовремя проведенной тремя людьми демонстрации в центре Лондона, чтобы подавляющее большинство свидетелей поверили в историю о смерти Наполеона и скором заключении мира.

Беранже считал нужным специально выделить положение о том, что «мир будет заключен немедленно», в своем письме адмиралу Фоли. Мир после долгой войны — лучшее лекарство от болезней экономики и предвестник ее оздоровления.

Ясно, что Беранже и трое нарядившихся французами участников событий действовали согласованно. Эти четыре человека на короткое время создали лихорадочно приподнятую атмосферу победы над многолетним врагом, и в этих условиях многие потеряли голову и пошли на поводу у мошенников.

Беранже назвался чужим именем, обманул британцев и тем самым уничтожил свою репутацию. Он сжег мосты и сделал ставку на крупный денежный выигрыш. Преступник понимал, что оставаться в Великобритании ему нельзя, и именно поэтому он попросился на корабль капитана Кохрейна. Бежать как можно дальше, в Америку — понятное желание авантюриста. Не получив положительного ответа, он не нашел другого варианта бегства из страны и в итоге был арестован в Лейте. Кохрейну он заявил, что спасается от кредиторов, хотя должен был скрываться от полиции.

Роль Беранже вполне понятна — он идеолог, организатор заговора и исполнитель принятых решений. Он действовал открыто, проявляя актерские качества, незаурядную хватку и знание человеческой природы. В Англии он был пришельцем и собирался покинуть страну.

Беранже имел общие дела с Кохрейн-Джонстоном, дядей Томаса Кохрейна. Они познакомились в 1813 году, и Кохрейн-Джонстон рекомендовал Беранже адмиралу Александру Кохрейну. Во время февральских событий Кохрейн-Джонстон не показал себя на публике. Он оставался в тени, однако продал акций на очень крупную сумму — более полумиллиона фунтов стерлингов. Узнав о приговоре суда, он бежал из страны на континент от заслуженного наказания. Прошлого Кохрейн-Джонстона в Вест-Индии содержит множество примеров его

склонности к противозаконным действиям. Все говорит о том, что Беранже и Кохрейн-Джонстон были заодно в биржевой афере.

Роль трех лжеофицеров, устроивших яркий спектакль в центре Лондона, самая понятная и объяснимая. Они появились на публике в ложном облике, а затем выиграли на бирже. Действия Беранже могли окончиться ничем, если бы не были подкреплены хорошо поставленным костюмированным представлением.

Контуры заговора ясны, но какое отношение ко всему этому имел Томас Кохрейн? В начале 1814 года он ждал рождения ребенка, готовился к плаванию в Америку и организовывал производство образцов осветительных приборов для кораблей и улиц. Дома его ждала любимая жена, на верфи стоял корабль, и, как человек увлеченный, он со страстью отдавался техническому изобретательству. В течение пяти лет Кохрейн не участвовал в боевых действиях, однако теперь он должен был повести в плавание линейный корабль. Мог ли прославленный капитан, известный политик и кавалер ордена Бани, имея хорошие жизненные перспективы, вдруг все поставить на карту и грубо нарушить закон?

Вспомним, что он делал в роковой день 21 февраля. Именно в этот день он виделся с тремя людьми, позднее осужденными по делу о мошенничестве: Кохрейн-Джонстоном, брокером Баттом и Беранже. Бросает ли это на него тень? Защитник Уильям Бест убедительно доказал в суде, что встреча с Беранже дома у Кохрейна ни о чем не говорит: зачем Кохрейн встречался с главным заговорщиком в самое неудачное время и в самом худшем для этого месте?

Томас Кохрейн был выдающимся организатором военных акций, он обладал незаурядным мастерством стратега, тактика и богатейшим арсеналом хитростей. Мы еще не раз увидим, как он умел вводить неприятеля в заблуждение, устраивать ложные тревоги, заставить врасплох, появляясь в самое неожиданное время, бесподобно дурачить врага и мистифицировать. Если на мгновение вообразить, что он составил мошеннический план, исполнение которого было доверено другим, то в целях конспирации он должен был находиться далеко от места событий. Однако он делает прямо противоположное — утром завтракает с дядей и брокером, а позже встречается с Беранже у себя дома.

Не вызывает никаких сомнений, что Кохрейн не планировал встречи с Беранже. Он прибыл на завод, но находился там совсем недолго. Слуга сообщил Кохрейну, что дома его ждет гость. Кохрейн поспешил домой, ожидая новостей от брата, воевавшего в Испании. Он был крайне удивлен, увидев Беранже.

Если предположить, что Кохрейн и Беранже ранее о чем-то договорились и теперь возникла необходимость в новой встрече, то по всем законам жанра свидание должно было состояться на нейтральной территории. Во-вторых, если Кохрейн и Беранже действительно являлись сообщниками в незаконном деле, то они должны были продумать все пути бегства, отступления, отхода на заранее подготовленные позиции, выхода из игры. Не может быть, чтобы Кохрейн — будь он участником заговора — не подготовил этих путей. И как возможно, чтобы эти двое в таком случае заранее не обсудили столь очевидного варианта спасения, как отплытие на корабле в Америку. Однако все происходит совершенно по-другому: Беранже — незванный и неожиданный гость в доме Кохрейна — рассказывает историю своего пребывания в долговой тюрьме, а затем внезапно просится на корабль. Ясно, что эта тема обсуждается впервые. Кохрейн и Беранже мало знакомы и ни о чем заранее не договаривались. Если бы Кохрейн имел понятие, чем в то утро занимался Беранже (Кохрейн знал бы об этом, будь он участником заговора), то история о долговой тюрьме была бы лишней. Однако Беранже ее рассказал, и именно потому, что Кохрейн не имел к делу никакого отношения. Не получив пропуска на корабль, Беранже попросил одежду. Кохрейн дал ему пальто и старую шляпу, чтобы отвязаться от непрошеного гостя или, возможно, просто желая помочь попавшему в неприятную ситуацию человеку.

Что плохого сделал Кохрейн и в чем его вина? Где хотя бы одно доказательство его причастности к заговору?

Главным и определяющим пунктом обвинения Кохрейна в мошенничестве стал цвет мундира Беранже. Может ли объективно такая улика быть решающей и улика ли это вообще?

Утром 21 февраля Беранже появился в Дувре, и на нем был красный мундир. Форма была куплена заранее, и этому есть подтверждение — показания портного Соломона. Позднее мундир был найден в Темзе, в свертке, изрезанным на куски. Ясно, что, кроме

злополучного мундира, у Беранже была и другая одежда. Мошенник собирался посетить Кохрейна — королевского морского офицера, политика и малознакомого ему человека. Стал бы он рисковать, являясь к нему в ярко-красном мундире штабного офицера? Зачем Беранже подставлять себя под удар? Кохрейн — офицер и государственный человек — действительно мог предпринять нежелательные для Беранже действия и вывести его на чистую воду. Преступнику лучше остаться малоприметным и не привлекать к себе внимания.

Кохрейн дал показание под присягой, что мундир был зеленым, и слуги это подтвердили. Суд имел показание извозчика о красном цвете мундира, но оно позднее было признано ненадежным. Кохрейн не менял своих показаний, ему удалось найти новых свидетелей зеленого цвета мундира, и они подтвердили это под присягой. Лорд Элленборо не принял новых доказательств невиновности Кохрейна.

Истина фактов постижима лишь до определенного предела. Невозможно установить, подкупались ли свидетели, и никто не может наверняка знать, где, как и сколько раз Беранже переодевался из одного мундира в другой. Однако логика фактов говорит, что мундир, вероятно, был зеленым. Да и будь он красным, это никак не доказывает вины Кохрейна. Разве он по закону обязан предпринимать какие-либо действия, если перед ним появился человек в красном мундире, королевской мантии или одеянии римского папы? В своем обвинении лорд Элленборо оперировал моральными категориями: как мог Кохрейн — офицер и джентльмен — ничего не заподозрить?

Но это не доказательство вины. А если мундир был зеленым, то вопрос лишен всякого смысла.

Лорд Элленборо не случайно полностью сосредоточился на вопросе о цвете мундира. Других улик он не имел. Защитник вполне убедительно доказал, что в совершенных Кохрейном с помощью брокера Батта сделках на бирже никакого состава преступления нет. Объем сделок Кохрейна был сравнительно небольшим. Инструкции о продаже акций при повышении цены на них на 1% он дал задолго до событий 21 февраля. Если бы утром 21 февраля «заговорщики» Кохрейн и Батт за завтраком согласовали план действий при неизбежном скачке цен, то результатом этого наверняка стали бы весьма прибыльные сделки. А что произошло в реальности? Кохрейн

выиграл и получил свою прибыль, но маржа была сравнительно невеликой — бумаги были куплены по 28,25 и проданы по 29,5. Для дельцов, заранее знающих о большом скачке цен, выигрыш просто посредственный. Неужели Кохрейн мог рискнуть всем, что имел — не только карьерой, репутацией и свободой, но и семейным счастьем, душевным покоем, — ради небольшого барыша? Он должен был сойти с ума, чтобы решиться на эту авантюру.

Кохрейн не предпринял своевременных усилий, чтобы отделить себя от других подозреваемых в совершении преступления. Общество узнало из газет, что имя Кохрейна поставлено рядом с именами Беранже, трех лжефранцузов, чья вина была очевидной, и других подозреваемых. Он не дистанцировался от своего дяди и поступал так из соображений родственной солидарности. Дав показания под присягой и подкрепив их свидетельствами слуг, Кохрейн считал себя вполне защищенным. Приговор суда стал для него сокрушительным ударом. Морской офицер, много раз смотревший смерти в лицо и сохранявший ледяное хладнокровие в самых критических ситуациях, был поражен в самое сердце и морально раздавлен.

Кохрейна доставили через Лондонский мост в тюрьму Кинге Бенч (тюрьму Королевской Скамьи). Здесь содержали должников и лиц, обвиненных в клевете. Чарльз Диккенс поместил своего мистера Микобера, героя романа о Дэвиде Копперфилде, именно в эту тюрьму. Она была окружена высокими стенами с острыми зубцами наверху. Здание тюрьмы имело четыре этажа, Кохрейну выделили две комнаты на верхнем этаже. Условия его содержания были относительно комфортными. Предполагалось, что он должен платить за свое питание и содержание. К заключенному могли приходиться посетители.

Кохрейн написал письмо Элизабет Кохрейн-Джонстон, восемнадцатилетней дочери своего дяди-беглеца. Он признался, что шокирован и очень расстроен, однако чувствует уверенность. Главное — он невиновен!

Враги Кохрейна торжествовали и хотели добить его окончательно. Это было сделано руками самого принца-регента Великобритании. На обеде в Портсмуте, участниками которого были старшие морские офицеры, сын безумного короля заявил о своей решимости вычеркнуть имя Кохрейна из списка служащих флота. Он также обещал лишить Кохрейна ордена Бани.

Адмиралтейство выпустило приказ, который подводил черту под карьерой Кохрейна в королевском флоте Великобритании. Следующий удар последовал 5 июля. Правительство выступило с инициативой об изгнании Кохрейна из парламента; соответствующее решение должна была принять палата общин. Сэр Фрэнсис Бардет и Сэмюэл Уайтбрэд выступали в поддержку Кохрейна. Заключенному позволили на время выйти из тюрьмы, чтобы он мог выступить в палате общин. Кохрейн обрушился с сильнейшей и страстной критикой на судей, сфабриковавших несправедливый приговор. Атака была столь яростной, что Каслри предупредил репортеров — они могут быть обвинены в клевете, если опубликуют речь целиком. В отчет о событии были включены лишь выдержки из выступления Кохрейна. Очевидно, что он еще более навредил себе несдержанным поведением. В то же время некоторые члены палаты оценили его искренность. Голосование показало, что значительная часть парламентариев считают своего коллегу невиновным: правительственную инициативу поддержали 144 депутата, против изгнания Кохрейна было подано 44 голоса.

11 августа в Вестминстерском аббатстве был совершен странный полночный ритуал. Глава ордена Бани выбросил из часовни короля Генриха VII герб и флаг Томаса Кохрейна.

Лорд Кохрейн более не был ни офицером флота, ни кавалером ордена Бани. Британская политическая элита и руководство Королевского флота торопились довершить моральное уничтожение одного из героев великой эпохи. Они не достигли своей цели.

Томас Кохрейн имел множество друзей и сторонников, и в эти тяжелейшие для него дни он не остался наедине со своей бедой. Уильям Коббет выступил с серией разгромных статей в *Weekly Political Register*, и было продано рекордное число копий газеты — 7000! Избиратели Кохрейна поддержали своего кумира самым решительным образом, показав достойный пример человеческой солидарности. Поскольку после изгнания члена палаты общин его место стало вакантным, должны были состояться новые выборы. Еще 11 июля прошел массовый митинг избирателей Вестминстера. Выступая перед аудиторией в пять тысяч человек, сэр Фрэнсис Бардет призвал полностью очистить ярчайшее имя от всяких подозрений и оправдать человека, оказавшего великие услуги своей стране, и вынес приговор

его злобным врагам. Под несмолкаемые овации участников митинга Бардет заявил, что если лорда Кохрейна поставят к позорному столбу, согласно приговору суда, то он, Бардет, встанет за ним. Ричард Бринсли Шеридан — соперник Кохрейна на прошлых выборах — заявил, что теперь отказывается быть его оппонентом. Два других кандидата последовали примеру великого драматурга. 16 июля Кохрейн был с триумфом и без борьбы избран в парламент от Вестминстер Сити.

Тремя днями позже молодой лорд Эбрингтон при поддержке лорда Нугента выступил в парламенте с инициативой об освобождении Кохрейна от позорного средневекового наказания, поскольку он оказал своей стране выдающиеся услуги. 19 июля лорд Каслри объявил о монаршем помиловании для всех приговоренных к ужасному наказанию. Таким образом, Кохрейн теперь не должен был предстать в унижительном виде перед публикой.

Поддержка друзей помогла Кохрейну пережить ужасные удары судьбы, однако впереди были долгие месяцы в тюрьме и полная неопределенность. Он должен был наполнить свои дни полезными занятиями и продолжал работать над конструкцией ламп для кораблей и газовых ламп для освещения улиц. Он написал длинное письмо лорду Элленборо. Друзья и родственники посещали его, а Кэт хотела жить вместе с ним в тюрьме. Он отговорил любимую супругу от добровольного заточения, поскольку не хотел подвергать ее тяготам тюремной жизни. Кохрейн совершал прогулки по двору и наблюдал, как заключенные играют в игры.

Он выдержал восемь месяцев и решил бежать. Нетерпение толкнуло шотландского графа Монте-Кристо на крайне опрометчивый шаг. Кохрейна изгнали из парламента, но избиратели восстановили его в правах члена палаты общин. Он хотел добиваться справедливости и потребовать беспристрастного расследования собственных действий и поведения судей.

Слуга передал ему веревку, и ночью 6 марта 1815 года Кохрейн предпринял попытку побега. Окна его комнаты были расположены на одном уровне с верхней частью внешней тюремной стены и лишь в нескольких футах от нее. Он сделал петлю на конце веревки и следил за часовым. Когда тот удалился, Кохрейн зацепил петлей за стенные зубцы, достиг стены, а затем стал спускаться по веревке вниз. Он был

на высоте более шести метров от земли, когда веревка порвалась. Беглец упал на спину и некоторое время пролежал без сознания. Затем он пришел в себя и убедился, что цел и невредим. Рядом находился дом, в котором жил бывший слуга его семьи. Там его приняли.

Тюремщики спохватились, когда Кохрейн был на пути в свое имение Холли Хилл в Хэмпшире. За его поимку было назначено вознаграждение в три сотни гиней. Власти расклеили плакаты с описанием его внешности: «Он ростом пять футов одиннадцать дюймов, тонкий, узкогрудый, с волосами песочного цвета и большими глазами, бакенбарды и брови рыжие»^[96].

Ходили слухи, что он скрывается в лондонском Сити, в Гастингсе, во Франции, на островах Пролива. Никому не приходило в голову, что он спокойно живет у себя дома. В течение двух недель Кохрейн наслаждался обществом жены и сына, а затем вернулся в Лондон. После полудня 21 марта он вошел в комнату служащих парламента, одетый в свои обычные серые брюки и пальто. Кохрейн заявил, что хочет выступить в палате общин. Ему ответили, что он не может дать клятву, пока в парламент не доставлен документ о его избрании членом палаты общин. В ожидании этого документа Кохрейн вошел в палату и уселся на скамью членов Тайного совета. Пришедшим его арестовывать он заявил, что они не имеют права взять под стражу члена парламента. Он оказал сопротивление при аресте, но был вынужден подчиниться силе и был доставлен в тюрьму Кинге Бенч.

Теперь его поместили не в комнаты на верхнем этаже, а в сырой подвал с ужасными запахами. Член парламента, который делал инспекцию тюрем, посетил Кохрейна и описал условия его содержания: комната площадью четырнадцать квадратных футов, без окон, камина, стола и кровати. Несколько раз там побывал Уильям Коббет и поддержал своего друга. Позднее описание этой темной комнаты было опубликовано в *Cobbetts Weekly Political Register*. Чтобы пообедать, нужно было зажигать свечу. Если находившийся в комнате человек касался стен руками, то все его тело пронзал холод.

После трех недель, проведенных в камере, Кохрейн почувствовал резкое ухудшение состояния здоровья. Его брат вызвал доктора. Врач осмотрел Кохрейна и сообщил, что у пациента сильные боли в груди, слабый пульс, холодные руки и множество симптомов заболевания

сыпным тифом. Доктор заявил, что всему виной неподвижный воздух в камере. После этого Кохрейна перевели в другую комнату.

20 июня он должен был выйти на свободу. Кохрейн отказался платить штраф в 1000 фунтов стерлингов, назначенный по приговору суда. Члены семьи и друзья уговорили его внести положенную сумму. Он выписал банкноту, выразив при этом письменный протест: он подчиняется грабителям, чтобы спасти свою жизнь и собственность.

Кохрейн вышел из тюрьмы 3 июля 1815 года. Он был полон решимости продолжать борьбу и оправдать ожидания своих избирателей. Он начал кампанию за импичмент лорда Элленборо, но вновь не был поддержан коллегами в палате общин. Кохрейн не смутился и обещал регулярно выступать с теми же инициативами, пока правда не восторжествует.

Кохрейн и Коббет решили, что высокая цена газеты *Weekly Political Register* является препятствием ее широкого распространения среди интересующихся политикой британцев. Цена составляла более шиллинга, ее снизили до двух пенсов. Эффект был ошеломляющим. Коббет опубликовал в газете обращение к рабочим, оно разошлось вначале в 40 000 экземплярах, а затем тираж превысил 200 000 копий!

Коббет говорил людям о главной причине их бедственного положения — плохом управлении страной и указывал ясный путь улучшения ситуации — реформа избирательной системы. В Лондон прибывали делегаты со всей страны, имея на руках петиции в поддержку реформы. Эти обращения представлялись в парламент. Один из делегатов посетил Кохрейна в его новой резиденции в Вестминстере вместе с другими представителями британской провинции и политиком Генри Хантом. Позднее он описал свои впечатления от общения с прославленным моряком и его супругой:

«Мы прибыли в его дом на Палас Ярд, и нас проводили в расположенную внизу комнату, в то время как лорд Кохрейн и Хант беседовали наверху; стройная и элегантная молодая леди, одетая в белое платье и очень интересная, угостила нас вином... Его светлость лорд пришел и обстоятельно пообщался с нами. Он был высоким молодым человеком, сердечным и искренним. Он немного сутулился, его походка чем-то напоминала походку моряка; его лицо было овальным, от природы светлого цвета, но теперь загорелое и

веснушчатое. Волосы песочного цвета, небольшие баки более темные, выражение лица спокойное и сдержанное»^[97].

Кохрейн взял на себя ответственность за подачу петиции, его усадили в кресло, и восторженная толпа понесла своего кумира к дверям парламента в Вестминстере под бурные приветствия собравшихся.

Политическая атмосфера вновь накалилась до предела. Кто-то бросил камень в карету принца-регента, когда тот направлялся на открытие парламентской сессии. Правительство в спешке принимало драконовские меры против оппозиции. Уильям Коббет, который провел два года в тюрьме Ньюгейт, решил не дожидаться нового ареста и отправился в Нью-Йорк вместе с двумя старшими сыновьями.

Друг Кохрейна временно покинул родину. Жизнь героя морских сражений также изменится, причем самым неожиданным образом.

ЧИЛИ, ПЕРУ, БРАЗИЛИЯ

После поражения в битве при Ватерлоо 18 июня 1815 года император Наполеон вернулся в Париж. Он планировал взять политическую ситуацию в своей столице под контроль, а затем вновь отправиться на фронт.

Обстоятельства сложились иначе, и под давлением парламента Наполеон отрекся от престола — во второй раз. После первого отречения в апреле 1814 года победители предложили ему во владение остров Эльба. Не пробыв сувереном острова и года, император предпринял удивительно смелую попытку вернуться к власти во Франции и добился своей цели. Против него была создана новая коалиция европейских держав, и в этот раз война продолжалась совсем недолго. Проиграв ее, Наполеон думал о спасении Франции и не позаботился о своем личном будущем. Отдав власть, он попал в полную зависимость от министров, которых совсем недавно назначил. Правительство во главе с Жозефом Фуше не позволило ему быстро покинуть Францию и отправиться в Соединенные Штаты Америки. Британский флот блокировал порт Рошфор. Прибыв туда, Наполеон вскоре оказался перед трудным выбором — сдаться англичанам, довериться Бурбонам или предпринять рискованную попытку бегства.

Император попросил политического убежища в Великобритании, надеясь на защиту ее законов и благородство англичан. Он просчитался — британцы не позволили ему жить в своей стране в качестве частного лица; правительство приняло решение отправить пленника в ссылку на остров Святой Елены^[98].

Наполеон рассчитывал на лучшую долю и испытал шок. Он вновь стал суровым критиком английской олигархии.

Томас Кохрейн шел своим путем, но после всех злоключений и он стал оппонентом британской политической элиты. Сложились обстоятельства, которые могли сделать двух необыкновенных людей союзниками.

В апреле 1817 года в Великобританию прибыл чилиец по имени Антонио Алварес. Его страна боролась за освобождение от испанского колониального владычества, и он искал поддержку в Европе.

Чилиец привез с собой большую денежную сумму. Он должен был совершать покупки судов и нанять морских офицеров и матросов для службы в чилийском флоте.

Алварес оказался в нужное время и в нужном месте. Многолетние войны закончились, и тысячи британских моряков остались без дела. Морские офицеры жили на половинном окладе и искали возможностей продолжить активную службу. В этих условиях Алварес вполне успешно решал задачи покупки кораблей и найма моряков.

В поле его зрения попал Томас Кохрейн. 41-летний герой продолжал свою политическую деятельность и вместе со своими союзниками вел активную борьбу за реформу избирательной системы. Он по-прежнему был очень популярен в Вестминстере и принимал делегации рабочих из провинции. Однако назвать его политическую карьеру успешной было нельзя. Он и его друзья-радикалы имели слабую поддержку в парламенте и сталкивались с большой враждебностью со стороны других политических партий и группировок. С другой стороны, Кохрейн был вычеркнут из списка морских офицеров и не имел возможности служить в британском флоте. Продолжение карьеры в других странах открывало для него новые горизонты, и предложение Алвареса пришлось как нельзя кстати. Оно было очень привлекательным — Кохрейну был предложен пост главнокомандующего чилийским военно-морским флотом. Возвращение на службу, видная роль, высокий доход — Кохрейн не мог отказаться от такого будущего. Он принял предложение чилийца.

12 января 1818 года Алварес написал морскому министру своей страны Хосе Зентено, что лорд Кохрейн — один из самых знаменитых и, возможно, самый храбрый моряк в Великобритании — готов направиться в Чили и принять командование военно-морским флотом. Он отметил, что Кохрейн известен своими либеральными принципами и защищает интересы людей в парламенте.

Кэт была беременной. Кохрейн продал свое имение Холли Хилл и теперь хотел, чтобы она жила у родственников — четы Симпсонов. Миссис Симпсон была двоюродной сестрой супруги Кохрейна.

Узнав о скором отъезде Кохрейнов в Чили, Симпсоны — добропорядочная пара пожилых англичан — настоятельно посоветовали Кэт сочетаться с Томасом настоящим браком.

Кохрейн сказал, что будет очень счастлив сочетаться с Кэт церковным браком. Более того, он готов сделать это в сотне церквей!

Кэт и Томас поженились «по-английски» в церкви, расположенной в маленькой деревне неподалеку от Торнбридж Веллс, где жили Симпсоны. 8 марта 1818 года Кэт родила второго ребенка — мальчика, которому при крещении дали имя Уильям Горацио Бернардо Кохрейн. Горацио — в честь великого Нельсона, Бернардо — в честь чилийского лидера генерала Бернардо О'Хиггинса.

Томас Кохрейн шел в ногу с передовыми технологиями. В предстоявшей кампании против испанцев он хотел использовать не только мастерство и опыт морского офицера и традиционные средства ведения войны, но и новейшее техническое изобретение — пароход. Он убедил Алвареса, что такое судно сыграет решающую роль в морской войне.

Он начал создавать корабль новой конструкции и назвал его *Rising Star* (Восходящая звезда). Внешне судно выглядело как обычный трехмачтовый корабль. Оно имело 22 пушки и отличалось от классического парусного судна двумя высокими тонкими дымовыми трубами, расположенными посередине корабля, и гребным колесом, приводимым в действие двумя паровыми двигателями. Кохрейн инвестировал 3000 фунтов стерлингов личных денег в создание парохода.

Было очевидно, что судно не скоро будет готово к эксплуатации. Кохрейн поручил своему брагу Уильяму контролировать процесс создания и оснащения корабля. По завершении всех работ судно должно было отправиться в Южную Америку.

2 июня 1818 года сэр Фрэнсис Бардет выступил в палате общин с инициативой проведения парламентской реформы — коренного преобразования избирательной системы страны. Томас Кохрейн высказал свое мнение по данному вопросу. Это было его прощальное выступление в парламенте.

«Я имею честь обратиться к вам, возможно, в последний раз, — начал Кохрейн. — Я должен сказать членам палаты, что я думаю об их поведении. Я имел честь заседать здесь в течение одиннадцати лет, и лишь по очень малому числу вопросов я мог согласиться с мнением большинства... Я скажу, как до меня говорил великий Чатам, отец

мистера Питта, что, если палата сама не реформируется изнутри, она будет реформирована снаружи...»^[99]

Он говорил об апатии своих коллег и о будущих социальных взрывах, которые потрясут государство и общество до самых основ. Кохрейн благодарил своих избирателей за поддержку в тяжелейшие дни, когда он едва не погиб.

Он закончил речь самым суровым предупреждением: «Я надеюсь, министры Его Величества серьезно отнесутся к моим словам. Я говорю их без всякой враждебности — таких чувств нет теперь во мне, — но я верю, что они услышат мое предупреждение и спасут страну; для этого нужно отказаться от нынешней системы, иначе будет слишком поздно»^[100].

Понадобятся годы острейшего политического противостояния и борьбы людей за свои жизненные права, прежде чем будет принят Акт о реформе. Он станет законом в июне 1832 года. Более не будет «гнилых местечек» и карманных избирательных округов. Крупные промышленные центры получают достойное представительство в парламенте, и численность избирателей значительно увеличится. Томас Кохрейн внес свой вклад в процесс развития британской демократии.

В начале августа 1818 года лорд Кохрейн, члены его семьи и слуги отправились в порт Рай, расположенный в Суссексе. Они взошли на борт рыболовецкого судна и на нем доплыли до Булони. Во французском порту они переместились на коммерческое судно *Rose*, которое 15 августа взяло курс на Южную Америку.

Наполеон жил в изгнании на острове Святой Елены уже почти три года. Британские власти установили очень строгий режим содержания узника. Военный гарнизон и губернатор острова сэр Хадсон Лоу принимали меры, исключавшие малейшую возможность побега ссыльного императора. Тем не менее сторонники Бонапарта составляли планы его освобождения. Наполеон и его друзья надеялись на продолжение политической карьеры императора французов.

Жизнь давала примеры реализации самых невероятных планов. Наполеон обманул бдительность английского комиссара и незаметно покинул Эльбу. На острове Святой Елены он находился под неусыпным надзором, однако это не смущало его деятельных союзников. Планы освобождения императора разрабатывались

бонапартистской эмиграцией в Северной Америке и некоторыми англичанами.

Томас Кохрейн в прошлом воевал против Франции и Наполеона, но времена изменились. Война в Европе закончилась, а события в Южной Америке были в самом разгаре. Латинская Америка нуждалась в политических лидерах и могла стать новой ареной деятельности Наполеона Бонапарта. Кохрейн восхищался Наполеоном и отводил ему большую роль в будущем устройстве Южной Америки. Наполеон мог бы принять титул императора стран* освободившихся от колониальной зависимости, или встать во главе конфедерации таких государств.

Как Кохрейн предполагал осуществить этот план? Можно ли было вырвать Наполеона из рук англичан и вывезти его с тропического острова? Вопросы ставят в тупик большинство людей, но не героя, захватившего множество вражеских судов и укрепленных пунктов с минимальными потерями и неоднократно бежавшего из тюрем. Если на свете есть люди, способные реализовать самые дерзкие планы, то Томас Кохрейн, безусловно, входит в их число.

Группа французских бонапартистов в США имела конкретные виды на роль Кохрейна в освобождении Наполеона: он должен был возглавить вооруженные силы, включавшие 74-пушечный корабль, две канонерские лодки, 800 морских пехотинцев и 200 — 300 офицеров и солдат^[101].

Остров Святой Елены должен был стать промежуточным пунктом путешествия Кохрейна. Он планировал встретиться с Наполеоном и предложить ему роль политического лидера Южной Америки. Наполеон принимал посетителей из разных стран и имел возможность повидаться с подданным Великобритании.

Им не суждено было увидеть друг друга. Находившийся в пути Кохрейн узнал, что испанцы в Южной Америке готовят активные наступательные действия. Чилийцы просили его прибыть как можно скорее, и он отказался от посещения острова Святой Елены^[102].

Судно *Rose* пересекло Атлантический океан и должно было огибать крайнюю точку южноамериканского континента. Плавание проходило без происшествий, и после долгого ожидания путешественники увидели береговую линию. Корабль находился в

холодных водах, и его пассажиры наблюдали колонии пингвинов на скалистых берегах. Над их головами летали альбатросы.

Судно приблизилось к мысу Горн, и подул сильный западный ветер. В течение трех дней шел дождь и валил снег.

Корабль продолжал двигаться к югу. Наконец подул благоприятный ветер. Судно миновало мыс Горн и повернуло к северу, войдя в более спокойные воды Тихого океана.

Оно плыло вдоль берегов, и виды местности менялись. Горный край фьордов, ледников и островов уступил место густым лесам. Вдали виднелись голубые склоны и покрытые снегом остроконечные вершины Анд.

29 ноября 1818 года корабль вошел в бухту Вальпараисо и бросил якорь. Плавание заняло более трех месяцев.

Гавань окружали холмы с крутыми склонами, на которых были построены дома. В садах росли живописные кустарники и фруктовые деревья. Узкие улочки спускались к побережью и центру города, где располагались рынки, магазины, большая церковь и резиденция губернатора.

Кохрейн должен был стать активным участником важнейших событий в истории Южной Америки. Две колониальные империи — Испания и Португалия — владели странами континента в течение веков и повсюду распространили свою культуру, построив города, церкви, соборы и площади. Экономика колониальных владений постепенно росла, и народы этих стран все более ощущали всевозможные ограничения развития торговли и предпринимательства со стороны метрополий. Революция в Северной Америке и обретение свободы и независимости бывшими британскими колониями стали ориентирами для народов южного континента. Мощнейшим катализатором процессов национального освобождения явились события в Европе — захват Наполеоном обеих метрополий в 1807 — 1808 годах.

Лидером освободительного движения на севере континента был Симон Боливар, на юге действовали генералы Хосе де Сан-Мартин и Бернардо О'Хиггинс.

Сан-Мартин родился в Аргентине и успешно воевал против армии Наполеона в Испании. Вернувшись в Южную Америку, он вновь проявил себя способным военачальником. В январе 1817 года он повел

освободительную армию через горные перевалы, затем одержал победу над испанцами в битве при Чакабуко и вошел в Сантьяго. Он отклонил предложение встать во главе независимой республики Чили и уступил эту честь своему другу О'Хиггинсу.

Бернардо О'Хиггинс — сын ирландца, который был испанским вице-королем Перу. Он получил образование в Перу и Англии, вернулся в семейное имение в Чили и вступил в ряды освободительной армии. О'Хиггинс блестяще проявил себя в боях, участвовал в переходе через Анды и покрыл себя славой в битве при Чакабуко. Он отлично понимал, что победы на суше будут бесполезными без контроля над морем.

Узнав о прибытии Кохрейна в Вальпараисо, О'Хиггинс покинул президентский дворец в Сантьяго, сел в свой экипаж и поспешил навстречу новому командующему флотом. Верховный правитель Чили пригласил Кохрейна и прибывших с ним людей в Сантьяго.

Кохрейны прибыли в столицу Чили 4 декабря. Последовала череда банкетов и балов, которая продолжалась несколько дней. Молодая и прекрасная леди Кохрейн произвела очень хорошее впечатление на участников торжеств.

Все изучали лорда Кохрейна, и американский представитель Джордж Ворсингтон определил его особенности: он очень прям в выражении своих мнений и замечаний, при этом не авторитарен и ведет себя без помпы. Несколькими днями позже Ворсингтон встретил Кохрейна на обеде у генерала Сан-Мартина и отметил, что Кохрейн — «человек необычных талантов, большой искренности и защитник гражданской свободы»^[103].

Кохрейн был признателен чилийцам за их гостеприимство, но начал тяготиться явной потерей времени. Он напомнил О'Хиггинсу, что приехал воевать, а не пировать.

11 декабря он стал гражданином Чили и был официально назначен вице-адмиралом и главнокомандующим чилийским флотом. Жалованье Кохрейна устанавливалось в долларах и было эквивалентно сумме 1200 фунтов стерлингов в год.

9 января 1819 года Кохрейн получил приказы от Хосе Зентено, морского министра Чили. Он должен был возглавить морскую экспедицию, осуществить блокаду порта Каллао, отрезать военно-морские силы вице-короля Лимы, чтобы затем разбить их по частям.

Экспедиция должна была способствовать движению патриотов и сбору разведывательных данных. Следовало захватывать испанские суда и собственность испанцев. В то же время Кохрейн должен был избегать столкновений с превосходящими силами противника и всякого риска, который мог поставить под сомнение будущую военную операцию в Перу.

Порт Каллао стал первой целью кампании, поскольку он являлся главной испанской военной базой на Тихоокеанском побережье. Каллао — порт Лимы, перуанской столицы и административного центра испанской колониальной империи в Южной Америке. Пока испанский флот контролировал морские пространства данного региона, существовали постоянные угрозы независимости Чили и большие трудности в деле освобождения Перу.

Эскадра под командованием Кохрейна состояла из семи кораблей — трех фрегатов, трех бригов и шлюпа. Флагманским кораблем вице-адмирала Кохрейна стал фрегат *О'Хиггис* — 50-пушечное испанское судно. Оно было похоже на бывший корабль Кохрейна — фрегат *Имперуиз*, также сделанный в Испании. На кораблях чилийского флота не хватало оборудования, но моряки были полны энтузиазма.

Этот флот был новой организацией. Он не имел традиций и нуждался в опытных кадрах, которые были найдены в Великобритании и Северной Америке — всего 1400 человек. Две трети моряков чилийского флота и почти все офицеры были британцами и североамериканцами. К морякам присоединились 400 чилийских морских пехотинцев.

Заместителем Кохрейна был назначен контр-адмирал Мануэль Бланко Энкалада, двадцативосьмилетний чилиец. Это был храбрый морской офицер, который ранее служил в артиллерии.

Третьим по рангу офицером был Роберт Форстер из Нортумберленда. Он служил в британском флоте в течение двадцати лет и был участником операций в Бискайском заливе, Балтийском море и в Америке. Кохрейн нанял его в Лондоне и теперь назначил капитаном флагманского корабля.

Морскими пехотинцами командовал майор Уильям Миллер, в прошлом британский артиллерийский офицер и ветеран войны на Пиренейском полуострове.

Кохрейн рвался в бой и не стал дожидаться, пока все корабли будут готовы к плаванию. Он отправился в путь во главе эскадры из четырех судов, остальные корабли должны были присоединиться к флоту по мере готовности.

Леди Кохрейн попрощалась с мужем и вернулась домой. Она выглянула из окна и увидела, как ликующие чилийцы несут на плечах ее пятилетнего сына Тома, направляясь к кораблям. Все случилось очень быстро — сын выбежал из дома, сказал лейтенанту, что хочет видеть своего отца, пушка выстрелила в последний раз, призывая моряков на корабли, лейтенант и Том уселись в катер, который повез их к флагманскому кораблю. Кэт была в ужасе, но ничего поправить было нельзя. Корабль начал движение, когда катер пристал к его борту. Посылать Тома на берег было поздно. Сын Кохрейна стал членом экипажа корабля *О'Хиггинс*, и вскоре оделся в сшитую для него форму гардемарина.

Кораблям потребовалось более месяца, чтобы проплыть расстояние от Вальпараисо до Каллао. Моряки наблюдали скалистые берега, покрытые лесом долины, красивые холмы и пастбища. Пейзажи, напоминавшие Англию, сменились растительностью, похожей на средиземноморскую: пальмы и оливковые рощи. Вдали все также виднелись покрытые снегом пики Анд.

Порт Каллао был хорошо укреплен и защищен. Впечатляющий вид крепости отметит Чарльз Дарвин, когда посетит это место. Он также напишет, что порт грязный, маленький и построен плохо.

Эскадра подошла к порту во время карнавала. Кохрейн хотел атаковать стоявшие на якоре испанские фрегаты, пока все предавались веселью. Очень густой туман помешал осуществлению этого плана.

В последний день февраля туман рассеялся, и Кохрейн решил действовать. Фрегаты *О'Хиггинс* и *Лаутаро* начали движение, оба под американскими флагами. Ветер был очень слабым, и вновь поплыл туман. В течение двух часов корабли были в большой опасности, попав под обстрел береговой артиллерии и пушек стоявших на якоре испанских судов. Капитан фрегата *Лаутаро* был тяжело ранен. Кохрейн смирился с неудачей, отменил атаку и отвел суда к острову Сан-Лоренцо.

Во время боя маленький Томас едва не пострадал. Он отказался сидеть в безопасном месте, пролез через окно и оказался рядом с

отцом на палубе. Кохрейн позволил сыну остаться и сказал ему подносить порох пушкарям. Выстрелом неприятельского орудия был убит стоявший рядом морской пехотинец, которому оторвало голову. Мозги несчастного попали мальчику в лицо. Кохрейн-младший сохранил самообладание и крикнул отцу, что он не тронут и не пострадал.

На острове Сан-Лоренцо находилась тюрьма, где содержались пленные чилийские солдаты. Они работали, скованные единой цепью. Кохрейн узнал, что в Лиме заключенных содержат в условиях еще более ужасных, и направил испанскому вице-королю предложение об общем обмене пленными. Вице-король вежливо отклонил предложение и выразил удивление тем, что британский дворянин командует военно-морскими силами мятежного правительства; дон Иоахим де ла Пезуэла подчеркнул, что Великобритания является союзницей испанского народа.

Кохрейн вступил в продолжительную переписку с вице-королем и выразил свое политическое кредо: «Британский дворянин — свободный человек, способный судить, что правильно, а что неправильно, он сам выбирает страну и дело восстановления естественных прав угнетенных»^[104].

22 марта Кохрейн предпринял попытку атаки порта Каллао с помощью судна с бомбами. Испанцы обстреляли корабль, и он затонул. Кохрейн был вынужден отступить, после чего он поменял тактику. Главнокомандующий приказал адмиралу Эн-каладе блокировать Каллао, а сам предпринял серию рейдов и нападений.

В течение нескольких недель корабль *О'Хиггинс* плавал вдоль перуанского берега. Кохрейн захватывал суда и вел наземные операции. Это были военные, идейно-политические акции и настоящие пиратские действия. Отряды под командованием Кохрейна нападали на города и крепости и распространяли пропагандистские листки, призывая местное население к борьбе за свободу. Один из рейдов принес 67 000 долларов, принадлежавших испанскому казначейству, другой привел к захвату партии золота и серебра на сумму 120 000 долларов, на борту захваченного французского судна *Gazelle* находились грузы и слитки драгоценных металлов на сумму 60 000 долларов.

Кохрейн считал, что цели оправдывают средства: он добывал деньги и ценности, необходимые для борьбы за свободу Перу и выплаты жалованья своим людям.

Адмирал Энкалада испытывал недостаток продовольствия и вынужден был снять блокаду Каллао и вернуться в Вальпараисо. В июне 1819 года Кохрейн также возвратился в чилийский город-порт, ставший временным местом жительства его семьи. Он не достиг намеченных им целей, но вполне оправдал ожидания правительства. Кохрейн выполнил данные ему приказы и заслужил признательность чилийцев. Национальный институт Сантьяго выпустил панегирик, а Бернардо О'Хиггинс приехал в Вальпараисо и поздравил командующего флотом с успехом его миссии.

Кохрейн начал подготовку ко второй кампании. Прибыл помощник Уильяма Конгрива, который должен был осуществлять технический надзор за производством ракет. Кохрейн отводил ракетам и зажигательным судам ключевую роль в новой операции. Он также убедил О'Хштинса увеличить его жалованье до суммы, эквивалентной двум тысячам фунтов стерлингов. Это было сделано в соответствии с практикой британского флота, где адмиралы наряду с окладом получали столовые деньги.

12 сентября 1819 года эскадра отправилась в путь. Корабли достигли Каллао и бросили якоря. Ночью 2 октября Кохрейн приказал провести предварительную атаку и испытать прочность неприятельской обороны. На трех бригах были установлены устройства запуска ракет. Спящий город был внезапно разбужен пушечными залпами, звуки которых сопровождались шипением летящих снарядов Уильяма Конгрива. Испанцы были готовы к нападению и ответили столь массивным огнем орудий береговых батарей, что чилийским судам пришлось удалиться на безопасное расстояние.

6 октября Кохрейн предпринял главную атаку. Он использовал зажигательное судно, которое должно было прорвать защитное ограждение и вызвать панику среди экипажей стоявших на якоре судов. Штиль задержал движение корабля. Испанцы обстреливали судно из пушек, и оно начало тонуть. В итоге судно взорвалось раньше, чем достигло защитного ограждения. Большинство ракет летели по непредсказуемой траектории, падали в воду и не причинили

противнику вреда. Атака окончилась неудачей, и Кохрейн вновь поменял тактику.

Пополнив запасы провизии, он повел эскадру в северном направлении и захватил два вооруженных испанских судна.

В его голове созрел невероятно смелый план, который выходил за рамки приказов морского министра. Кохрейн распределил свои силы следующим образом: направил три судна в Вальпараисо с большим числом заболевших людей на борту, приказал капитанам трех других судов наблюдать за портом Каллао, а сам устремился в южном направлении. Корабль *О'Хиггинс* достиг порта Вальдивия.

Целью Кохрейна был последний крупный порт, находившийся в руках испанцев на чилийском берегу. Он расположен в пятистах милях к югу от Вальпараисо. Порт был очень хорошо защищен, а город стоит в шестнадцати милях вверх по реке.

Кохрейн начал с того, что ввел испанцев в заблуждение. Он приказал поднять испанские флаги на мачтах корабля *О'Хиггинс*. Защитники Вальдивии ожидали прибытия фрегата и приняли корабль Кохрейна за свое судно.

Ранним утром следующего дня, 18 января 1820 года, Кохрейн сел в лодку и сделал замеры водных глубин. Он внимательно осмотрел местность и уяснил расположение фортов и огневых точек противника. Кохрейн вернулся на судно, и вскоре к борту причалила лодка с испанцами — проводником, офицером и четырьмя солдатами. Они были взяты в плен и сообщили важные сведения об ожидаемом прибытии испанского брига *Потрилло* с запасом денежных средств для гарнизона Вальдивии. На третий день бриг появился на горизонте, и его экипаж был также введен в заблуждение цветом флагов *О'Хиггинса*. Судно было захвачено без единого выстрела. На его борту находились военные припасы стоимостью 40 000 долларов, 20 000 долларов серебром и отличные карты гавани.

Теперь Кохрейну нужны были дополнительные силы для проведения операции. 20 января он бросил якорь в Талькауано и добрался до города Консепсион, где встретился с генералом Фрере — чилийским губернатором провинции. Фрере тепло встретил Кохрейна и узнал о его планах. Он выделил адмиралу 250 человек, ими командовал майор Бешеф — храбрый француз. В бухте Талькауано

стояли чилийская шхуна *Монтесума* и бразильский бриг *Интрепидо*. Они присоединились к экспедиции.

25 января корабли взяли курс на Вальдивию. Захватить укрепленный район с его фортами, огневыми точками и гарнизоном численностью 2000 солдат — такова была цель Томаса Кохрейна. Он вновь бросал вызов невозможности.

Пушки четырех главных фортов должны были предотвратить любую атаку со стороны моря. Защитники установили более сотни артиллерийских орудий, и их огонь стал бы губительным для атакующих. Кохрейн понял, что нет шансов захватить Вальдивию со стороны моря. Он предложил провести наземную операцию — совершить высадку под покровом тьмы и внезапно атаковать укрепленные пункты противника. Кохрейн сказал майору Миллеру, что холодный расчет и непоколебимое мужество позволят победить многочисленную армию неприятеля, не ожидающего столь смелого нападения.

Ночью 29 января *О'Хиггинс* находился вблизи острова, расположенного в сорока милях от материка. Был полный штиль. Кохрейн пошел отдохнуть в своей каюте, дав строгий приказ лейтенанту разбудить его при появлении ветра. Лейтенант тоже решил отдохнуть и поручил свою работу гардемарину. Вдруг подул ветер, и гардемарин не смог предотвратить беду. Кохрейн вышел на палубу и увидел, что корабль врезался в риф. Судно было повреждено и дало сильную течь.

Была предпринята попытка выкачать воду, но насосы не работали. Ситуация казалась безнадежной, и многие моряки собрались покинуть корабль и искать спасения на острове. Это был плохой выход из положения, поскольку Большая земля находилась далеко. Кохрейн припугнул членов команды тем, что остров населен злыми индейцами — они будут пытаться и убивать моряков.

Что делать? Шхуна и бриг не показывались, помощи ждать было неоткуда. На корабле был плотник, но он не справился со сложной задачей. Лишь один человек мог спасти корабль и его экипаж — Томас Кохрейн. Он снял пальто и принялся за дело. Адмирал чилийского флота вспомнил практические навыки моряка и рабочего на верфи и сотворил маленькое чудо. Пока его люди лихорадочно вычерпывали воду ведрами, Кохрейн починил насосы — к полуночи она заработали.

Судно было снято с рифа, и Кохрейн повел его в южном направлении. Появились шхуна и бриг, что позволило командующему переместить свой флаг на *Монтесуму*. Он перевел всех солдат и морских пехотинцев на шхуну и бриг. Порох был залит водой, и воины не могли использовать огнестрельное оружие. Это остановило бы многих, но не Кохрейна. Он убедил людей, что они победят противника штыковой атакой.

После полудня 3 февраля шхуна и бриг бросили якоря вблизи Вальдивии. Местечко называлось Агуада дель Инглес — единственная точка вблизи укрепленного порта, подходящая для высадки десанта.

Кохрейн вводил неприятеля в заблуждение и принял все меры предосторожности: на мачтах обоих кораблей развевались испанские флаги, солдаты и морские пехотинцы не показывались на палубах, катера спускались со стороны моря, чтобы движения нападавших не были видны с берега.

Адмиралу нужен был проводник, и он направил на берег офицера, говорившего по-испански. Офицер сказал встретившим его солдатам неприятеля, что стоявшие на якоре корабли прибыли с мыса Горн и оторвались от своей эскадры в условиях шторма. Испанцы не поверили в эту историю, и около четырех часов пополудни артиллерийские орудия форта Инглес открыли огонь по кораблям Кохрейна. На борту *Интrepidо* погибли два солдата. Дальнейшее ожидание было бессмысленным, и адмирал бросил людей в бой.

Майор Миллер и сорок четыре морских пехотинца погрузились в катера и направили их к месту высадки. Они энергично работали веслами, борясь с сильными волнами. Испанцы осыпали их градом пуль. Майор Миллер насчитал семьдесят пять солдат противника и чуть не погиб во время плавания — пуля пробила его шляпу и задела голову.

Морские пехотинцы достигли берега и яростно атаковали испанцев. Враг отступил, и в течение часа нападавшие высадили на берег три сотни человек. Проводником выступил испанский солдат, ранее взятый в плен. Бойцы отряда карабкались вверх по крутому склону и достигли форта Инглес. Здесь они разделились на две группы — одна устроила шумную диверсию с криками и пальбой, пуская в дело последние запасы пороха, вторая тихо прокралась вдоль стен, использовала части палисада для возведения моста через ров и

атаковала форт с обратной стороны. Испанцы не выдержали комбинированного натиска противника и побежали в направлении форта Карлос, где им открыли ворота. Чилийцы преследовали беглецов и кололи их штыками. Второй форт пал, а за ним и третий.

Следующий объект атаки был очень грозным — замок Корал, возвышающийся над местностью. Защитников замка охватила паника — они были шокированы реальностью ночной атаки, в ходе которой уже погибли сто человек, а еще больше сдались в плен. Испанцы оставляли свои позиции и бежали к гавани, где садились в лодки и отчаливали от берега. Комендант замка полковник Хойос сдался майору Миллеру. К рассвету все форты на западной стороне гавани были в руках чилийцев.

Шхуна *Монтесума* и бриг *Интрепидо* вошли в гавань. Артиллерия форта Ниэбла открыла огонь, но снаряды не причинили кораблям вреда. Шхуна и бриг бросили якоря вблизи замка Корал. Кохрейн собрался атаковать форты, расположенные на восточной стороне гавани. Он дал приказ, и началась высадка с кораблей. В этот момент испанцы узрели входивший в гавань *О'Хиггинс*. Они пришли в ужас от вида 50-пушечного корабля и посчитали, что он подвозит подкрепления. Защитники покинули все форты и бежали в направлении города Вальдивия.

На самом деле, *О'Хиггинс* давал сильную течь. Кохрейн приказал посадить его на мель, чтобы корабль не затонул.

6 февраля *Монтесума* и *Интрепидо* с морскими пехотинцами майора Миллера и солдатами майора Бешефа на борту поплыли вверх по реке в направлении города Вальдивия. Бриг *Интрепидо* сел на мель и был сильно поврежден, однако это не повлияло на конечный результат уникальной операции адмирала Томаса Кохрейна. Навстречу его победоносным воинам вышла группа местных жителей с флагом перемирия в руках. Они сообщили удивительную весть — испанский губернатор Вальдивии бежал. В городе царил хаос. Испанские солдаты разграбили множество домов горожан.

Кохрейн вошел в Вальдивию и принялся наводить порядок. Он нашел в городе огромный арсенал и корабль *Долорес*, который позднее был продан за 20 000 долларов. Вечером он отправил донесение Хосе Зеитено, морскому министру Чили. Кохрейн описал свою изумительную операцию и заключил послание следующим образом:

«Поначалу я думал разрушить фортификационные сооружения и забрать артиллерию и запасы на борт, но не мог решиться оставить без защиты самую безопасную и самую прекрасную гавань из виденных мною на Тихоокеанском побережье, чьи укрепления должны стоить более миллиона долларов»^[105].

Чилийские власти ничего не знали о действиях Кохрейна с середины января, когда он покинул Каллао. Фантастические известия о взятии Вальдивии вызвали восторг и всеобщее ликование. О'Хиггинс объявил, что все участники славного похода — офицеры и солдаты — будут награждены медалями за храбрость. Он назвал экспедицию «благородным завоеванием»^[106].

Национальный институт Сантьяго и Городской совет выпустили прокламации в честь Кохрейна и его воинов. Министр Зентено написал открытое письмо Кохрейну и подчеркнул великую важность его достижения: «Воспоминания об этом славном дне всегда будут на первых страницах чилийской истории, и имя Вашего превосходительства будет передаваться из поколения в поколение...»^[107]

Верховный правитель Чили по достоинству оценил успехи Кохрейна и воздал ему по заслугам. Жалованье командующего флотом было удвоено, он получил все положенные ему призовые деньги и был дополнительно вознагражден имением площадью 20 000 акров, расположенным на берегах реки Клара.

Кохрейн вернулся в Вальпараисо 6 марта и был встречен как великий герой. Однако события имели и обратную сторону. Кохрейн был мнительным и подозрительным человеком, а прошлые невзгоды и унижения развили эти черты его характера. У него были основания думать, что некоторые члены чилийского правительства ему завидуют. Зентено в частном разговоре заявил, что Кохрейн действовал в нарушение приказов и рисковал жизнями патриотов. Адмирал знал об этом и подозревал Зентено и других министров в желании уволить его со службы. Страхи Кохрейна были явно преувеличенными. Хосе Зентено — великий труженик и создатель чилийского флота — относился к Кохрейну с огромным уважением и всегда внимательно откликался на его просьбы и жалобы. Одна из них касалась болезненного вопроса о выплатах жалованья морякам. Вернувшись в Вальпараисо, Кохрейн узнал о бедственном положении офицеров и

других членов экипажей кораблей флота. Иностранцы теряли терпение и дезертировали. В апреле офицеры подали совместную петицию. Кохрейн поддержал их протест и написал письмо Зентено. Он угрожал отставкой, если жалованье морякам не будет выплачено. К 30 мая правительство погасило задолженность перед служащими флота.

Своих капитанов Кохрейн подозревал в интриганстве. Капитаны Гайс (Guise) и Спрай (Spry) играли большую роль в событиях последних месяцев, и Гайс был тяжело ранен во время неудачной атаки порта Каллао на своем фрегате *Лаутаро*. Вернувшись из Вальдивии, Кохрейн нашел следы заговора — якобы Хосе Зентено, Гайс и Спрай хотели отдать его под трибунал.

11 июля Кохрейн приказал арестовать Гайса за непослушание и презрение к авторитету главнокомандующего. Он требовал организовать суд над Гайсом, но правительство отказалось принимать столь суровые меры. Кохрейн заявил о своей отставке. О'Хиггинс и Зентено с трудом уговорили его отказаться от конфронтации. Правительство готовило операцию по освобождению Перу, и активное участие Кохрейна было жизненно необходимым.

Кохрейн уделял мало времени своей семье. Вернувшись из дальних экспедиций, он часто посещал Сантьяго и занимался делами управления эскадрой. В его отсутствие Кэт вела активную светскую жизнь. Она была душой каждого бала и очаровывала морских офицеров. В то же время ей пришлось испытать ужасные минуты. Когда Кохрейн отправился в Каллао во второй раз, его супруга уехала в загородный дом вместе с детьми и слугами. В дом ворвался испанский агент, который потребовал сообщить ему секретные планы и приказы Кохрейна, угрожая убийством. Мужественная женщина оказала сопротивление и стала кричать. Прибежали слуги, но негодяй успел ранить жену адмирала стилетом. Он был схвачен и позднее приговорен к смертной казни. Кэт уговорила власти смягчить наказание, и смертный приговор заменили пожизненной ссылкой.

В марте 1820 года Кэт родила третьего ребенка. Это была девочка, и ее назвали Елизавета Катерина.

Перед началом новой экспедиции Кохрейн приобрел имение Херрадура, расположенное в прекрасной долине Куинтеро.

20 августа 1820 года в порту Вальпараисо собралось много людей. Они восторженно приветствовали участников экспедиции, целью

которой было освобождение Перу от испанского владычества. Во главе экспедиции стоял генерал Сан-Мартин. На борту семнадцати транспортных судов находились артиллерийские орудия, множество припасов, 800 лошадей и армия численностью 4200 человек. Это войско состояло, в основном, из чилийцев и было усилено аргентинскими ветеранами. Кохрейн командовал эскадрой, состоявшей из восьми судов.

Военные корабли и транспортные суда взяли курс на север и через две недели достигли города Писко, расположенного в ста тридцати милях южнее Каллао и Лимы. Сан-Мартин приказал произвести высадку, однако дальше не пошел. Войска стояли лагерем в течение шести недель.

Кохрейн был удивлен и расстроен. Он считал, что нужно немедленно наступать на Лиму и овладеть городом.

Сан-Мартин имел другие представления о стратегии и тактике войны за независимость. Он знал, что испанцы значительно превосходят его армию числом. Генерал не хотел ввязываться в кровопролитные сражения и был уверен, что время работает на него. Само присутствие освободительной армии на территории Перу вызывало национальный подъем и энтузиазм жителей страны, в то время как испанцы падали духом. Сан-Мартин выпустил прокламацию к населению Перу и ждал благоприятного момента для активных действий. События подтвердили правоту генерала. В конце сентября Пезуэла, вице-король Лимы, прислал эмиссара с флагом перемирия. Соглашение было подписано, однако дальнейшие переговоры зашли в тупик. Стало известно, что одна из провинций объявила свою независимость. Прошло несколько недель, и один из испанских полков перешел на сторону патриотических сил.

28 октября Сан-Мартин вновь посадил людей на корабли. Вскоре суда достигли следующей точки маршрута — селения, расположенного в нескольких милях к северу от Лимы. Была произведена высадка, однако генерал не спешил действовать. Кохрейн потерял всякое терпение. Покоритель Вальдивии не привык двигаться черепашьими шагами и решил действовать на свой страх и риск. Он разработал новый план и решил немедленно привести его в исполнение, не поставив Сан-Мартина в известность.

Фрегаты *О'Хиггинс*, *Лаутаро* и *Индепенденсия* взяли курс на Каллао. Кохрейн задумал предпринять атаку стоявших на якоре судов, среди которых был флагманский корабль испанцев — 44-пушечный фрегат *Эсмеральда* с хорошо обученным экипажем. Он знал, что на борт другого судна были погружены денежные средства в миллион долларов.

Кохрейн дважды терпел неудачи при атаках порта Каллао, поэтому он готовил новое предприятие с исключительной тщательностью и учитывал все детали. Фрегат *Эсмеральда* стоял на якоре в порту, находясь под защитой трех сотен крепостных орудий. Испанцы создали защитное заграждение и окружили свой флагманский корабль двадцатью семью канонерскими лодками. В течение трех дней Кохрейн планировал операцию, готовил людей к атаке и производил разведывательные действия. Он пересекал бухту на быстроходной лодке и делал замеры водных глубин, не обращая внимания на огонь из крепости и канонерских лодок.

5 ноября Кохрейн обратился к своим людям с пламенной прокламацией на английском и испанском языках. Он обещал им долю в призовых деньгах, источником которых должны были стать захваченные суда противника. Кохрейн призвал добровольцев, и на его обращение откликнулись все моряки и морские пехотинцы. Офицеры отобрали двести сорок человек.

Кохрейн обнаружил место, в котором можно пересечь защитное заграждение. Он дал подробные приказы участникам штурма, предусмотрев все возможные варианты развития событий. Командующий усыпил бдительность неприятеля, приказав вывести фрегаты *Лаутаро* и *Индепенденсия* из бухты.

В десять часов вечера 160 моряков и 80 морских пехотинцев уселись в шлюпки. Весла были обернуты так, чтобы производить как можно меньше шума при движении. В полночь шлюпки достигли защитного заграждения, где лодка Кохрейна была перехвачена испанским дежурным катером. Негромко и внушительно адмирал сказал испанцам, что они будут немедленно убиты, если посмеют причинить какой-либо вред. Угроза возымела действие, и испанцы подчинились воле Кохрейна. Через несколько минут шлюпки встали вдоль борта *Эсмеральды*, где никто не ожидал нападения. Кохрейн и его люди бросились на штурм. Вскарабкавшись на борт, командующий

получил удар тупым концом ружья испанского часового. Он упал спиной на лодочный штырь и получил серьезное повреждение. В течение долгих лет Кохрейн будет испытывать боли от этой травмы. Мгновенно поднявшись на ноги, он вновь залез на борт судна и получил пулю в бедро. Она прошла навывлет. Кохрейн перевязал рану носовым платком и с огромным трудом продолжал командовать операцией.

Британские и американские моряки, чилийские морские пехотинцы бросились на испанцев с абордажными саблями и топорами. Защитники пытались оказать сопротивление, но были опрокинуты. Кохрейну и его храбрецам хватило пятнадцати минут, чтобы захватить прекрасное судно.

Звуки схватки вызвали тревогу в крепости, и солдаты гарнизона начали стрелять без разбора, убив нескольких испанских моряков и ранив капитана *Эсмеральды*. На якоре в гавани стояли два фрегата — британский *Хайперин* и американский *Македониан*. Они имели хорошо различимые опознавательные знаки, чтобы не стать объектами ночного нападения. Кохрейн заметил это и приказал украсить *Эсмеральду* такими же огнями. Это смутило испанцев, и они перестали обстреливать *Эсмеральду*,

Раненый Кохрейн передал командование капитану Гайсу. Адмирал хотел добиться большего, но Гайс решил ограничиться достигнутым. Он игнорировал приказы Кохрейна и взрезал якорные канаты. *Эсмеральда* покинула бухту, и капитан тем самым уберег судно от повреждений.

Штурмовой отряд потерял одиннадцать человек убитыми и тридцать ранеными. Потери испанцев составили 160 человек убитыми и ранеными.

Свидетели события дали высочайшую оценку действиям Томаса Кохрейна и его команды. Капитаны британских судов отметили изумительное мастерство исполнителей блистательной акции, которая была проведена невероятно быстро. Басил Холл — капитан корабля *Конвэй* — говорил об огромном значении захвата испанского флагманского судна: «Потеря была смертельным ударом по военно-морским силам испанцев в этой части света; хотя у них все еще были два фрегата и небольшие суда в Тихом океане, они более не

показывались, оставив лорда Кохрейна бесспорным хозяином побережья»^[108].

Генерал Сан-Мартин направил Кохрейну восторженные поздравления. Он переслал О'Хиггинсу донесения командующего флотом и приложил к ним свое письмо, в котором выразил полнейшее одобрение смелого предприятия.

Леди Кохрейн была в чем-то похожа на своего мужа и не могла долго сидеть без дела в Вальпараисо. В октябре 1820 года она предприняла экспедицию через Анды вместе с членами своей семьи, заставив их испытать все связанные с этим неудобства. Вернувшись в Вальпараисо, она решила отправиться к мужу в Перу. В январе 1821 года леди Кохрейн и ее дети прибыли в Каллао на борту британского судна. Затем Кэт приняла приглашение испанского аристократа и посетила его имение, расположенное недалеко от Лимы. В это крайне рискованное путешествие на лошадях по крутым горам она взяла одиннадцатимесячную Елизавету и нескольких слуг. Прибыв в имение, Кэт вынуждена была немедленно его покинуть — стало известно, что группа испанских роялистов хочет взять ее в заложницы вместе с дочерью. На обратной дороге путешественники пересекли мост из тростника и веревок, протянутый над глубоким ущельем. С ребенком на руках Кэт достигла середины моста. Он сильно шатался, и Кэт легла на мост от испуга. Слуга спас ее, и в итоге им удалось уйти от преследования.

Вскоре Кэт была на борту корабля своего мужа, но ненужные приключения на этом не закончились. Кохрейн узнал, что испанский корабль с грузом драгоценных металлов на борту собирается покинуть бухту Каллао. Он решил перехватить судно и немедленно вступил в бой. Вдруг Кэт оказалась на палубе рядом с пушкарем. Он отказался стрелять, когда она стоит сзади. Кэт схватила пушкаря за руку и помогла ему произвести выстрел. Впечатление было слишком сильным для молодой женщины. Она ослабела, и ее унесли вниз.

Конец приключений был трагическим. Во время путешествия по горам маленькая Елизавета заболела лихорадкой и спустя несколько недель умерла. Кохрейны были безутешны и решили, что Кэт должна вернуться в Англию с двумя детьми — по крайней мере временно. В марте 1821 года леди Кохрейн и ее дети отправились на родину на борту британского судна.

Кохрейн оставался главнокомандующим чилийским флотом еще два года. Он придерживался своих принципов и вступал в конфликты с Сан-Мартинем и подчиненными. Предметом его ссор с генералом были призовые деньги и долги по заработной плате моряков. Капитанов Гайса и Спрая он безосновательно обвинил в заговоре. Один за другим они были отданы под трибунал и уволены.

План генерала Сан-Мартина по освобождению Перу увенчался успехом. Блокада порта Каллао и постоянное присутствие армии патриотов подорвали и ослабили испанский политический режим в Перу. Вице-король Пезуэла лишился власти в результате военного переворота. Испанцы покинули Лиму. В июле 1821 года Сан-Мартин вступил в столицу как освободитель и провозгласил независимость Перу.

В Великобритании новости из Южной Америки воспринимались со смешанными чувствами. Ранее газета *Тайме* сообщала, что Кохрейн блокирует перуанский берег и задерживает британские торговые суда. Узнав об освобождении Перу, британцы высоко оценили вклад Кохрейна в благородное дело.

1 декабря газета *Таймс* опубликовала статью о триумфальном приеме лорда Кохрейна в Лиме. Он въехал в город в великолепной колеснице и был доставлен во дворец под самые громкие и восторженные возгласы «Да здравствует родина!» и «Да здравствует адмирал!».

Прочитав газетный отчет о событии, Байрон написал: «Я никому так не завидую, как лорду Кохрейну»^[109].

Генерал Сан-Мартин стал протектором новой республики. Он должен был предотвратить анархию и установил авторитарный режим. Кохрейн критиковал его за это и считал, что Сан-Мартин предал их общее дело.

По расчетам командующего флотом, сумма задолженностей по выплатам заработной платы и призовых денег составила 420 000 долларов. Кохрейн выставил счет на эту сумму, но Сан-Мартин признал только долг по выплате призовых денег. На его взгляд, жалованье должно было платить чилийское правительство, а не новая республика. Моряки не получили жалованья, стали покидать ряды чилийского флота и поступали на перуанскую службу.

Кохрейн чувствовал личную ответственность за невыполненные денежные обязательства и решил восстановить справедливость. Он захватил шхуну, перевозившую средства государственного казначейства Перу. На борту корабля находились 283 000 долларов. Кохрейн не тронул сумм, принадлежавших частным лицам и армии (117 000), но распорядился остальными ресурсами. Он выплатил призовые деньги и жалование членам экипажей кораблей эскадры. Кохрейн получил приказ вернуться в Чили, и 6 октября 1821 года он покинул порт Каллао вместе с кораблями флота. Кохрейн направился не в Чили, а на север. Он пытался захватить два испанских фрегата, но не преуспел в этом деле.

Сан-Мартин предпринял попытку помириться с Кохрейном. Он предложил ему поместье, недавно учрежденный орден Солнца и пост первого адмирала Перу. Кохрейн ответил резким отказом и при этом заявил, что Перу «управляется не только без закона, но даже противозаконно»^[110]. Он простился с Перу и взял курс на Вальпараисо.

2 июня 1822 года город Вальпараисо был украшен национальными флагами Чили. Мужчины, женщины и дети выражали радость и восторг по случаю возвращения Томаса Кохрейна и его воинов. Моряки не были дома в течение двух лет, их встречали как героев. Министр Хосе Зентено объявил, что правительство награждает моряков медалями.

Кохрейн отправился в Сантьяго, чтобы урегулировать финансовые дела эскадры. Он предъявил личный счет и планировал получить свою долю призовых денег.

У молодого государства не хватало средств на содержание флота. Оно было в состоянии заплатить жалование морякам, но не имело возможности произвести необходимый ремонт судов.

Правительственные аудиторы обнаружили, что многие расходы на содержание флота не подтверждаются документами. Отчеты Кохрейна не были утверждены, к его глубокому разочарованию. Отношения адмирала с правительством были натянутыми.

После возвращения в Вальпараисо он получил четырехмесячный отпуск. Из Англии прибыл долгожданный пароход *Rising Star*, и Кохрейн решил организовать поездку на нем в свое имение в Куинтеро. Он пригласил на борт судна группу коллег и друзей — Хосе

Зентено, его дочь, трех капитанов и других офицеров эскадры, а также писательницу и художницу Марию Грехэм. Она была вдовой капитана флота и поклонницей Кохрейна.

Пароход с пассажирами на борту проплыл двадцать миль и почти достиг имения Кохрейна. Двигатели внезапно остановились, и неблагоприятный ветер вынудил адмирала вернуться в Вальпараисо.

Позднее Мария Грехэм отправилась в Куинтеро верхом на лошади. Имение адмирала поразило ее своей красотой. Она увидела зеленую долину, лес и холмы, озеро с водоплавающими птицами, прекрасный сад и пастбища со стадами. Кохрейн планировал стать крупным сельскохозяйственным предпринимателем.

Жизнь не давала ему возможности заняться мирным трудом. В ноябре Кохрейн получил письмо от бразильского представителя в Буэнос-Айресе с предложением принять командование флотом Бразилии. Страна вела борьбу за независимость от Португалии, и ее лидеры хорошо понимали важность военно-морских сил для достижения победы.

«Придите, милорд, — писал бразильский представитель Антонио Корреа да Камера. — Честь приглашает вас. Слава призывает вас. Благородный принц и вся Нация ожидают вас. Придите, возродившийся Геркулес, и ваши благородные усилия помогут укротить Стоголовую Гидру ужасающего Деспотизма...»^[111]

В Чили происходили события, ускорившие отъезд Кохрейна. Правительство решило, что флот ему не нужен. Стало очевидно, что Кохрейн больше не будет играть активную роль. 19 ноября в центре страны произошло землетрясение страшной и губительной силы. Большинство зданий и построек Вальпараисо было разрушено мощными подземными толчками. Землетрясение вызвало огромные волны, которые повлекли за собой новые человеческие жертвы. Дом Кохрейна в Куинтеро было разрушено.

Как часто бывает в истории государств, восторг от обретения политической независимости сменился разочарованием. Настроения общественного недовольства были использованы в политических целях, и генерал Фрере собрал антиправительственную армию. Он начал движение на столицу Чили и пригласил Кохрейна в союзники. Прославленный моряк не мог изменить Бернардо О'Хиггинсу, с

которым была связана яркая страница его жизни, и решил не участвовать в гражданской войне.

29 ноября Кохрейн письменно подтвердил согласие занять пост командующего бразильским военно-морским флотом. Он подал прошение об отставке правительству Чили и обратился с прощальными приветствиями к чилийскому народу, торговому сообществу и офицерам чилийского флота.

18 января 1823 года он поднялся на борт брига, который должен был увезти его в Бразилию. Кохрейна сопровождали его секретарь, четыре британских морских офицера и Мария Грехэм, чей дом был также разрушен землетрясением. Капитан Кросби спустил флаг Кохрейна с мачты шхуны *Монтесума* и вручил его великому моряку.

13 марта корабль достиг Рио-де-Жанейро в дождливую погоду. Он вошел в большую бухту Гуанабара, проплыл мимо фортов и бросил якорь среди других судов. Служащий порта поднялся на борт корабля и спросил Марию Грехэм, знает ли она лорда Кохрейна. Услышав, что тот на корабле, служащий побежал в каюту Кохрейна. Он стал приветствовать героя и поцеловал ему руку. Затем он сказал капитану корабля, что тот может бросать якорь, где хочет, без церемоний, и побежал передавать императору радостную весть.

Императорский трон Бразилии занимал Педру — конституционный монарх и сын короля Португалии. Он был еще мальчиком, когда Наполеон захватил Португалию в 1807 году. Королевская семья и вся элита португальского общества вынуждены были покинуть страну^[112]. Они отправились в Рио-де-Жанейро, и город стал столицей португальской империи. Король вернулся в Лиссабон, когда война в Европе закончилась. Бразилия вновь стала обычной колонией, но ненадолго. Началась борьба за независимость страны, и народному движению нужен был яркий и влиятельный лидер. Принц Педру обладал необходимыми качествами, поэтому повстанцы уговорили его встать во главе революционных сил.

7 сентября 1822 года принц Педру выпустил историческую прокламацию «Независимость или смерть!». Восставшие должны были вытеснить португальцев из северных регионов страны и портовых городов.

Видным деятелем движения за независимость Бразилии был Хосе Бонифацио де Андрада — ученый, ставший главным министром. Он и

его морской министр создали бразильский флот, захватив стоявшие в гавани Рио-де-Жанейро португальские суда. Команды кораблей составлялись из британских, североамериканских моряков и португальцев. Лояльность последних была сомнительной.

Прибыв в Рио-де-Жанейро, Кохрейн был представлен главе государства и его главному министру. На следующий день знаменитый британский моряк и молодой император осмотрели суда бразильского флота. Кохрейн увидел линейный корабль *Педру Примьеро*, три фрегата, два корвета, три брига и несколько шхун.

Проведя инспекцию флота, Кохрейн вступил в переговоры с морским министром по условиям своего договора найма. Для него был специально учрежден пост первого адмирала, а согласованный размер жалованья Кохрейна составил 17 960 долларов в год. Это было значительно больше оклада британского адмирала.

Кохрейн не стал дожидаться момента полной готовности всех кораблей к выходу в океан. 1 апреля 1823 года он отправился в путь с эскадрой из четырех кораблей, которую провожала восторженная толпа зрителей. Пятое судно присоединилось к флоту позднее.

Адмирал без колебаний вступил в первый бой с португальским флотом у берегов Бахии. Узнав о приближении эскадры Кохрейна, португальские корабли покинули Сальвадор и устремились навстречу бразильцам. Кохрейн имел пять судов, противник — не менее одиннадцати, включая пять фрегатов и линейный корабль.

Кохрейн атаковал центр неприятельской линии. Флагманский корабль *Педру Примьеро* не причинил врагу ощутимого вреда, однако сумел отрезать четыре португальских судна от основной массы кораблей. Кохрейн приказал своим капитанам атаковать отрезанного неприятеля, однако они игнорировали его сигналы. Заметно уступая врагу числом, Кохрейн вынужден был вывести корабли из боя. В ходе дела он ясно видел, как португальские члены его команды саботируют действия экипажа.

В докладе морскому министру Кохрейн написал о проблемах с людьми и указал на явные дефекты кораблей. В то же время он сохранял оптимизм и считал, что недостатки начального этапа создания флота можно исправить.

Адмирал провел перегруппировку сил и значительно повысил боеспособность своей эскадры, собрав всех лучших офицеров и

матросов на три корабля. Новый план Томаса Кохрейна был основан на его прошлом опыте и учитывал реальности сложившейся ситуации. Адмирал решил блокировать Сальвадор, а затем атаковать гавань и стоявшие на рейде корабли с помощью зажигательных судов.

Уже в течение года город Сальвадор был блокирован сухопутными силами патриотов. Огромное значение имели поставки по морю. Когда Кохрейн начал захватывать направлявшиеся в гавань суда, положение горожан стало критическим и возникла угроза голода.

Кохрейн осуществлял блокаду Сальвадора в течение трех недель, а затем направился на разведку. Ночью 12 июня, когда португальские командиры были на балу в городе, *Педру Примьеро* и еще два корабля эскадры вошли в бухту и направились к стоявшим на якоре судам. Вдруг ветер ослаб, и наступил штиль. Кохрейн всегда учитывал возможные неожиданности и в данном случае использовал отлив. Бразильские суда покинули бухту, однако они не остались незамеченными. Сообщения о визите флагманского корабля бразильского флота и готовящейся атаке с помощью зажигательных судов привели португальцев в состояние сильного волнения. Недостаток продовольствия и угроза военного поражения вынудили их покинуть Сальвадор.

2 июля семнадцать военных кораблей и семьдесят пять транспортных и торговых судов вышли в открытое море, взяв курс на Европу. На борту находились граждане Португалии, солдаты и военные припасы. Следом в город вошли воины патриотической армии и подняли флаг независимой Бразилии.

Кохрейн добился своей цели, и теперь он приступил ко второму этапу операции. Португальские суда держались далеко друг от друга, и Кохрейн атаковал их имевшимися у него силами. Флагманский корабль бразильского флота наносил удары по военным судам, а другие четыре корабля эскадры охотились за транспортными судами. В течение недели было захвачено шестнадцать кораблей и взяты в плен более двух тысяч солдат.

Кохрейн атаковал военные суда ночью. В ходе одного из ближних боев его корабль получил повреждение, и адмирал решил прекратить охоту. Он поручил Тейлору, капитану фрегата, продолжать погоню за неприятелем. Фрегат преследовал корабли противника до самой Португалии, захватив и разрушив более десятка торговых судов.

Отремонтировав свой корабль *Педру Примьеро*, Кохрейн продолжал действовать силой и хитростью. Он направил судно к Сао Луи — столице провинции Мараньяо. 26 июля он увидел город и приблизился к якорной стоянке. На мачте флагманского корабля развевался британский флаг — португальцы должны были подумать, что союзники пришли к ним на помощь. Местные власти дали себя обмануть и направили бриг с депешами навстречу гостям. Капитан брига ступил на борт *Педру Примьеро* и оказался в окружении британских и американских моряков, служивших мятежному императору. Кохрейн заменил цвета британской короны бразильским флагом и отправил капитана обратно с сообщением о том, что провинция Бахия освобождена, а *Педру Примьеро* — авангард могучего военного флота.

На следующий день члены местной хунты в сопровождении епископа явились на борт флагманского корабля адмирала Кохрейна и поклялись в верности императору Бразилии. На берег был послан отряд морских пехотинцев, который взял под контроль городские укрепления. Вскоре на общественных зданиях и кораблях флота развевались бразильские флаги.

Кохрейн заставил коменданта и португальских солдат сесть на торговые суда, которые тут же взяли курс на Португалию. Он захватывал различные объекты собственности — средства казначейства, арсенал, товары на складах и все стоявшие в гавани корабли. Кохрейн конфисковал частную собственность португальских граждан и начал отгружать захваченные товары в Рио-де-Жанейро. Он считал, что победители имеют полное право на такие действия, и предвкушал барыш в виде призовых денег. Новая хунта считала иначе: средства казначейства и другая собственность — достояние Бразилии и совершенные захваты не имеют ни смысла, ни оправдания.

Победитель решил нанести новый удар и освободить провинцию Пара. Капитан Гренфелл был послан на захваченном бриге в город Белем — столицу провинции. Он прибыл туда 11 августа под бразильским флагом и направил португальским властям письма от Кохрейна. Адмирал информировал о прибытии большого флота в устье Амазонки и требовал капитуляции. Потрясенные известиями о потере провинций Мараньяо и Ба-хия, португальцы отдали власть бразильской хунте.

Кохрейн добился ошеломляющих результатов в короткий срок. Побережье Атлантического океана протяженностью две тысячи миль и столицы трех провинций были освобождены от португальского владычества.

Леди Кохрейн не знала, что муж покинул Чили и теперь служит новой Бразилии. Она отправилась в путь на борту торгового судна *Сезострис* вместе с мебелью для дома в Куинтеро. С ней были слуги и помощники, а также недавно родившаяся дочь Катерина Елизавета (Лиззи).

Корабль прибыл в Рио-де-Жанейро 13 июня, и леди Кохрейн узнала последние новости. Ее путешествие закончилось значительно раньше, чем она ожидала. Жена нового героя Бразилии была тепло принята при дворе и посещала лучшие дома Рио-де-Жанейро.

9 ноября 1823 года корабль *Педру Примьеро* вошел в большую бухту Рио-де-Жанейро и бросил якорь. Новости об освобождении Кохрейном северных провинций вызвали небывалый взрыв восторга жителей столицы. Начались празднования, общественные здания были украшены и иллюминированы, давались гала-представления в театре. Император поднялся на борт флагманского корабля и щедро наградил Кохрейна. Первый адмирал получил титул маркиза Мараньяо, Большой крест Бразилии и стал членом Тайного совета.

Лорд Кохрейн вновь ощутил себя на вершине славы и воссоединился с семьей. Счастливое время оказалось недолгим. Жена и дочь Кохрейна плохо переносили бразильскую жару, и 16 февраля 1824 года они отправились в Англию.

События развивались по сценарию, напомиравшему истории пребывания Кохрейна в Чили и Перу: политические осложнения внутри страны, споры о призовых деньгах, борьба за права моряков, конфликты с властями.

Кохрейн принял участие в подавлении мятежа в провинции Пернамбуко, а позднее восстанавливал порядок в Сао Луи. Он устал от интриг и политической борьбы.

В январе 1825 года Кохрейн подал прошение об отставке. Он написал императору Педру: «Я выполнил все, что можно ожидать от меня»^[113]. Отставка не была принята.

Кохрейн переместил свой флаг с корабля *Педру Примьеро* на фрегат *Пирата*. *Педру Примьеро* был отправлен в Рио-де-Жанейро, а

Кохрейн взял курс на Англию. 26 июня фрегат бросил якорь в Спитхедде.

Во время отсутствия Кохрейна правительство приняло акт, запрещающий британским морякам служить во флотах других государств. Кохрейн и многие его моряки могли быть наказаны в соответствии с этим актом.

Адмирал не боялся ни наказания, ни гнева бразильских властей, у которых он увел превосходный фрегат. Он возвращался на родину с высоко поднятой головой и привлек к себе внимание огромным бразильским флагом на корме и флагом адмирала бразильского флота на главной мачте.

Кохрейн послал сигнал флагманскому кораблю адмирала порта и поинтересовался, ответят ли на его салют залпом из такого же числа пушек. Получив утвердительный ответ, Кохрейн приказал салютовать флагу адмирала сэра Джорджа Мартина залпом из пятнадцати орудий и поднять флаг Соединенного королевства. Ответом на залп пушек *Пиринги* стал салют из пятнадцати орудий артиллерии Портсмута. Впервые в истории флаг независимой Бразилии получил официальное приветствие со стороны европейского государства — правда, за это сэр Джордж Мартин получит строгий выговор от первого лорда Адмиралтейства.

ДЕЛО БАЙРОНА И КОХРЕЙНА

Кохрейн показал своей супруге Шотландию. Он давно хотел посетить родину и пожить там продолжительное время. Кохрейны проехали через деревню Аннан, где когда-то поженились. Томас предавался приятным воспоминаниям и говорил любимой нежные слова.

В Эдинбурге они посетили театр, где при упоминании Южной Америки зал стоя приветствовал Кохрейна. Вальтер Скотт был под большим впечатлением от события и посвятил прекрасной леди Кохрейн восторженную поэму.

Супруги провели в Шотландии около трех месяцев. В это время Кохрейн вел переписку с бразильским представителем в Лондоне. Бразильцу удалось решить вопрос о выплатах жалованья и призовых денег членам экипажа фрегата *Пирата*. Он настойчиво спрашивал Кохрейна, вернется ли тот в Бразилию. Адмирал давал вежливые, но уклончивые ответы. Он не хотел возвращаться в Южную Америку, но в то же время ему было жалко терять заработную плату и пенсию. После нескольких месяцев переписки он был уволен со службы в бразильском флоте.

Кохрейн помог народам Южной Америки обрести свободу. Что будет дальше? Ответы на подобные вопросы обычно приходили извне. Еще будучи в Чили, Кохрейн получил первые сигналы о том, что его ждут в Греции. Либеральная общественность европейских стран с тревогой и волнением наблюдала за развитием событий в стране, находившейся под владычеством Турции. В Лондоне, Париже, Вене были созданы комитеты, занимавшиеся сбором средств в поддержку греческого дела. Видными деятелями Греческого комитета в Лондоне были политический союзник Кохрейна сэр Фрэнсис Бардет и Джон Хобхауз, ставший членом палаты общин от Вестминстера. Хобхауз был близким другом лорда Байрона.

Великий поэт сочувствовал поработанной Греции и решил принять активное участие в борьбе ее народа за освобождение. Лорд Байрон написал начало неоконченной песни:

Проснулись мертвые — ужели буду спать? С тиранами мир бьется — промолчу ли? Поспела жатва — иль не соберу я? Не сплю, терновник колет изголовье, И каждый день трубит рожок в окно И будит отзвук в сердце... [114]

В июле 1823 года он отправился в Грецию на борту корабля *Геркулес*. Нелегко было выбрать место высадки в Греции и решить, в союзе с какой партией бороться за свободу. Проведя некоторое время на острове Кефалиния, лорд Байрон устремился в Миссолунги. Он тратил личные средства на организацию предприятия и выплату жалованья наемникам. Байрон испытывал постоянное внутреннее противоречие между поэтом-философом и человеком действия, но так и не предпринял конкретного действия. Однажды он промок под дождем во время прогулки. Поэт заболел и вскоре умер, несмотря на усилия докторов. Смерть лорда Байрона потрясла современников и вызвала новую волну сочувствия делу освобождения греческого народа.

Борьба за независимость Греции знала свои подъемы и спады и сопровождалась чудовищными актами насилия и жестокости с обеих сторон. Турки отстаивали территориальную целостность своей империи и получили подкрепления из Египта. Это был флот под командованием паши Ибрагима. Греки постепенно теряли свои позиции на полуострове Пелопоннес, и под угрозой оказался город Афины.

Члены Греческого комитета в Лондоне настойчиво просили Кохрейна принять командование флотом и помочь грекам. Формальное приглашение он получил от Греческой национальной ассамблеи.

Кохрейн назначил высокую цену за свои услуги. Он потребовал 57 000 фунтов стерлингов, из которых 37 000 фунтов следовало выплатить в качестве аванса, а остаток — когда Греция будет освобождена. Он хотел командовать военным флотом, составленным из пароходов. Было согласовано, что шесть пароходов будет построено в Англии. В США был размещен заказ на два тяжелых парусных фрегата.

Поставив предприятие в зависимость от строительства судов, Кохрейн не хотел ехать в Грецию без них. В то же время в Англии он мог быть наказан за службу другим государствам. Кохрейн отплыл в

Булонь, где к нему присоединились жена и дети — Лиззи и годовалый Артур. Два старших сына — Том и Горацио — учились в школе.

Кохрейн и его семья прожили во Франции шесть недель и вынуждены были покинуть страну, поскольку бывшему командующему чилийским флотом угрожало судебное преследование за захват французского брига в Тихом океане. В декабре 1825 года Кохрейны приехали в Брюссель.

Ожидание было долгим и томительным. К счастью, Греческий комитет обеспечил Кохрейна шхуной *Уникорн*, чтобы он мог свободно передвигаться.

В 1826 году турки взяли Афины. Патриоты продолжали удерживать лишь Акрополь — скалистый холм с пологой вершиной, и некоторые местные жители нашли убежище среди развалин древнего Парфенона и близлежащих храмов. Отряд защитников возглавлял храбрый ветеран — французский полковник Шарль Фавье.

В марте 1827 года Кохрейн прибыл в Грецию, имея в своем распоряжении шхуну *Уникорн* и бриг *Sauveur*. Военный флот состоял из трех судов — парохода, построенного в Америке 60-пушечного фрегата *Хеллас* и маленького корвета. План создания флота был провален, но Кохрейн не унывал. Прибытие прославленного и авторитетного вождя в Грецию имело огромное значение для объединения патриотов. Споры между партиями приутихли, и все думали об общем деле освобождения страны.

В апреле на встрече политических лидеров Греции графа Каподистрия — бывшего министра иностранных дел Российской империи — избрали президентом Национальной ассамблеи. Были приняты решения о назначении сэра Ричарда Чёрча главнокомандующим греческой армией и Томаса Кохрейна — командующим адмиралом греческого флота.

Силы патриотов были сконцентрированы в районе гавани, расположенной в нескольких милях к юго-западу от Афин. Мужественные защитники Акрополя продолжали сопротивление, но их запасы провизии таяли. Воины греческой армии видели Акрополь издали, но не могли свободно к нему приблизиться — подход был блокирован турками, занимавшими монастырь. Общая численность осаждавшей Акрополь турецкой армии составляла 7000 солдат.

Кохрейн был флотоводцем, однако он принимал участие в наземных операциях. Адмирал выпустил серию прокламаций, слова которых шли к сердцу греков и возбуждали чувства любви к родине. Он цитировал Демосфена и призывал патриотов подняться против общего врага. Был изготовлен греческий флаг, идея которого принадлежала Кохрейну. Он назначил награду в 1000 долларов храбрецу, который водрузит это знамя на вершине Акрополя.

24 апреля отряд морских пехотинцев и тысяча солдат совершили высадку на берегу, откуда можно было атаковать монастырь. На следующий день Кохрейн обеспечил высадку еще тридцати человек. Турки наблюдали за движениями неприятеля и решились на контратаку. Они покинули монастырь и стали спускаться вниз по склону холма. Кохрейн понял, что настал решительный момент. Он обратился к воинам с пламенным призывом и возглавил атаку, держа в руках телескоп. Вдохновленные отвагой командира, греки с криками устремились вперед. Они наступали по всей линии и обратили турок в бегство. Триста солдат неприятеля нашли убежище в монастыре, остальные устремились в сторону Афин.

Кохрейн приказал капитану фрегата *Хеллас* открыть огонь по монастырю. 32-фунтовые ядра врезались в стены обители, вызывая их разрушение.

Турки держались три дня, но 28 апреля они согласились сдаться. Условия капитуляции были мягкими — турки должны были покинуть монастырь с оружием и багажом и воссоединиться с основной армией.

Кохрейн вернулся на свою шхуну и наблюдал за происходившим в телескоп, стоя на палубе вместе с генералом Томасом Гордоном и его штабистом Джорджем Финлэем. Турки проходили через толпу вооруженных воинов, и вдруг последние варварски нарушили условия соглашения. Они начали убивать защитников монастыря, и в ходе кровавой бойни погибли двести человек. Около семидесяти турок смогли убежать в сторону позиций своей армии.

Кохрейн разработал план освобождения защитников Акрополя. Генерал Чёрч и большинство греческих командиров его не поддержали. Они знали качества своих воинов и считали их неспособными успешно сражаться с турецкой армией, имевшей артиллерию и опытных бойцов с симитарами — кривыми саблями. Кохрейн в ультимативной форме требовал, чтобы его план был

немедленно реализован. Он готов был обеспечить ночную высадку трех тысяч воинов у мыса Колиос, к югу от Афин. Под покровом темноты они должны будут пересечь равнину, расположенную между морским берегом и городом, и захватить высоты. Успех операции будет обеспечен последующими действиями с высот и наступлением второй части греческой армии на Афины по другому маршруту.

Генерал Чёрч в итоге согласился с планом Кохрейна, и в полночь 6 мая была проведена отлично организованная высадка греческих войск вблизи Афин. Передовой отряд пересек равнину, не встретив сопротивления. Остальные солдаты окопались на берегу. Генеральный комиссар греческого флота спросил одного из командиров, почему он не наступает. Командир курил трубку и ответил, что не двинется с места, пока не получит платы.

На рассвете турецкая кавалерия отрезала передовой отряд греков. Они отступили и побежали, вызвав панику среди оставшихся на берегу. Греки устремились к воде и понесли огромные потери. Минимум 700 человек были убиты, 240 бойцов попали в плен. Турецкая артиллерия обстреливала равнину, рассеивая оставшиеся части греческой армии.

Кохрейн добрался до фрегата *Хеллас* и направил огонь его орудий на позиции турецкой артиллерии. Под прикрытием этого убийственного огня удалось эвакуировать выживших бойцов.

Последним актом трагедии стала капитуляция защитников Акрополя. Они сдались туркам месяцем позже — 5 июня.

Операция закончилась полным провалом. Кохрейн больше не участвовал в военных действиях на суше и решил атаковать противника на море. Флотилия, составленная из парохода под командованием капитана Хастингса и пяти небольших судов, должна была захватывать корабли, снабжавшие вражескую армию. Хастингс действовал вполне успешно. Сам Кохрейн вышел в море на борту *Хелласа*, хотел захватить два турецких фрегата, однако ему не удалось достичь намеченной цели. Он привык командовать британскими и североамериканскими моряками, которые беспрекословно выполняли его приказы. Греки игнорировали команды адмирала и проявили полную беспомощность в стрельбе из пушек.

После нескольких недель бесполезных мучений Кохрейн решил провести атаку гавани Александрии Египетской с помощью

зажигательных судов.

Александрия являлась базой военно-морских сил врага, и удар по этому порту должен был нанести противнику большой урон и сильно затруднить снабжение турецко-египетского флота.

11 июня 1827 года Кохрейн сконцентрировал корабли у мыса Святого Антония, находящегося на юго-восточном берегу полуострова Пелопоннес. В состав эскадры вошли фрегат *Хеллас*, пятнадцать небольших кораблей, а также восемь зажигательных судов.

В пять часов утра 15 июня моряки эскадры увидели башни древней Александрии. Кохрейн выпустил прокламацию, призвав одним решительным ударом освободить Грецию. Добровольцев, готовых направлять зажигательные суда на позиции противника, оказалось очень мало.

Ночью 16 июня Кохрейн повел свой флот в атаку. На мачтах кораблей *Хеллас* и *Sauveur* развевались австрийские флаги. Зажигательных судов было только два, и одно из них совершило удачный маневр и подожгло египетский военный корабль. Напуганные невиданной акцией, моряки стоявших в гавани судов подняли якоря. Корабли устремились в открытое море, и это, в свою очередь, напугало греческих моряков. Большинство судов эскадры Кохрейна ретировались, и адмирал был вынужден признать еще одну неудачу.

В течение следующих трех месяцев фрегат *Хеллас* под командованием лорда Кохрейна плавал вдоль западного берега Греции и перехватывал отдельные суда. Эти акции не могли оказать влияние на общий ход событий.

Правительства Великобритании, Франции и России решили остановить кровопролитие в регионе. Представители трех стран встретились в Лондоне в июле 1827 года и подписали трехстороннее соглашение. Оно обеспечивало перемирие и было направлено на достижение независимости Греции при сохранении номинального турецкого правления.

Турецко-египетский флот стоял на якоре в большой бухте Наварино. Флоты Великобритании, Франции и России встретились у узкого входа в бухту. Командующий британской эскадрой вице-адмирал сэр Эдвард Кодриштон должен был обеспечить соблюдение условий перемирия и предотвратить усиление турецко-египетского

флота. Он понимал, что долгосрочная блокада непрактична и неэффективна, и повел флоты трех стран в бухту.

Началось близкое и напряженное противостояние, и была предпринята неудачная попытка начать переговоры. Завязалось сражение. Огонь британских, французских и русских орудий превратил турецкие и египетские суда в горящие и дымящиеся развалины. Корабли тонули один за другим, и флот Турецкой империи был полностью разгромлен.

Битва при Наварине 20 октября 1827 года ускорила окончание войны и приблизила освобождение Греции. В феврале 1830 года Великобритания, Франция и Россия договорятся о признании независимости страны.

2 ноября 1827 года лорд Кохрейн получил письмо, подписанное командующими трех союзных флотов. Это было требование о немедленном прекращении всех военных действий и предупреждение об уничтожении всех греческих вооруженных судов, обнаруженных вблизи береговой линии континентальной Греции.

Британское правительство никогда не одобряло действий Кохрейна в регионе, которые теперь расценивались как пиратские и опасные для дела мира.

Кохрейн написал письмо греческому президенту. Он жаловался на греческих моряков и заявил, что возвращается в Англию для организации найма профессионалов.

10 января 1828 года Кохрейн отправился в путь на шхуне *Уникорн*. Он прибыл в Англию и пытался нанять моряков для службы в Греции, обходя при этом действующий нормативный акт. Ничего не добившись, он поехал в Париж к своей семье.

Сэр Фрэнсис Бардет переслал ему письмо греческого депутата, который требовал от Кохрейна вернуть полученный аванс. Представитель Греции заявил, что Кохрейн покинул страну и тем самым фактически расторг контракт.

В конце сентября Кохрейн вернулся в Грецию, но встретил очень холодный прием. 26 ноября он подал графу Каподистрии прошение об отставке. Кохрейн просил использовать неполученную им за освобождение Греции сумму в 20 000 фунтов стерлингов на нужды раненых моряков и семей погибших в ходе конфликта.

Отставка была принята. Президент выразил чувства глубокого уважения и тепло поблагодарил Кохрейна за его участие в деле освобождения Греции.

ДОБРОЕ ИМЯ

Кохрейн написал длинное письмо герцогу Кларенскому, заявляя о своей невиновности в деле о биржевом мошенничестве. Он просил герцога, чтобы тот убедил своего брата — короля Великобритании Георга IV^[115] — восстановить его в прежнем звании и положении во флоте. Прошение было передано в правительство, но премьер-министр герцог Веллингтон его отверг.

Король Георг IV — бывший гонитель Кохрейна — умер в июне 1830 года. Новым королем Великобритании под именем Уильяма IV стал герцог Кларенский — поклонник Кохрейна, в молодые годы служивший во флоте и получивший звание адмирала. В ноябре ушло в отставку правительство Веллингтона, преемником которого на посту премьер-министра стал либерал лорд Грей.

Наступило время больших политических перемен и реализации реформаторских планов. К власти пришли друзья Кохрейна, и теперь он мог рассчитывать на политическую реабилитацию и восстановление на службе во флоте.

Вернувшись с семьей в Лондон осенью 1830 года, Кохрейн имел на руках хорошо составленную записку о своем деле.

Одна копия этого обзора была передана королю через лорда Мельбурна, члена правительства. В короткой петиции, направленной вместе с запиской, Кохрейн написал, что он не только не участвовал в совершении преступления, но совершенно не знал о нем. Другие копии записки были направлены министрам.

Кохрейн получил благоприятные и обнадеживающие ответы от Грея и Мельбурна, однако среди министров были и противники реабилитации Кохрейна. Пройдет долгих шестнадцать месяцев, прежде чем податель петиции узнает о результатах ее рассмотрения.

1 июля 1831 года умер отец Кохрейна, 9-й граф Дандональд. Пятидесятипятилетний Томас унаследовал его титул и стал 10-м графом Дандональдом.

Кохреину удалось добиться личной аудиенции у короля Уильяма IV. Встреча состоялась в Королевском павильоне в Брайтоне. Король

относился к Кохрейну с симпатией и проявил искреннее внимание к его делу. Монарх обещал, что оно будет передано в правильные руки.

Супруга Кохрейна, ставшая леди Дандональд, несколько раз встречалась с лордом Греем по тому же вопросу. Премьер-министр обещал помогать всеми возможными способами.

Друзья активно поддерживали Кохрейна, сэр Фрэнсис Бардет лоббировал его интересы в парламенте. Наконец общие усилия дали желанный результат. 2 мая 1832 года состоялось заседание Тайного совета, на котором было принято долгожданное и выстраданное решение о высочайшем помиловании. В тот же день Кохрейн был восстановлен на службе в королевском флаге.

The London Gazette передала сообщение из офиса Адмиралтейства о производстве графа Дандональда в контр-адмиралы синего флага. Кохрейн облачился в адмиральский мундир и 9 мая присутствовал на приеме в Сент-Джеймском дворце.

В течение долгих лет супруги Кохрейн скитались по разным странам и редко жили под одной крышей. Теперь их положение изменилось, и после возвращения в Лондон Кохрейн приобрел прекрасную виллу в Регенте Парк с двумя акрами земли. Он мог себе это позволить, поскольку имел денежные накопления, включавшие прибыль от удачных инвестиций в греческие фонды.

Вилла называлась ХанOVER Лодж. Леди Дандональд провела реконструкцию помещений и наполнила гостиные классическими бюстами и статуями, китайскими вазами, а также изображениями славных подвигов адмирала на море и на суше. Летом 1832 года она организовала великолепный прием с обедом и танцами, на котором присутствовали принц Канино, герцог и герцогиня Падуанские, яркие представители британской аристократии и столичного общества, офицеры армии и флота.

Кохрейн стал адмиралом и мог получить конкретное задание, однако пока он к этому не стремился. Он дал понять, что не примет назначения, если ему не вернут ордена Бани.

Пройдут долгие годы, прежде чем он вновь станет кавалером элитного ордена. Кохрейн наполнит их научными трудами и изобретательской деятельностью.

В годы войны с Францией он активно использовал новые достижения инженерной мысли и стремился к усовершенствованиям.

Он обстреливал позиции неприятеля ракетами Конгрива, придумал устройство кораблей с бомбами, использовал воздушных змеев для разбрасывания пропагандистских листов на территории Франции. Кохрейн разработал осветительный прибор для кораблей, но Адмиралтейство им не заинтересовалось. Позднее он подал заявку под другим именем и заслужил денежную премию. Кохрейн задумался об использовании химического оружия. Он понял огромное значение парохода, который должен был заменить парусные суда.

Томас Кохрейн участвовал в проекте строительства туннеля под Темзой, которым руководил инженер французского происхождения Марк Брюнель. Кохрейн изобрел и запатентовал метод использования сжатого воздуха для помощи в проведении земляных работ. Брюнель и Кохрейн переписывались, и в 1833 году они обсуждали пути улучшения паровых двигателей. Кохрейн изобрел паровой двигатель роторной конструкции.

Роторный двигатель мог использоваться и паровозами, и судами. Кохрейн рассчитывал на коммерческий успех своих изобретений и инвестировал личные средства в технические проекты. Он убедил директоров железных дорог провести серию экспериментов. Испытания шли с переменным успехом, но в итоге Кохрейн вышел из проекта. Он не сдавался и предложил свои новые разработки Адмиралтейству — вначале роторный двигатель, а затем улучшенные версии бойлеров и пропеллера для судов. Первые испытания дали хорошие результаты, однако затем в конструкции построенного по чертежам Кохрейна фрегата-парохода были выявлены недостатки, и государство прекратило финансирование проекта.

Кохрейн был увлечен своими идеями и тратил на их реализацию много времени и денег. Он постарел, а его супруга сохраняла молодость и привлекательность. Она была недовольна бесплодными экспериментами мужа, которые приносили одни убытки. Взрослые дети разочаровывали родителей и наделали долгов. Леди Дандональд испытывала проблемы со здоровьем и решила уехать во Францию. Она прожила некоторое время в Булони, затем переселилась в Париж.

С конца 1830-х годов граф и графиня Дандональд больше не жили вместе. Она была хорошо обеспечена средствами и виделась с мужем через определенные промежутки времени. Вилла Хановер Лодж была продана в 1845 году.

Кохрейн настойчиво добивался возвращения ему ордена Бани, посылая письма сменявшим друг друга премьер-министрам, председателям Тайного совета и своим друзьям в правительстве. В апреле 1847 года он опубликовал уникальный документ с длинным названием. Это было его собственное описание своей службы в военно-морском флоте и карьеры парламентария. Граф Дандональд показал себя в самом лучшем свете и обличал своих врагов. Он подробно описал все допущенные в отношении него несправедливости и выставлял денежные требования правительствам и организациям. Кохрейн заявил, что, во-первых, Чили и Бразилия являются его должниками и обязаны выплатить определенные суммы денежных средств, во-вторых, он был несправедливо уволен со службы в британском флоте и должен получить жалованье за 18 лет, в-третьих, удержанные с него суммы по делу о биржевом мошенничестве должны быть ему возвращены, в-четвертых, он считал себя вправе требовать компенсации понесенных им расходов на научные исследования и инженерные разработки, и, в-пятых, он включил в список своих потерь семейное имение Кулросс, проданное отцом.

Некоторые положения документа были спорными, однако труд был написан хорошо и произвел большое впечатление на читателей. Кохрейн правильно выбрал время для публикации работы. Он стал великой живой легендой королевского флота Великобритании времен Нельсона и войны с Наполеоном. Опубликованные произведения капитана Марриета, Марии Грехэм и других писателей значительно увеличили его славу моряка и освободителя угнетенных народов. Друзья адмирала по-прежнему были членами правительства, и самым важным обстоятельством стала поддержка Кохрейна молодой королевой Викторией.

6 мая 1847 года королева сказала лорду Лансдоуну, что следующее место кавалера ордена Бани будет принадлежать лорду Дандональду независимо от мнений ее тайных советников. 25 мая *The London Gazette* опубликовала сообщение о присвоении вице-адмиралу графу Дандональду звания рыцаря Большого креста ордена Бани. Гроссмейстером ордена был принц Альберт, супруг королевы.

Кохрейн был назначен главнокомандующим морскими станциями в Северной Америке и Западной Индии и 17 марта 1848 года поднял свой флаг на мачте 74-пушечного корабля *Уэллсли*. Он был вице-

адмиралом красного флага и назначил своего сына Артура лейтенантом.

Следующие три года Кохрейн провел в водах Северной Америки и Карибского бассейна. Моряки обожали его и между собой называли Папой (Dad). Он запрещал применять телесные наказания, что вызывало недовольство некоторых офицеров. Адмирал мог разговаривать с членами экипажа, как с равными.

Корабль *Уэллсли* прибыл в Портсмут 10 июня 1851 года. На следующий день адмирал Кохрейн в последний раз в жизни спустил свой флаг.

Вернувшись домой, Кохрейн продолжал технические исследования в гражданской и военной сферах и получил ряд новых патентов. Он опубликовал «Заметки о минералогии, правительстве и условиях британских островов Западной Индии и Североамериканских морских колоний».

Кохрейн получил новые звания, награды и титулы. Он стал адмиралом красного флага в британском флоте и был удостоен почетного титула контр-адмирала Соединенного королевства. Ранее — в 1835 году — греческий король присвоил ему звание Великого командора ордена Спасителя Греции.

Правительство Чили частично удовлетворило требования Кохрейна и согласилось выплатить ему 6000 фунтов стерлингов. От бразильского правительства адмирал получил 34 000 фунтов. Он использовал полученные средства для оплаты долгов своего сына Горацио и приобрел дом в Лондоне для старшего сына, Тома. Позднее он сам переедет в этот дом.

Кохрейн писал воспоминания. В работе над мемуарами ему активно помогал писатель и историк Джордж Батлер Ирп. Бесценным источником информации для автобиографий Кохрейна стали документы и копии писем, которые бережно сохранил его секретарь Уильям Джексон.

Герой сохранял работоспособность до последних дней жизни и продолжал править мемуары. Врачи делали ему операции по удалению камней из почек, последняя из них стала роковой.

Томас Кохрейн, граф Дандональд, умер 31 октября 1860 года, не дожив нескольких недель до своего восьмидесятипятилетия. Он был похоронен с большими почестями в Вестминстерском аббатстве.

ЧЕЛОВЕК ДЕЙСТВИЯ

«Британский дворянин — свободный человек, способный судить, что правильно, а что неправильно, он сам выбирает страну и дело восстановления естественных прав угнетенных».

Это ответ Томаса Кохрейна испанскому вице-королю в Лиме дону Иоахиму де ла Пезуэла, который был удивлен присутствием британского лорда в рядах мятежников. Кохрейн знал, что далеко не все представители его класса желали восстанавливать естественные права угнетенных. Он хотел лишь сказать: «Я — *свободный человек*, способный судить, что правильно, а что неправильно...»

Он не выбирал Южной Америки, она выбрала его. Этот случай подтверждает положение Гегеля: «Свобода есть осознанная необходимость». Лорд Кохрейн мог продолжать вести политические бои в центре Лондона в качестве радикального члена палаты общин, но он предпочел вооруженную борьбу за права народов. Это выбор человека, который привык смотреть смерти в лицо и готов был вновь бросить вызов судьбе.

Кохрейн не сомневался, *что* в данном случае правильно. Свобода превыше всего, и лорд Кохрейн легко отказался от правил и предрассудков своего класса ради благородного дела помощи народам Южной Америки.

Он всегда отстаивал свое право на свободу выбора. Отец хотел сделать его солдатом, но Кохрейн чувствовал призвание к морскому поприщу и стал моряком. С раннего детства он проявлял критическое отношение к любым авторитетам. Он ослушался отца и в дальнейшем будет часто поступать не по приказу, а по собственному выбору, исходя из насущных требований момента.

Свобода была воздухом, которым он дышал. Она была главным вопросом эпохи и первым лозунгом Французской революции, идеалы которой он вполне разделял. Лекции Дугалда Стюарта в университете Эдинбурга придали его юношеским воззрениям необходимую системность, и Кохрейн окончательно сформировался как человек и гражданин.

Он всегда предпочитал конкретное знание и избегал отвлеченных формул. Короткое время в университете он использовал не только для изучения моральной философии, но и для обретения знаний по химии. Годы спустя он будет разрабатывать химическое оружие и даже предложит применять его во время Крымской войны. В нем вполне уживались идеалы гуманизма и военная необходимость. Он разрабатывал разные виды вооружений и, не колеблясь, пускал их в ход. До химических способов уничтожения дело не дошло, но он применял разные типы взрывных и зажигательных устройств на протяжении своей военной карьеры.

Талантливый человек талантлив во всем, однако даже у людей широчайших знаний и дарований есть главное дело жизни. Политические способности Наполеона были посредственными, на что указывали Стендаль и Шатобриан. Полководческий гений императора французов ставили под сомнение лишь люди пристрастные.

Томас Кохрейн был офицером, политиком, техническим изобретателем и предпринимателем, однако в историю он вошел как моряк и флотоводец.

Достоинства капитана флота стали недостатками на политическом поле. В море он был мастером самостоятельных действий во главе команды беспрекословно подчинявшихся людей, в политике ему не хватало правильной координации своих планов с коллегами. Он не мог быть партийным вождем и остался ярким политиком-одиночкой и представителем простых людей.

На войне он ставил цели и добивался победы, подготовив необходимые для нее средства. В политике он вступал в неравный бой без надежды на победу. Парламентарий Томас Кохрейн будто и не пытался найти эффективные инструменты достижения цели. Он расходовал время и энергию на подготовку своих выступлений, бросал вызов существующим порядкам, но его яростные атаки часто захлебывались. Обнародовав вопиющие факты несправедливости и коррупции, он зачастую не предлагал конкретного плана действий. Он взывал к совести и чести, но находил мало союзников.

Не добившись результата парламентскими способами, он готов был пойти на крайние меры. История с защитой дома сэра Фрэнсиса Бардета с помощью взрывчатки является примером готовности Кохрейна к борьбе не на жизнь, а на смерть. Нарушение властями

принципов либеральной демократии он посчитал достаточным основанием для использования радикальных методов защиты свободы своего друга.

Он рассудил, что правильно, а что неправильно, и нашел собственный способ борьбы за справедливость. В этом проявились его свободная воля, натура воина и солидарность с людьми.

Настоящая солидарность — большая редкость в этом мире. Проявляющий солидарность человек готов разделить чужую судьбу. Немногие согласны на это. Обычно люди исходят из собственных интересов и предпочитают покой и безопасность. Солидарность сродни благородству, но для большинства благородство имеет пределы. Легко быть благородным, когда это выигранно для репутации и не связано с риском для жизни, здоровья, карьеры или страхом потери собственности. Благородство заканчивается там, где риск слишком велик. Поэтому настоящее благородство и истинная солидарность встречаются не часто. В благородстве Наполеона, Байрона, Кохрейна было самопожертвование, и только оно делает их непридуманными героями.

Другая важнейшая черта благородного человека или настоящего идеалиста — предельная серьезность в отношении к таким категориям, как Бог, любовь, дружба. Кохрейн не был религиозным человеком, но он знал одну большую любовь, и в этом видна натура исключительно цельного человека. В проявлениях дружбы и солидарности он всегда шел до конца. Он отстаивал права и интересы моряков, простых тружеников и политических союзников. Он требовал от начальства выплат жалованья и призовых денег своим сослуживцам, даже когда сам получал эти блага сполна. Забота Кохрейна о своем первом лейтенанте Уильяме Паркере в 1801 году была примером солидарности и борьбы за справедливость. Он прошел все инстанции, добиваясь продвижения своего коллеги по служебной лестнице, хотя следствием такого поведения должна была стать немилость высокого начальства. Донкихотская борьба за улучшение условий жизни и охрану здоровья моряков, своевременные выплаты жалованья, улучшение условий содержания военнопленных была проявлением сострадания и других редких качеств природы настоящего человека. В ряду этих поступков случай с сэром Фрэнсисом Бардетом остается исключительным. Сам Бардет не был готов на крайние меры

ради самозащиты, но Кохрейн ради друга был готов на все. Он отстаивал не только свободу своего союзника, но и честь, достоинство и права человека в самом широком смысле этих понятий.

Слово «равенство» также не было для Кохрейна пустым звуком или выдумкой философов-идеалистов. Он вступил в борьбу за справедливую пенсионную систему, чтобы заменить устаревшие сословно-иерархические принципы распределения материальных благ новыми и честными правилами. Увы, «друг реформы» вновь не подкрепил свою критику существующих порядков конструктивными предложениями или реальными законопроектами.

Он напал на самых влиятельных людей государства, армии и флота — графа Сент-Винсента, семейство Уэллесли. Это было похоже на борьбу с ветряными мельницами, и последствия для нападавшего были самыми печальными. Система накажет Кохрейна при первом же удобном случае.

Идеалом государственного и общественного устройства для Томаса Кохрейна была либеральная демократия. Ее принципы отвечали первоначальным представлениям героя о свободе, равенстве и социальной справедливости. Он понял на личном опыте, насколько сложно изменить инерционную систему британского порядка. Кохрейн очень надеялся на новые независимые страны, готовые к восприятию передовых идей. Он испытал глубокое разочарование практикой управления республикой Перу, и именно это стало причиной его конфликта с генералом Сан-Мартинем. Кохрейн отказывался признавать, что принципы либеральной демократии не годятся для государства на этапе его становления. При старом режиме колонизаторы грабили страну, в то время как народ жил в страхе и нищете. Республиканский правитель Сан-Мартин поддерживал порядок сильной рукой авторитарного лидера и заслужил сильнейшую критику Кохрейна, который видел в новой общественной реальности сплошное беззаконие. Кохрейн не принял от Сан-Мартина титулов и благ и гордо удалился.

Он ошибался, но сохранял чистоту принципов. В Бразилии история во многом повторилась. Кохрейн одержал впечатляющие военные победы, но не захотел принять политическую реальность бразильской империи.

В Греции он должен был не только подтвердить репутацию великого флотоводца и тактического гения, но и проявить качества зрелого политика. В местной ассамблее он показал себя настоящим лидером. Кохрейн заставил себя уважать и пристыдил партийных вождей, думавших о групповых интересах в самый решительный момент борьбы за общее освобождение.

По большому счету, Кохрейн не достиг весомых результатов в политике. Вместе с тем он показал себя настоящим пророком. Покидая родину и отправляясь в Чили, он предсказал революционные потрясения при отказе политической элиты Великобритании от проведения назревших реформ. Кохрейн переживет многих друзей, врагов и гонителей и станет свидетелем революций и смен политических режимов в европейских странах.

Много лет он занимался техническим изобретательством, однако и здесь не одержал настоящих побед. Он создал бомбы, паровые двигатели и сконструировал фрегат-пароход, не избежав при этом опшбок в технических расчетах. Кохрейн был способным инженером, но лавров на этом поприще он не заслужил. Обидным следствием его продолжительных неудач стало охлаждение отношений с супругой.

Кохрейн-предприниматель пытался зарабатывать деньги разными способами. В своем чилийском имении он строил планы производства говядины для снабжения прибывающих кораблей, установки машин для чеканки монет по заказам правительства и вынашивал идеи применения новейших технологий сельскохозяйственного производства. Эти аграрные проекты Кохрейн когда-то обсуждал с Уильямом Коббетом. Он оставил мирные планы, получив приглашение в Бразилию.

Нет, не политика, не бизнес и не техническое изобретательство принесли Кохрейну мировую славу. Он был моряком по призванию и воином по натуре. Во время Крымской войны Адмиралтейство рассматривало возможность назначения Кохрейна главнокомандующим Балтийским флотом. Ему было семьдесят девять лет, но он сохранял все навыки и энергию моряка и командира. Рассмотрев его кандидатуру, Адмиралтейство решило не рисковать. Причиной отказа стала боязнь того, что Кохрейн может ввязаться в рискованное военное предприятие с непредсказуемыми последствиями.

Карьеру адмирала Кохрейна можно разделить на несколько этапов — служба в составе экипажей кораблей под началом других командиров (1793 — 1800), командование шлюпом *Спи-ди* (1800 — 1801), командование кораблями *Араб*, *Паплас*, *Имперууз* (1803 — 1809), где особняком стоит операция в районе порта Рошфор (апрель 1809-го), командование флотами южноамериканских стран (1819 — 1825), кампания в Греции (1827) и последнее плавание (1848 — 1851).

Биография солдата или моряка состоит из отдельных событий и боевых дел, и подробности здесь важнее простого перечисления дат. По вполне понятным причинам имя Томаса Кохрейна включено далеко не во все справочники по военной истории. С 1793-го по 1809 год он не участвовал в делах большого масштаба, события в устье реки Шаранта не стоят в ряду великих битв эпохи, а значение кампаний в Чили, Перу и Бразилии можно по достоинству оценить лишь при ближайшем рассмотрении. Тем не менее карьера морского офицера Кохрейна заслуживает внимательного взгляда. Он смог наполнить театр боевых действий настоящими чудесами.

Кохрейн всегда оставался хозяином своего дела и кузнецом собственного счастья. Уникальность этого человека состоит в его бескомпромиссности, которая проявлялась в войне и политике. Все отмечали абсолютную прямолинейность его оценок и суждений.

Как такой герой вообще мог существовать в строгой иерархии военно-морского флота? Аристократическое происхождение и влиятельные покровители сыграли немалую роль на начальном этапе карьеры Томаса Кохрейна, но с некоторых пор он должен был делать себя сам. Место этого человека — за штурвалом корабля. Здесь он чувствовал себя полностью в своей стихии. Кохрейн знал все о морских делах — устройстве корабля в целом и отдельных его частей, роли каждого члена экипажа, боевой тактике, вооружении. Овладев всеми искусствами и ремеслами воина и моряка, он ощущал себя властелином водного пространства и другом стихий. Он занял превосходную и обособленную позицию вдали от начальства и рутины и мог использовать всю мощь и энергию ветра, приливов, корабля, членов команды для достижения конкретных и жизненно важных целей. В образах моря, волн, корабля и парусов заключены свобода и тайна красоты окружающего мира. Кохрейн обожал море и корабли и осуществил мечту своего детства.

«Он был высоким и повелительным, полным жизни и обаятельным, он мгновенно давал советы, был бесстрашным и хладнокровным в деле, — вспоминал Джордж Финлэй, участник греческой кампании 1827 года. — Одаренный силой характера и военным гением, постигший флотское дело учебой и опытом и знакомый с моряками разных стран и в разных условиях, он не стал общепризнанным героем Британии лишь по причине своего нетерпеливого нрава и слишком сильно выражаемого презрения к посредственности и традиционным правилам»^[116].

Он в совершенстве владел имевшимися у него средствами и ресурсами и был уверен в своей способности победить многочисленных врагов за счет превосходного плана, всесторонней подготовки и смелого нападения в самый неудобный для неприятеля момент. Если на стороне нападающих все преимущества внезапности, воинского мастерства, высочайшей моральной и материальной мотивации, то победа будет одержана. Он умел убеждать людей в глх способности сокрушить превосходящие силы противника.

Кохрейн знал, что он практически не имеет права на ошибку. Если командир сухопутных сил может проиграть сражение и отступить, то идущие на штурм или абордаж моряки обязаны победить или умереть. Умение хладнокровно взвесить и оценить все факторы, условия и обстоятельства совершения акции было важнейшим из искусств Томаса Кохрейна. Он самым основательным образом обдумывал свои действия, делал необходимые расчеты, ходил на разведку и лишь после этого атаковал.

Морской волк — правильное прозвище для такого командира. В отличие от одинокого хищника Кохрейн стоял во главе отряда бойцов и отвечал за их жизни. Любая его неудача могла стать последней, если бы люди потеряли веру в своего вождя.

Он оставался таковым до 1809 года, когда ему доверили дело большого масштаба и чрезвычайной важности. Кохрейн взялся за него, несмотря на неблагоприятные обстоятельства — накопившуюся усталость и вероятные сложности при командовании старшими офицерами.

Сам факт его назначения исполнителем операции говорил о многом. К тому времени Кохрейн уже проявил себя бескомпромиссным критиком существовавших в британском военно-

морском флоте порядков и стал ненавистной для многих фигурой, однако его достоинства были слишком весомыми. Руководство Адмиралтейства склонилось к его кандидатуре, и Кохрейн стал флотоводцем на час.

Гений и человек высочайшего чувства долга оказался под началом посредственности, и это определило характер последующих событий. Кохрейн показал себя достойным командования крупными соединениями военно-морских сил и проявил себя непревзойденным организатором и исполнителем сложнейшей с технической и психологической точек зрения акции. Он провел всестороннюю материальную подготовку уникальной операции и лично возглавил атаку, ведя корабль с бомбами на борту. С формальной точки зрения он мог после этого отправиться на отдых в свою каюту и предоставить другим довершить начатое дело, однако он продолжал руководить действиями подчиненных. Главнокомандующий не поддержал его порыва, и Кохрейн взял на себя исключительную ответственность — он вынудил адмирала Гамбье послать корабли ему на помощь, проявляя при этом смекалку и виртуозное мастерство навигации. Следом он бросил вызов численно превосходящему противнику и вступил в бой с тремя линейными кораблями. Он громил врага, нанес ему большой урон и в дальнейшем продолжал обстреливать сидевшие на мели корабли противника во главе флотилии судов, пока адмирал Гамбье не приказал ему передать командование другому офицеру

Кохрейн стремился к цели, не жалея себя. А ведь он был человеком, к тому времени сделавшим личное состояние. Богачи обычно консервативны, но у Кохрейна и в мыслях не было наслаждаться достигнутым материальным положением. Он продолжал рисковать жизнью, служа родине. Это усердие и самопожертвование — достойный ответ тем критикам Кохрейна, которые видят в его действиях только меркантильную сторону

Какую оценку можно дать акции британских моряков в районе порта Рошфор? Кохрейн видел в произошедшем лишь незавершенное достижение, упущенную возможность. Французский флот не был полностью уничтожен, и Кохрейн не одержал великой победы.

Он не был удовлетворен результатами операции и пошел в своей борьбе за истину до конца. Кохрейн бросил вызов адмиралу Гамбье, но потерпел сокрушительное поражение. Адмиралы поставили на место

не в меру усердного капитана. Осторожный Гамбье был с триумфом оправдан, а позднее заслужил благодарность парламента.

Ситуация полнейшего абсурда! Немыслимо, чтобы в революционной или наполеоновской Франции государство прославило труса, упустившего верную победу. Это стало возможным именно в условиях британской сословно-иерархической системы, основанной на привилегиях и сохранявшей элементы феодализма. Справедливый приговор в отношении адмирала Гамбье стал бы опаснейшим для правившей олигархии прецедентом, и охранительные силы системы этого не допустили. Власть имущие были рады унижить Кохрейна, и теперь он мог ожидать окончательной расправы. Он и не думал сдаваться, боролся за пересмотр решения суда над Гамбье и продолжал яростные атаки на британский истеблишмент и руководство военно-морского флота.

Кохрейн не выходил в море в течение пяти лет, а затем был внезапно и жестоко наказан по несправедливому приговору суда. Предъявленных свидетельств его предполагаемого участия в мошенническом заговоре было недостаточно для обвинительного заключения, однако судьи нарушили принцип презумпции невиновности. Друзья, союзники, сослуживцы, супруга Кохрейна никогда не верили в его способность совершить преступное деяние. Даже некоторые не разделявшие политических взглядов осужденного парламентарии проголосовали против изгнания Кохрейна из палаты общин.

Получив исключительно своевременную поддержку своих избирателей и выйдя на свободу, он продолжал политическую и общественную деятельность. Кохрейна пригласили в Чили, и он использовал эту возможность себя проявить. На далеком континенте происходили события нового содержания и измерения. Война в Европе была конфликтом империй, в Южной Америке боролись за свободу.

Кохрейн не воевал десять лет, однако он не утратил навыков боевого офицера. В Южной Америке он командовал малыми флотами и достиг громадных результатов. Порой он проявлял склонность к индивидуальным действиям, планировал и проводил кампании без приказов начальства. Самого невероятного успеха он достиг, направившись в район Вальдивии с одним кораблем. Взятие укрепленного порта силами небольшого отряда солдат и моряков —

подвиг несгибаемого борца и выдающегося командира. Ничто не остановило Кохрейна — ни кораблекрушение, ни многократное численное превосходство врага, ни промокший порох. Он убедил всех в возможности победы и добился своей цели, вызвав самые большие восторги благодарных чилийцев.

Кохрейн обладал неподражаемым искусством мистификации и обмана неприятеля всеми возможными способами, был невероятно предприимчивым и неистощимым на выдумку. Бразилию он освобождал, пугая португальцев несуществующими угрозами и вводя врага в заблуждение. Обычные действия не обещали скорого успеха, но Кохрейн нашел самые короткие пути к цели. Приподнятая атмосфера ожидания победы патриотических сил и подавленное моральное состояние неприятеля способствовали новому чуду, которое лорд Кохрейн не замедлил совершить. Он многих заставил поверить в сверхъестественные свойства своего военного гения.

Не приходится удивляться приглашению Кохрейна в Грецию, которая давно ждала своего освободителя. Необычна сама форма реализации благородного плана — великий герой подписывает контракт, получает крупный аванс и идет освобождать порабощенную страну и ее пострадавший народ.

По иронии судьбы он потерпел фиаско на пороге величайшего успеха. Неудача тем более обидна, поскольку Кохрейн вовсе не был физически истощенным или постаревшим человеком, как Наполеон в сражении при Ватерлоо. В пятьдесят один год он сохранял огромную энергию и бросился на врага с прежней страстью и отвагой. Увы, он не имел ни нужного числа кораблей, ни настоящих воинов.

Наверное, Греция могла быть освобождена без пароходов, но она нуждалась в хороших солдатах и матросах. Кохрейн столкнулся с законодательными ограничениями службы британских моряков в других странах и не нашел способов привлечения профессионалов. Фиаско было двойным — пехотинцы оказались негодными воинами, а моряки не слушались своего адмирала.

Но не слишком ли многого мы от него хотим? Он вполне использовал шансы, предоставленные судьбой. Греческая неудача вовсе не ставила креста на его карьере, полной блестящих успехов. Она не была фатальной для дела освобождения древней земли, и великие державы вовремя вмешались в конфликт. Прекращение войны

в Греции и обретение ею независимости — впечатляющий пример политического сотрудничества ведущих европейских государств.

Кохрейн не был похож на военачальников, которые командуют большими силами, оставаясь при этом в безопасном месте. Удивительно бесстрашный воин, он рисковал жизнью с первого до последнего дня своих кампаний и лично участвовал в боях, abordaжах и рукопашных схватках вместе со своими матросами и пехотинцами. При этом он получил малое число ранений. Мужчина высокого роста и незаурядной физической силы был настоящим героем баллад.

Лорд Кохрейн далеко не всегда действовал в соответствии с законом. Невозможно ожидать абсолютной правильности от военного человека в условиях войны, тем более когда вероломство и разбой санкционированы на государственном уровне^[117]. Англия была и оставалась владычицей морей, и ее адмиралы и капитаны порой действовали, как корсары. Кохрейн не был исключением из правила.

В январе 1819 года Кохрейн получил приказы от Хосе Зентено, морского министра Чили, которые в числе прочего предусматривали захват испанских судов и собственности испанцев. Адмирал поступал в соответствии с распоряжениями руководителей и порой выходил за рамки полномочий и здравого смысла. Яркими примерами его произвола являлись нападения на перуанские селения и захваты чужой собственности в бразильском городе Сао Луи.

Самый возмутительный случай — захват Кохрейном средств государственного казначейства Перу. Он действовал в интересах моряков, присвоил себе право добиваться справедливости насильственным путем и вернул долги своим людям. Это было грубейшим нарушением закона со стороны незаурядного человека, и правительство Перу вполне могло наказать виновного. Кохрейну все сошло с рук, и он нисколько не сомневался в своей правоте.

Он был агрессивным и решительным в бою, но в частной жизни оставался скромным человеком хороших манер. Кохрейн переписывался со своим старым другом Джеймсом Гутри, с которым они в самом начале века совершили удивительный захват испанского фрегата *Эль Гамо*. Герой редко отдыхал и всегда был занят своими проектами и изобретениями. Он много писал — трактаты, заметки, письма в разные инстанции и разным людям, автобиографию.

Кохрейн прожил долгую и насыщенную жизнь. Он был человеком эпохи парусного флота, дышал одним воздухом с Нельсоном и стал свидетелем всемирных индустриальных выставок. Он всегда смотрел вперед и всеми силами приближал замену парусных судов парходами. В 1857 году он изучал образцы новых промышленных изделий в Кристалл Пэлас, оставаясь по-юношески любознательным.

Человек действия, чуждый всякой праздности. Свободный человек, способный судить, что правильно, а что неправильно.

Когда он умер, газета *Таймс* приравнивала его к великим личностям прошлого поколения и назвала человеком выдающихся достижений. «Ничто не может превзойти отвагу его замыслов или своеобразие его успехов, но благодаря ревности или недоброжелательству начальников, его подвиги обычно были ограничены сферами малозначимыми или далекими»^[118].

В 1861 году палата лордов создала комитет, который рассматривал претензии Артура — младшего сына графа Дандональда — на титул умершего. Они были основаны на том, что брачные отношения отца и матери Артура первый раз были оформлены ненадлежащим образом. Комитет, в который входили лорд-канцлер и генеральный прокурор, допросил вдову Томаса Кохрейна. Раздраженная вежливыми, но настойчивыми намеками членов комитета на прошлую вину ее мужа, она заявила со всей страстью:

«Для меня непереносимо сидеть здесь и защищать честь такого человека. Невозможно не говорить и не выразить мои чувства. Он был замечательным человеком. Он не был способен на обман, который приписывается ему этим миром, я знаю... Бог в образе человека! Человек, который в море мог управлять миром»^[119].

ХРОНОЛОГИЯ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТОМАСА КОХРЕЙНА

1775

14 декабря — день рождения Томаса Кохрейна. Отец — Арчибальд Кохрейн, 9-й граф Дандональд. В 1774 г. отец женился на Анне Гилкрист, будущей матери Томаса Кохрейна.

Томас Кохрейн родился в Аннсфилде (Ланаркшир, Шотландия), а его детские годы прошли в Кулросс Эбби Хауз — семейном поместье графов Дандональдов, также в Шотландии.

1784

15 ноября — умирает мать Томаса Кохрейна.

1788

Отец Томаса Кохрейна женится на Изабелле Рэймонд, богатой вдове.

Томас Кохрейн поступает в военную академию в Кенсингтон Сквер, Лондон, но позже откажется служить в полку.

Февраль — начало войны Великобритании с Францией.

Томас Кохрейн направляется в Ширнесс, портовый город в графстве Кент, чтобы поступить на корабль своего дяди Александра Кохрейна — 28-пушечный фрегат *Хинд*.

29 июля — Томас Кохрейн прибывает в Ширнесс. Изучает корабль и его оснастку.

Осенью дядю назначают капитаном 38-пушечного фрегата *Thetis*, и Томас Кохрейн принимает активное участие в демонтаже старого судна и подготовке корабля к плаванию.

18 октября — Томас Кохрейн становится гардемаринном.

27 ноября — фрегат *Thetis* выходит в море.

1794

13 января — фрегат *Thetis* направляется в Норвегию.

Судно плавает в водах Норвегии, затем направляется в Северную Америку в составе эскадры адмирала Джорджа Мюр-рея.

1795

Томас Кохрейн служит на кораблях в американских водах. Корабли защищают британские торговые суда и рыбаков.

18 января — Александр Кохрейн назначает Томаса Кохрейна исполняющим обязанности лейтенанта.

Адмирал Джордж Мюррей подтверждает временное назначение.

16 августа — лорд Кохрейн в составе экипажа фрегата *Thetis* участвует в захвате французского 16-пушечного капера (первое боевое дело).

1796

Февраль — Томас Кохрейн сдает экзамены на лейтенанта.

27 мая — назначение было подтверждено Адмиралтейством.

Адмирала Джорджа Мюррея, командующего Американской станцией, сменил адмирал Вандепут.

Томас Кохрейн получает назначение лейтенантом 74-пушечного флагманского корабля *Резолюшн*.

1797

Томас Кохрейн продолжает службу в американских водах.

1798

Ноябрь — Кохрейн возвращается в Англию на фрегате своего дяди.

Томас Кохрейн был направлен в Средиземное море. Главнокомандующий Средиземноморским флотом — Джон Джервис, граф Сент-Винсент; его заместителем был назначен лорд Кейт.

28 ноября — Томас Кохрейн был принят лейтенантом на *Foudroyant* — флагманский корабль лорда Кейта; по прибытии в Гибралтар экипаж корабля *Foudroyant* был переведен на другое судно — 90-пушечный *Barfleur*.

1799

14 июня — лорд Кейт перемещает свой флаг с корабля *Barfleur* на 100-пушечный *Куин Шарлотт* (*Queen Charlotte*), и Кохрейн переходит на новое судно вместе с экипажем.

Ноябрь — лорд Кейт становится главнокомандующим Средиземноморским флотом Великобритании.

1800

12 января — *Куин Шарлотт* прибывает в Легхорн (Ливорно); неделей позже туда прибывает Нельсон на боргу своего флагманского корабля *Foudroyant*.

Лорд Кейт и адмирал Нельсон плывут в Палермо на своих кораблях.

Встреча Томаса Кохрейна с адмиралом Нельсоном в Палермо.

20 февраля — лорд Кейт назначает Кохрейна командиром шлюпа *Спиди*. После подтверждения этого назначения Адмиралтейством Кохрейн должен был получить звание *мастера и каммандера* (промежуточное звание между лейтенантом и пост-капитаном).

Кохрейн получает задание доставить в порт Махон, Менорка, трофейное судно *Женерё* — 74-пушечный французский линейный корабль; успешно проводит судно от Сиракуз до Менорки в условиях зимней непогоды.

17 марта — пожар на борту *Куин Шарлотт*, который команда не может потушить. Судно взрывается и тонет, 636 членов экипажа гибнут.

20 апреля — Томас Кохрейн принимает командование шлюпом *Спиди*, имевшим на вооружении 14 четырехфунтовых пушек.

1801

Февраль — граф Сент-Винсент был назначен первым лордом Адмиралтейства.

6 мая — захват испанского фрегата *Эль Гамо*, на борту которого находились 319 членов экипажа, командой *Спиди* численностью 54 человека.

За срок менее пятнадцати месяцев Кохрейн и его команда захватили более 50 вражеских судов, 122 пушки и взяли 534 человека в плен.

3 июля — *Спиди* сталкивается в районе Гибралтара с французской эскадрой под командованием контр-адмирала Линуа. Кохрейн прилагает все возможные усилия по спасению своего судна, но вынужден капитулировать.

6 июля — Кохрейн наблюдает битву при Алжесирасе между английской и французской эскадрами, будучи пленником на борту 74-пушечного корабля *Дезэ*.

Освобождение экипажа *Спиди* в результате обмена пленными. Кохрейн возвращается в Гибралтар.

18 июля — Кохрейн предстает перед военным судом, проводимым на борту 80-пушечного линейного корабля *Ротрее*, стоявшего на якоре

вблизи Гибралтара. Суд выносит оправдательный вердикт для Кохрейна и его команды.

8 августа — Кохрейну было присвоено звание пост-капитана (после того как Адмиралтейство узнало об оправдательном вердикте суда в Гибралтаре).

2 сентября — Томас Кохрейн возвращается в Англию.

1 октября — Великобритания и Франция заключают предварительное мирное соглашение.

1802

Март — подписание мирного договора между Великобританией и Францией в Амьене.

Лорд Кохрейн поступает в университет Эдинбурга — вначале на факультет этики, а затем на химический факультет. Слушает лекции профессора моральной философии Дугалда Стюарта.

1803

Май — Великобритания объявляет войну Франции.

В ответ на многочисленные обращения и ходатайства в пользу Кохрейна первый лорд Адмиралтейства граф Сент-Винсент выделяет ему судно *Араб*.

15 октября — Кохрейн принимает 22-пушечный *Араб* — бывший французский капер (110 футов в длину, численность экипажа — 155 человек).

8 декабря — корабль *Араб* отправляется в плавание.

1804

Корабль *Араб* становится участником двух столкновений с другими судами.

Корабль *Араб* выполняет работу по патрулированию и сопровождению судов.

Генри Дандас, виконт Мелвилл, сменяет графа Сент-Винсента на посту первого лорда Адмиралтейства.

Томас Кохрейн принимает командование новым фрегатом *Паллас* (32-пушечный, 127 футов в длину, численность экипажа — 215 человек).

17 ноября — фрегат *Паллас* спущен на воду.

Декабрь — Испания объявляет войну Великобритании.

1805

1 января — фрегат *Паллас* отправляется в плавание. Фрегат *Паллас* оперирует в районе Азорских островов, захватывая испанские суда с сокровищами и торговые корабли.

Британские газеты пишут о захваченных фрегатом *Паллас* испанских кораблях с богатствами на борту.

5 апреля — фрегат *Паллас* возвращается в порт Плимут; через три недели отправляется в североамериканские воды.

10 декабря — фрегат *Паллас* возвращается в Англию (порт Ширнесс).

1806

14 января — фрегат *Паллас* отправляется в плавание.

Лорд Кохрейн получает приказы и начинает новую кампанию, атакуя суда вдоль западного побережья Франции и совершая наземные операции. Он захватывает вражеские суда, разрушает и сжигает французские сигнальные посты, расположенные на Атлантическом побережье. Команда капитана Кохрейна взрывает и предаёт огню французские склады боеприпасов, заклепывает орудия и приводит плавательные средства врага в негодное состояние.

Июнь — Кохрейн в союзе с Уильямом Коббетом участвует в выборах в палату общин в Хонитоне — городке, расположенном в сорока пяти милях от Плимута.

Кохрейн проигрывает выборы своему сопернику Кавендишу Брэдшоу.

Август — Кохрейн назначается командиром фрегата *Имперуиз* (38-пушечный, орудия 18-фунтовые, дополнительные орудия, численность экипажа — 284 человека).

2 сентября — Кохрейн принимает фрегат *Имперуиз*, находящийся на капитальном ремонте в Плимуте.

Октябрь — Кохрейн узнает о роспуске парламента и вновь вступает в борьбу за место в палате общин; прибывает в Хони-тон и вместе с членами корабельной команды занимается предвыборной агитацией.

Томас Кохрейн и Кавендиш Брэдшоу становятся членами парламента.

Адмирал Янг, портовый адмирал в Плимуте, приказывает Кохреину выйти в море, хотя корабль не подготовлен к плаванию.

16 ноября — фрегат *Имперуиз* отправляется в плавание.

Команда капитана Кохрейна атакует суда вдоль западного побережья Франции и совершает наземные операции.

1807

Январь — фрегат *Имперуиз* продолжает оперировать вдоль западного побережья Франции.

11 февраля — фрегат *Имперуиз* возвращается в Плимут.

3 апреля — Томас Кохрейн пишет рапорт об отпуске по состоянию здоровья.

Кохрейн получает отпуск и вскоре узнает о новых выборах в парламент.

Кохрейн принимает предложение Коббета баллотироваться не от Хонитона, а от лондонского Вестминстера.

2 мая — собрание независимых выборщиков Вестминстера, которое выносит вотум полного доверия лорду Кохрейну; ему были гарантированы всемерное содействие и поддержка во время избирательной кампании.

8 мая — предвыборный митинг в Ковент-Гарден.

Результаты выборов: Бардет — 5134 голоса, Кохрейн — 3708 голосов, Шеридан — 2645 голосов.

Бардет и Кохрейн были избраны в палату общин и получили право представлять Вестминстер Сити в парламенте.

26 июня — первое заседание нового парламента.

7 июля — Томас Кохрейн предлагает учредить специальный комитет, который предаст гласности важнейшую информацию о членах палаты общин, членах их семей и наследниках: занимаемые указанными лицами государственные и общественные должности и синекуры, а также получаемые ими жалованья, пенсии и любые иные блага.

Решение было принято, и через два года предложенный Кохрейном список будет составлен.

10 июля — лорд Кохрейн выступает с речью, разоблачая злоупотребления в системе военно-морского флота Великобритании. Объектом его критики становится граф Сент-Винсент.

Кохрейн получает приказ вернуться на корабль.

19 августа — Кохрейн возвращается на борт фрегата *Имперуиз*.

28 августа — фрегат *Имперуиз* отправляется в плавание с приказом сопроводить конвой на Мальту.

31 октября — прибытие на Мальту.

Кохрейн получает новые приказы от главнокомандующего Средиземноморским флотом Великобритании лорда Коллингвуда; фрегат *Имперуиз* ведет операции в Средиземном море.

1808

2 мая — восстание в Мадриде против французских оккупантов.

11 июня — главнокомандующий Средиземноморским флотом лорд Коллингвуд направляет в Адмиралтейство отчет о числе вражеских судов, захваченных британскими экипажами в Средиземном море с 1 октября 1807 года по 4 апреля 1808 года. Достижение Томаса Кохрейна и его команды — 29 захваченных кораблей противника.

Фрегат *Имперуиз* ведет операции вдоль испанского и французского побережья, действуя в союзе с испанцами.

4 сентября — Кохрейн впервые в своей практике использует ракеты Конгрива — обстреливает рыболовецкий порт, расположенный между Тулоном и Марселем.

Кохрейн и его экипаж принимают активное участие в обороне форта Тринидад в союзе с испанцами, заслужив отличную оценку главнокомандующего Катберта Коллингвуда.

1809

Январь — Кохрейн получает разрешение вернуться в Англию.

19 марта — Кохрейн прибывает в Плимут и получает сигнал от адмирала, командующего портом: он должен сойти на берег и ждать приказов Адмиралтейства.

Получает письмо от второго лорда Адмиралтейства.

В Лондоне Кохрейн встречается с Малгрейвом, первым лордом Адмиралтейства.

Кохрейн представляет план атаки французского флота и получает приказы проследовать в район Рошфора и поступить под командование лорда Гамбье.

29 марта — фрегат *Имперуиз* отправляется в плавание.

3 апреля — прибытие в район Рошфора.

11 апреля — Кохрейн начинает атаку французского флота с помощью кораблей с бомбами и зажигательных судов.

14 апреля — Кохрейн получает письмо от лорда Гамбье с приказом о своем отзыве и передаче полномочий капитану Вулфу.

Кохрейн направляется в Англию.

21 апреля — фрегат *Имперуиз* прибывает в Спигхед.

22 апреля — публикация в газете *Тайме* о «славном морском подвиге».

Кохрейн произведен в рыцари — кавалеры ордена Бани.

26 июля — начало суда над адмиралом Гамбье на борту 44-пушечного корабля *Гладиатор*, стоявшего в гавани Портсмута.

4 августа — оглашение решения суда: действия лорда Гамбье «были отмечены усердием, рассудительностью, профессионализмом и деятельным вниманием во благо службы Его Величеству».

Кохрейн становится владельцем имения Холли Хилл в Хэмпшире — дома, купленного у Басила Кохрейна (дяди Томаса Кохрейна).

Во время Вальхеренской экспедиции Кохрейн разрабатывает свои планы в помощь военному командованию; в числе прочего он предлагает Адмиралтейству использование десяти кораблей с бомбами; советы капитана приняты не были.

Осенью Кохрейн изучает материалы дела лорда Гамбье.

1810

Январь — открытие сессии парламента.

29 января — зная, что в палате лордов собираются вынести благодарность адмиралу Гамбье, Кохрейн выступает с инициативой в палате общин: он предлагает представить протокол суда над лордом Гамбье в парламенте, хочет инициировать дебаты и готовится предьявить свои аргументы.

Члены палаты общин получают на руки не протокол суда над Гамбье, а только вердикт суда. Палата общин решает вынести благодарность адмиралу Гамбье.

Февраль — палата общин собирается уделить пристальное внимание Вальхеренской экспедиции и создает специальный комитет; правительство решает сделать слушания закрытыми.

Протесты радикалов Вестминстера против нарушения принципов демократии. Арест Джона Гейла Джонса — секретаря Британского форума, общества дискуссий в Ковент-Гарден; он был брошен в тюрьму Ньюгейт без суда и следствия.

12 марта — заявление сэра Фрэнсиса Бардета в палате общин о незаконности ареста Джонса.

Публикация речи Бардета в *Cobbett's Weekly Political Register* вместе с обращением к избирателям Вестминстера.

Решение палаты общин об аресте Бардета и его заключении в лондонский Тауэр.

Встречи радикальных политических лидеров в доме Бардета с участием Кохрейна.

8 апреля — Кохрейн привозит с собой бочонок с порохом и предлагает Бардету в целях самообороны совершить подрыв оснований внешней стены здания и заложить взрывчатку под фундамент; Бардет отказывается.

9 апреля — арест Бардета и заключение его в Тауэр.

Кохрейн представляет Бардета до окончания сессии парламента (21 июня), подает петицию с протестом против заключения своего союзника в тюрьму, подписанную избирателями.

11 мая — выступление Кохрейна в палате общин по вопросу о недостатках пенсионной системы; Кохрейн приводит статистические данные и делает сравнения размеров пенсий морских офицеров и чиновников.

3 июня — выступление Кохрейна в палате общин с критикой решений призового суда. Не получив поддержки, Кохрейн решает провести собственное расследование и для этого отправиться в Средиземное море.

1811

В Мессине (Сицилия) Кохрейн проводит эксперименты с минометом своей конструкции, посещает месторождения серы, начинает вынашивать идею создания химического оружия.

20 февраля — Кохрейн прибыл на Мальту, где находился офис призового суда.

Он изъял таблицу штрафов и удержаний, но был пойман с поличным; его обязали вернуть таблицу в течение двух дней, но он этого не сделал. Кохрейн был арестован и посажен в тюрьму; ему помогли бежать.

11 апреля — Кохрейн возвращается в Лондон.

6 июня — Кохрейн инициирует дебаты в палате общин по вопросу о действиях судов, но не получает поддержки членов парламента.

Кохрейн выступает в палате общин по вопросам о выплатах жалованья, об условиях жизни моряков и условиях содержания

военнопленных.

1812

Январь — февраль — встречи Томаса Кохрейна и его будущей жены Катерины Корбет Барнс.

Кохрейн делает предложение о женитьбе; Катерина вначале отказывается, но затем соглашается стать женой лорда Кохрейна.

Кохрейн договаривается с тетей Катерины о том, что брак будет заключен в Шотландии и тайно.

6 августа — Кохрейн, его невеста и слуги отправляются в Шотландию.

8 августа — регистрация брака Томаса Кохрейна и Катерины Корбет Барнс в деревне Аннан.

18 августа — супруги Кохрейн отправляются в свадебное путешествие; они проводят медовый месяц на острове Уайт.

1813

Томас Кохрейн работает над техническими изобретениями — приборами собственной конструкции: осветительными лампами для флота и газовыми лампами для освещения улиц.

Выступает в палате общин, разоблачая злоупотребления в системе военно-морского флота и критикуя военную стратегию Адмиралтейства.

1814

Вице-адмирал сэра Александр Кохрейн был назначен главнокомандующим Североамериканской морской станцией и предлагает Томасу Кохреину стать капитаном своего 80-пушечного флагманского корабля *Тоннант*.

Александр Кохрейн отправляется в Америку на фрегате, чтобы принять командование военно-морскими силами, и поручает капитану Томасу Кохреину контролировать процесс снаряжения корабля.

Томас Кохрейн посещает фабрику в Сити, где по его чертежам изготавливаются опытные образцы осветительных ламп для флота, и выполняет задание дяди.

21 февраля — Кохрейн завтракает со своим дядей Эндрю Кохрейн-Джонстоном и биржевым брокером Ричардом Баттом, после завтрака отправляется на завод. Узнав от слуги, что дома его ожидает посетитель, Кохрейн спешит на встречу и видит Беранже. Встреча Кохрейна и Беранже.

Февраль — март — расследование дела о мошенничестве на бирже. Комитет биржи заявляет о подозрениях в отношении Кохрейна. Секретарь Адмиралтейства Джон Уилсон Крокер требует от Кохрейна объяснений.

22 марта — Кохрейн письменно отвечает на требование Адмиралтейства и прилагает показания слуг, данные под присягой.

Адмиралтейство назначает Александра Скена (Skene) исполняющим обязанности капитана корабля *Тоннант* вместо Кохрейна, 7 апреля судно выходит в море.

18 апреля — рождается первый ребенок в семье Кохрейнов — мальчик, которому при крещении дали имя Томас Барнс Кохрейн.

20 апреля — газеты объявляют, что Беранже, лорд Кохрейн, Ричард Батт, Эндрю Кохрейн-Джонстон и еще четыре человека обвиняются в организации мошеннического заговора.

8 июня — начало судебного процесса о мошенничестве на бирже.

Суд признает всех обвиняемых виновными в совершении преступления.

14 июня — Кохрейн предоставляет председателю суда лорду Элленборо новые свидетельства в свою защиту, но они не были приняты.

20 июня — Кохрейн и другие обвиненные в мошенническом заговоре предстают перед судом. Кохрейн произносит речь в свою защиту.

21 июня — суд определяет меру наказания; для Кохрейна: двенадцать месяцев тюремного заключения, штраф в размере 1000 фунтов стерлингов, осужденный должен стоять у позорного столба напротив Королевской биржи в течение часа.

Кохрейн был доставлен в тюрьму Кинге Бенч. На обеде в Портсмуте, участниками которого были старшие морские офицеры, принц-регент Великобритании заявляет о своей решимости вычеркнуть имя Кохрейна из списка служащих флота; он также обещает лишить Кохрейна ордена Бани.

Адмиралтейство выпускает приказ, исключаящий Кохрейна из списка офицеров королевского флота Великобритании.

5 июля — правительство Великобритании выступает с инициативой об изгнании Кохрейна из парламента; соответствующее решение должна принять палата общин.

Кохрейну позволяют на время выйти из тюрьмы для выступления в палате общин.

Кохрейн выступает в палате общин, страстно и яростно доказывая свою невиновность и обвиняя лорда Элленборо и судей в предвзятости.

Итоги голосования в палате общин: правительственную инициативу поддержали 144 депутата, против изгнания Кохрейна было подано 44 голоса.

11 июля — массовый митинг избирателей Вестминстера; сэр Фрэнсис Бардет призывает полностью очистить имя Кохрейна от всяких подозрений и оправдать человека, оказавшего великие услуги своей стране.

16 июля — лорд Кохрейн был с триумфом и без борьбы избран в парламент от Вестминстер Сити.

Лорд Эбрингтон при поддержке лорда Нугента выступает в парламенте с инициативой об освобождении Кохрейна от позорного средневекового наказания, поскольку он оказал своей стране выдающиеся услуги.

19 июля — лорд Каслри объявляет о монаршем помиловании для всех приговоренных к наказанию в виде стояния у позорного столба.

11 августа — в Вестминстерском аббатстве глава ордена Бани выбрасывает из часовни короля Генриха VII герб и флаг Томаса Кохрейна.

1815

6 марта — Кохрейн предпринимает удачную попытку побега из тюрьмы Кинге Бенч с помощью веревки, переданной ему слугой; после этого он проводит две недели в своем имении Холли Хилл в Хэмпшире вместе с семьей.

21 марта — после полудня Кохрейн появляется в парламенте. Он оказывает сопротивление при аресте, но вынужден подчиниться силе.

Кохрейн вновь был доставлен в тюрьму Кинге Бенч и помещен в сырой подвал.

После трех недель в тюремной камере Кохрейн чувствует резкое ухудшение состояния здоровья; был проведен врачебный осмотр, и Кохрейна перевели в другое помещение.

При освобождении из тюрьмы Кохрейн отказывается платить штраф в 1000 фунтов стерлингов, назначенный по приговору суда, но в

итоге соглашается выписать банкноту, выразив при этом письменный протест.

3 июля — Кохрейн выходит из тюрьмы Кинге Бенч.

Он ведет кампанию за импичмент лорда Элленборо, но не получает поддержки коллег в палате общин. Кохрейн сотрудничает с Уильямом Коббетом по политическим вопросам. Кохрейн и Коббет добиваются значительного увеличения тиража *Weekly Political Register*.

1817

Апрель — прибытие в Великобританию представителя Чили по имени Антонио Алварес.

1818

12 января — Антонио Алварес пишет Хосе Зентено, морскому министру Чили, что Кохрейн принял его предложение и согласен занять пост главнокомандующего чилийским военно-морским флотом.

Продажа имения Холли Хилл.

Церковный брак Томаса и Катерины Кохрейн. Венчание в церкви, расположенной в маленькой деревне Спелдхёрст, неподалеку от Торнбридж Веллс.

8 марта — рождение второго ребенка Кохрейнов — мальчика, которому при крещении дали имя Уильям Горацио Бернар-до Кохрейн.

Кохрейн создает корабль новой конструкции — 22-пушечный *RisingStar* (Восходящая звезда): трехмачтовое парусное судно с двумя дымовыми трубами и гребным колесом, приводимым в действие двумя паровыми двигателями. Он инвестирует 3000 фунтов стерлингов личных средств в создание парохода и поручает своему брату Уильяму контролировать процесс создания и оснащения корабля.

2 июня — выступление сэра Фрэнсиса Бардета в палате общин с инициативой проведения парламентской реформы. Прощальное выступление Томаса Кохрейна в парламенте с требованием реформы и предупреждением правительству о будущих социальных взрывах, которые потрясут государство и общество до самых основ.

Начало августа — лорд Кохрейн, члены его семьи и слуги отправляются в порт Рай, в Суссексе. Они плывут до Булони на рыболовецком судне, следом перемещаются на коммерческое судно *Rose*.

15 августа — судно *Rose* берет курс на Южную Америку.

29 ноября — прибытие корабля в Вальпараисо.

Встреча с О'Хиггинсом, верховным правителем Чили. О'Хиггинс приглашает Кохрейна и прибывших с ним людей в Сантьяго.

4 декабря — Кохрейны прибывают в столицу Чили.

11 декабря — Кохрейн становится гражданином Чили и получает официальное назначение вице-адмиралом и главнокомандующим чилийским флотом.

1819

9 января — Кохрейн получает приказы от Хосе Зентено, морского министра Чили: он должен возглавить морскую экспедицию, осуществить блокаду перуанского порта Каллао, отрезать военно-морские силы вице-короля Лимы, чтобы затем разбить их по частям, захватывать испанские суда и собственность испанцев.

Конец февраля — первая атака порта Каллао, окончившаяся неудачей.

22 марта — атака порта Каллао с помощью судна с бомбами, вновь неудачная.

Кохрейн захватывает суда и ведет наземные операции. Отряды под его командованием нападают на города и крепости, захватывают ценности, включая средства испанского казначейства, распространяют пропагандистские листовки, призывая местное население к борьбе за свободу.

Июнь — Кохрейн возвращается в Вальпараисо и получает многочисленные поздравления с успехом его миссии.

12 сентября — начало новой экспедиции в Каллао.

2 октября — предварительная атака Каллао с помощью ракет Конгрива.

6 октября — главная атака Каллао с использованием зажигательного судна и ракет, окончившаяся неудачей.

Эскадра Кохрейна движется в северном направлении и захватывает два вооруженных испанских судна.

Кохрейн разрабатывает план, выходящий за рамки приказов морского министра. Он направляет три судна в Вальпараисо, приказывает капитанам трех других судов наблюдать за портом Каллао, а сам плывет в южном направлении на флагманском корабле *О'Хиггинс*.

1820

17 января — флагманский корабль *О'Хиггинс* достигает порта Вальдивия.

18 января — сбор разведывательных данных, захват испанского брига *Потрилло* с запасом денежных средств для гарнизона Вальдивии.

20 января — Кохрейн на флагманском корабле *О'Хиггинс* прибывает в Талькауано, добирается до города Консепсион, где встречается с генералом Фрере — чилийским губернатором провинции. Фрере выделяет адмиралу 250 человек. К экспедиции присоединяются чилийская шхуна *Монтесума* и бразильский бриг *Интрепидо*.

25 января — корабли берут курс на Вальдивию с целью захвата укрепленного района с фортами, огневыми точками и гарнизоном численностью 2000 солдат.

29 января — флагманский корабль *О'Хиггинс* врезался в риф, начал тонуть и был спасен личными усилиями Кохрейна. Адмирал перемещает свой флаг на *Монтесуму*.

3 февраля — шхуна и бриг бросают якоря вблизи Вальдивии, рядом с местечком Агуада дель Инглес. Штурм укрепленного района Вальдивия, последовательный захват всех фортов.

6 февраля — вступление Кохрейна в город Вальдивия, покинутый испанским губернатором и испанской армией. Захват арсенала, корабля *Долорес*.

6 марта — возвращение Кохрейна в Вальпараисо, где он был встречен как великий герой. Выпущены прокламации в честь Кохрейна и его воинов. Правительство Чили высоко оценивает успехи Кохрейна и вознаграждает его материально: жалованье адмирала удвоено, ему выплачены призовые деньги и подарено имение площадью 20 000 акров.

Март — рождение третьего ребенка Кохрейнов: девочка, которую назвали Елизавета Катерина.

Кохрейн приобретает новое имение, Херрадура, расположенное в долине Куинтеро.

20 августа — торжественные проводы в порту Вальпараисо участников экспедиции генерала Сан-Мартина, целью которой было освобождение Перу. Адмирал Томас Кохрейн — подчиненный Сан-Мартина.

Высадка в районе города Писко, расположенного в ста тридцати милях южнее Каллао и Лимы.

28 октября — посадка на корабли.

Суда достигают следующей точки маршрута — селения, расположенного в нескольких милях к северу от Лимы. Была произведена высадка, однако Сан-Мартин не развивал наступления.

Кохрейн разрабатывает новый план, не поставив Сан-Мартина в известность.

5 ноября — захват Кохрейном и его командой флагманского корабля испанского флота — фрегата *Эсмеральда*, стоявшего на якоре в порту Каллао.

Лорд Кохрейн становится хозяином Тихоокеанского побережья Южной Америки.

1821

Январь — прибытие леди Кохрейн с детьми в Каллао на борту британского судна.

Смерть Елизаветы Катерины от лихорадки.

Март — леди Кохрейн и двое ее детей отправляются в Англию на борту британского судна.

Июль — генерал Сан-Мартин вступает в Лиму как освободитель и провозглашает независимость Перу.

1 декабря — лондонская газета *Тайме* публикует статью о триумфальном приеме лорда Кохрейна в Лиме.

1822

2 июня — празднование в Вальпараисо по случаю возвращения Томаса Кохрейна и его моряков, торжественная встреча героев-освободителей.

Кохрейн представляет правительству Чили финансовый отчет о расходах на содержание флота, который не был утвержден.

Кохрейн получает четырехмесячный отпуск.

Из Англии прибывает пароход *Rising Star*, Показательное плавание судна заканчивается неудачей (остановка двигателей).

19 ноября — сильное землетрясение в центре Чили; дом Кохрейна в Куинтеро был разрушен.

Кохрейн получает письмо от бразильского представителя в Буэнос-Айресе с предложением принять командование флотом Бразилии.

29 ноября — Кохрейн дает письменное согласие занять пост командующего бразильским военно-морским флотом.

Кохрейн подает прошение об отставке правительству Чили и обращается с прощальными приветствиями к чилийскому народу, торговому сообществу и офицерам чилийского флота.

1823

18 января — Кохрейн поднимается на борт брига *Colonel Allen*, который должен был доставить его в Бразилию.

13 марта — корабль прибывает в Рио-де-Жанейро.

Кохрейн был представлен императору Педру I и его главному министру.

Кохрейн проводит инспекцию флота и согласовывает условия своего договора найма с морским министром. Для него специально учреждается пост первого адмирала.

1 апреля — Кохрейн выходит в море с эскадрой.

Начало мая — Кохрейн вступает в первый бой с португальским флотом у берегов Бахии, имея пять судов против одиннадцати или более кораблей неприятеля. Кохрейн атаковал центр неприятельской линии, но вынужден был вывести корабли из боя.

Адмирал собирает всех лучших офицеров и матросов на три корабля.

Кохрейн начинает блокаду Сальвадора, который осаждали сухопутные силы патриотов. Разрабатывает план атаки гавани и стоявших на рейде кораблей португальцев с помощью зажигательных судов.

13 июня — леди Кохрейн прибывает в Рио-де-Жанейро на борту торгового судна вместе с маленькой дочерью Катериной Елизаветой (Лиззи).

2 июля — ввиду недостатка продовольствия и под угрозой военного поражения португальцы покидают Сальвадор на военных кораблях, транспортных и торговых судах.

Кохрейн атакует португальские суда имеющимися у него силами, захватив и разрушив множество кораблей и взяв пленных.

26 июля — Кохрейн приблизился к Сао Луи, столице провинции Мараньяо; он дезинформирует неприятеля, заявляя о прибытии многочисленного военного флота, и принуждает местную хунту к покорности.

Кохрейн захватывает различные объекты собственности, проводит конфискации и отгружает захваченные товары в Рио-де-Жанейро.

Кохрейн направляет капитана Гренфелла в город Белем — столицу провинции Пара.

11 августа — Гренфелл прибывает в Белем под бразильским флагом, от имени Кохрейна дезинформирует португальские власти, заявляя о прибытии многочисленного флота в устье Амазонки, и требует капитуляции; португальцы отдают власть бразильской хунте.

Кохрейн становится хозяином Атлантического побережья Южной Америки.

9 ноября — Кохрейн возвращается в Рио-де-Жанейро на борту флагманского корабля *Педру Примьеро*.

Император Педру I награждает Кохрейна титулом маркиза Мараньяо, Большим крестом Бразилии и делает первого адмирала членом Тайного совета.

1824

16 февраля — жена и дочь Кохрейна отправляются в Англию.

Кохрейн принимает участие в подавлении мятежа в провинции Пернамбуко, восстанавливает порядок в Сао Луи.

1825

Январь — Кохрейн подает прошение об отставке императору Педру I, которая не была принята.

Кохрейн перемещает свой флаг с корабля *Педру Примьеро* на фрегат *Пирата* и берет курс на Англию.

26 июня — фрегат *Пирата* прибывает в Спитхед.

Кохрейны посещают Шотландию.

Кохрейн отвечает на просьбы Греческого комитета в Лондоне и принимает приглашение Греческой национальной ассамблеи: он готов вступить в командование греческим флотом и помочь грекам добиться освобождения от турецкого владычества.

Кохрейн отплывает в Булонь, где к нему присоединяются жена и дети; он ожидает окончания строительства паровых и парусных судов, заказанных в Англии и США для греческого флота.

Кохрейн был вынужден покинуть Францию под угрозой судебного преследования:

Декабрь — Кохрейны приезжают в Брюссель.

1826

Кохрейн получает шхуну *Уникорн* от Греческого комитета. Турки захватывают Афины; патриоты удерживают Акрополь.

1827

Март — Кохрейн прибывает в Грецию, имея шхуну *Уникорн* и бриг *Sauveur*. Военный флот: пароход *Perseverance* (переименованный в *Karteria*), 60-пушечный фрегат *Хеллас* и корвет *Hydra*,

Апрель — на встрече политических лидеров Греции граф Каподистрия был избран президентом Национальной ассамблеи. Были приняты решения о назначении сэра Ричарда Чёрча главнокомандующим греческой армией и Томаса Кохрейна — командующим адмиралом греческого флота.

24 — 25 апреля — Кохрейн обеспечивает высадку солдат и морских пехотинцев у монастыря вблизи Афин.

Турки контратакуют, в ответ Кохрейн возглавляет атаку с телескопом в руках. Греки побеждают, триста турок находят убежище в монастыре.

28 апреля — после трехдневного обстрела монастыря из пушек фрегата *Хеллас*, турки соглашаются сдаться. Греки не соблюдают условий капитуляции и убивают двести защитников монастыря, когда те вышли наружу.

Кохрейн разработал план освобождения защитников Акрополя и добивается принятия этого плана генералом Чёрчем.

6 мая — в полночь проводится организованная высадка греческих войск вблизи Афин. Вместо запланированного наступления греки окопались на берегу.

На рассвете турецкая кавалерия отрезает передовой отряд греков и наносит им тяжелое поражение.

5 июня — капитуляция греческого гарнизона Акрополя.

11 июня — Кохрейн концентрирует корабли у мыса Святого Антония (на юго-восточном берегу полуострова Пелопоннес): фрегат *Хеллас*, *Sauveur*; четырнадцать вооруженных бригов, а также восемь судов, которые могут использоваться в качестве зажигательных кораблей.

15 июня — рано утром корабли эскадры Кохрейна прибывают к Александрии Египетской. Кохрейн разрабатывает план атаки и выпускает прокламацию с призывом одним решительным ударом освободить Грецию.

16 июня — ночью Кохрейн ведет корабли и два зажигательных судна в атаку, которая заканчивается неудачей.

20 октября — битва при Наварине, разгром турецко-египетского флота объединенными эскадрами Великобритании, Франции и России.

2 ноября — лорд Кохрейн получает письмо, подписанное командующими трех союзных флотов (британского, французского, русского), с требованием о немедленном прекращении всех военных действий и предупреждением об уничтожении всех греческих вооруженных судов, обнаруженных вблизи береговой линии континентальной Греции.

Кохрейн пишет письмо греческому президенту и заявляет, что возвращается в Англию для организации найма профессионалов.

1828

10 января — Кохрейн отправляется в Англию на шхуне *Уникорн*.

11 февраля — Кохрейн прибывает в Портсмут.

Он безуспешно пытается нанять моряков для службы в Греции, обходя действующий нормативный акт.

Кохрейн уезжает в Париж к своей семье.

Сентябрь — Кохрейн возвращается в Грецию.

26 ноября — лорд Кохрейн подает графу Каподистрии прошение об отставке. Президент выражает благодарность Кохрейну за его участие в деле освобождения Греции и принимает отставку.

6 августа — смерть Арчибальда Кохрейна, младшего брата Томаса Кохрейна, в возрасте сорока семи лет.

После тяжелых родов у супруги Томаса Кохрейна на свет появляется мертворожденный ребенок.

1830

Весна — Кохрейн проводит время с семьей во Флоренции.

Июнь — смерть короля Георга IV. Новый король — Уильям IV.

Осень — Кохрейн возвращается с семьей в Лондон и хочет добиться своего восстановления в прежнем звании и положении во флоте. Записку о своем деле он передает королю через лорда Мельбурна; другие копии записки были направлены министрам.

Ноябрь — уходит в отставку правительство Веллингтона, преемником которого на посту премьер-министра становится лорд Грей.

1831

1 июля — смерть отца Томаса Кохрейна, 9-го графа Дандональда. Томас Кохрейн унаследовал его титул и стал 10-м графом Дандональдом.

27 ноября — король Уильям IV принимает Томаса Кохрейна в Королевском павильоне в Брайтоне. Король обещает передать дело в правильные руки.

1832

2 мая — заседание Тайного совета, на котором принимается решение о высочайшем помиловании Томаса Кохрейна, графа Дандональда. В тот же день Кохрейн был восстановлен на службе в королевском флоте.

9 мая — Кохрейн присутствует на королевском приеме в Сент-Джеймском дворце в адмиральском мундире (контр-адмирал синего флага).

Лето — большой прием в новой вилле Кохрейнов (ХанOVER Лодж, в лондонском Регенте Парк).

Кохрейн переписывается с английским инженером Марком Брюнелем; они обсуждают пути улучшения паровых двигателей.

1834

Октябрь — неудачные испытания парового двигателя роторной конструкции (изобретение Томаса Кохрейна) с паровозом *Rocket* Джорджа Стефенсона.

Декабрь — директора железных дорог предлагают построить два роторных двигателя конструкции Томаса Кохрейна.

1835

Июнь — испытание локомотива с роторными двигателями конструкции Томаса Кохрейна.

Греческий король присваивает Кохрейну звание Великого командора ордена Спасителя Греции.

1838

Кохрейн выходит из проекта создания роторных двигателей для паровозов.

Кохрейн получает патент на улучшенные версии бойлеров парового двигателя и пропеллера для судов.

1844

Октябрь — Кохрейн сообщает, что высшее руководство Адмиралтейства выразило удовлетворение его двигателем.

Сконструированный Кохрейном и построенный на верфи в Чатаме фрегат-пароход *Янус* имел слишком низкую посадку — в штормовую погоду он мог затонуть.

1845

Испытания фрегата-парохода *Янус*, в итоге неудачные. Продажа виллы ХанOVER Лодж.

1847

Апрель — Томас Кохрейн публикует документ с описанием своих дел, достижений, допущенных в отношении него несправедливостей и заявляет о своих финансовых претензиях к правительствам Чили, Бразилии, Великобритании.

25 мая — сообщение в *The London Gazette* о присвоении вице-адмиралу графу Дандональду звания рыцаря Большого креста ордена Бани.

1848

17 марта — вице-адмирал красного флага Томас Кохрейн, назначенный главнокомандующим морскими станциями в Северной Америке и Западной Индии, поднимает свой флаг на мачте 74-пушечного корабля *Уэллесли*.

Следующие три года Кохрейн проводит в водах Северной Америки и Карибского бассейна.

1851 — 1860

10 июня 1851 г. — корабль *Уэллесли* прибывает в Портсмут.

11 июня 1851 г. — адмирал Томас Кохрейн спускает свой флаг.

Август 1851 г. — Кохрейн посещает Францию, встречается с женой.

Кохрейн продолжает технические исследования, получает ряд новых патентов, публикует «Заметки о минералогии, правительстве и условиях британских островов Западной Индии и Североамериканских морских колоний».

Правительство Чили частично удовлетворяет требования Кохрейна и соглашается выплатить ему 6000 фунтов стерлингов. От бразильского правительства адмирал получает 34 000 фунтов.

Кохрейн приобретает дом в Лондоне.

1857 г. — Кохрейн посещает выставку образцов новых промышленных изделий в Кристал Пэлас.

1857 г. — Кохрейн начинает писать автобиографию в содружестве с писателем и историком Джорджем Батлером Ирпом и секретарем Уильямом Джексоном.

1857 г. — Кохрейн становится адмиралом красного флага в британском флоте.

1859 г. — Кохрейн посещает жену в Булони.

1860 г. — врачи делают Томасу Кохрейну операции по удалению камней из почек.

31 октября 1860 г. — смерть Томаса Кохрейна, 10-го графа Дандональда.

14 ноября 1860 г. — торжественная церемония похорон Томаса Кохрейна в Вестминстерском аббатстве.

СПИСОК ИМЕН

Аберкромби сэр Ральф (1734 — 1801) — британский генерал-лейтенант, шотландец по происхождению (из древнего графского рода); в 1795 — 1797 годах возглавлял экспедиционную армию в Вест-Индии; в 1799 году участвовал в экспедиции в Голландию; в 1801 году командовал экспедиционной армией в Египте, был смертельно ранен в Александрийском сражении.

Аддингтон Генри (1757 — 1844) — виконт Сидмаут. британский государственный деятель. Премьер-министр Великобритании (1801 — 1804).

Александр I (1777 — 1825) — российский император (1801 — 1825), сын Павла I; в 1805 — 1807 годах был одним из активных организаторов 3-й и 4-й антифранцузских коалиций; после победы над Наполеоном проводил реакционную политику в Европе, был организатором «Священного союза».

Аллеман Захарий Жак Теодор (1762 — 1826) — французский адмирал, главнокомандующий эскадрой в Рошфоре, граф.

Альберт (1819 — 1861) — принц, супруг Виктории, королевы Великобритании.

Андрада Хосе Бонифацио де (1763 — 1838) — бразильский государственный деятель, ученый, поэт, педагог.

Байрон Джордж Гордон (1788 — 1824) — лорд, английский поэт-романтик; принимал участие в революционном антипапском и антиавстрийском движении (движении карбонариев в Италии); один из руководителей борьбы греческого народа против турецких завоевателей; заболел простудой и умер в местечке Миссолунги в Греции.

Бардет сэр Фрэнсис (1770 — 1844) — британский политический деятель, член парламента.

Бернадот Жан Батист Жюль (1763 — 1844) — князь Понте-Корво, французский маршал (1804); сын адвоката, выдвинулся во время революционных войн; не поддержал Наполеона во время переворота 18 — 19 брюмера (1799); в 1810 году был усыновлен шведским королем, правил в качестве регента, впоследствии (с 1818

года) — король Швеции Карл XIV Юхан; порвал с Наполеоном, принял участие в кампании 1813 года на стороне его врагов. Был женат на Дезире Клари — бывшей возлюбленной Наполеона.

Берри сэр Эдвард (1768 — 1831) — королевский морской офицер. Один из «братьев» (член *BandofBrothers*) адмирала Нельсона. Начал службу в 1779 году, был назначен лейтенантом в 1794 г., что было наградой за храбрость. В 1796 г. был назначен на линейный корабль Нельсона *Агамемнон* и быстро заслужил уважение капитана. Был представлен к званию командера (промежуточное звание между лейтенантом и капитаном). Ожидая назначения, попросил перевести его на новый корабль Нельсона *Капитан*. В феврале 1797 г. участвовал вместе с Нельсоном в сражении у мыса Сент-Винсент, его корабль взял на абордаж испанские корабли *Nicholasi SanJosef*. Будучи капитаном флагманского корабля адмирала Нельсона *Вэнгвард*, принял участие в битве при Абукире 1 — 2 августа 1798 г. В том же году получил рыцарское звание. Был назначен капитаном линейного корабля *Агамемнон* (любимого корабля Нельсона) и принял участие в битвах при Трафальгаре (1805) и Сан-Доминго (1806). Баронет (1806). Адмирал.

Бёрк Эдмунд (1729 — 1797) — британский политический деятель, парламентарий, публицист, идейный родоначальник британского консерватизма.

Блэквуд сэр Генри (1770 — 1832) — королевский морской офицер, капитан фрегата *Euryalus* в битве при Трафальгаре (1805). Вице-адмирал (1825).

Боливар Симон (1783 — 1830) — руководитель вооруженной борьбы за независимость испанских колоний в Америке. Родился в знатной креольской семье. Юность провел в Европе (Испания, Франция, Италия). Вернувшись на родину, принял активное участие в освобождении Венесуэлы от испанского владычества (1810) и провозглашении ее республикой (1811). Вскоре королевские войска начали контрнаступление на повстанческие отряды и нанесли им поражение. Боливар обосновался в Новой Гранаде (современная Колумбия). В 1813 г. его войска заняли Каракас и была создана 2-я Венесуэльская республика во главе с Боливаром. Однако в 1814 г. он потерпел поражение и был вынужден покинуть родину. В 1816 г. отряд Боливара вновь высадился на побережье Венесуэлы. Отмена рабства

(1816) и декрет о наделении солдат освободительной армии землей (1817) способствовали популярности Боливара. В 1819 г. его войска освободили Новую Гранаду, и Боливар был избран Президентом республики Великая Колумбия, в состав которой вошли Венесуэла и Новая Гранада. Завершив разгром главных испанских сил в Венесуэле (1821), армия Боливара освободила в 1822 г. провинцию Кито (современный Эквадор), присоединившуюся затем к Великой Колумбии. В 1824 г. Боливар разгромил испанские войска на территории Перу и в 1825 г. встал во главе образовавшейся в Верхнем Перу республики Боливия, названной в его честь. Стремясь к сплочению и объединению молодых латиноамериканских государств, Боливар созвал в Панаме континентальный конгресс (1826), однако не смог осуществить свои планы. Начавшиеся сепаратистские выступления привели к свержению власти Боливара в Перу и Боливии, создали угрозу отделения Венесуэлы и Кито от Колумбии. В 1830 г. Боливар ушел в отставку.

Баял сэр Александр Джон (1757 — 1809) — королевский морской офицер. Один из «братьев» (член *BandofBrothers*) адмирала Нельсона. Был назначен лейтенантом в 1778 году. В 1781 г. был переведен на *Sandwich*, флагманский корабль адмирала Родни. Участвовал в битве при Саинтесе (1782) и вскоре был назначен капитаном. После подписания Парижского мирного договора (1783) провел год во Франции, будучи на половинном жалованье, и встретил Нельсона. Назначен капитаном линейного корабля *Александр* в 1796 г. Получил приказ присоединиться к адмиралу Джервису, осуществлявшему со своим флотом блокаду испанского порта Кадис. В мае 1798 г. был направлен под начало Нельсона. Стал близким другом адмирала. Активный участник Абукирской морской баталии.

Позже принял участие в захвате Мальты и стал ее губернатором. Баронет (1801). Контр-адмирал (1805).

Брентон сэр Джахлил (1770 — 1844) — королевский морской офицер, баронет (1812), вице-адмирал.

Брюнель Марк Изамбар (1769 — 1849) — английский инженер французского происхождения. Самое известное его достижение — изобретение проходческого щита и постройка с его помощью туннеля под Темзой. Родился в Аквиле (Нормандия, Франция). В 1786 году поступил во французский флот и служил в Вест-Индии. Во Францию

вернулся в 1792 г., в разгар революции; как убежденный роялист, вынужден был эмигрировать в США. Работал инженером-строителем, в 1796 г. стал главным инженером Нью-Йорка, но вскоре уехал в Англию. Пытался заинтересовать британское правительство проектом внедрения механизации в строительство кораблей на стапелях. Этот проект, коренным образом изменивший технологию создания стапель-блоков, был претворен в жизнь в 1806 г. на верфи в Портсмуте. Позже Брюнель изобрел несколько пил с механическим приводом, трикотажную машину для вязки чулок, станок для копирования чертежей, гвоздильный станок. Занимался конструкциями мостов и переправ. В 1824 г. была создана компания для строительства по его проекту первого тоннеля под Темзой. Работы были закончены лишь в 1843 г., поскольку вода неоднократно прорывалась внутрь тоннеля. Так появился первый подводный путепровод длиной 365 метров, связавший левобережный и правобережный районы Лондона. В 1841 г. Брюнель был удостоен дворянского титула. Был вице-президентом Королевского лондонского общества наук.

Брюэйс (Брюэйс д'Эгаллье) Франсуа Поль (1753 — 1798) — французский вице-адмирал, из дворян; участник Египетской экспедиции генерала Бонапарта; героически погиб в сражении при Абукире 1 августа 1798 года, в котором его эскадра была разбита британской эскадрой адмирала Нельсона; получил тяжелейшие ранения, но отказался покинуть палубу и продолжал отдавать боевые приказы до последней минуты жизни.

Вандеут Джордж (ум. 1800) — королевский морской офицер, адмирал (1799).

Веллингтон — см. Уэллесли.

Виктория (1819 — 1901) — королева Великобритании с 1837 г. В 1876 г. была провозглашена императрицей Индии.

Вильнёв Пьер Шарль Жан Батист Сильвестр де (1763 — 1806) — французский вице-адмирал (1804), из дворян; во время сражения при Абукире 1 — 2 августа 1798 года занимал выжидательную позицию, не вступил в бой и после разгрома французской эскадры покинул бухту Абукир; эскадра под его командованием была разбита британской эскадрой адмирала Нельсона в сражении при Трафальгаре 21 октября 1805 года; попал в плен к англичанам, был позднее отпущен и покончил жизнь самоубийством на пути в Париж.

Виндхэм Уильям (1750 — 1810) — военный секретарь Великобритании в кабинете Питта (1794 — 1801), военный министр в кабинете Гренвилла (1806 — 1807).

Вордсворт Уильям (1770 — 1850) — английский поэт-романтик.

Гамбье Джеймс (1756 — 1833) — лорд, британский адмирал. Начал службу в 1767 году, был назначен лейтенантом в 1777 г., командером в 1778 г. Активный участник сражения Славное первое июня (1794) в качестве капитана корабля *Defence*. В сентябре 1807 г. провел варварскую бомбардировку Копенгагена. Адмирал флота.

Ганнибал (246/7 — 183 до н.э.) — полководец и государственный деятель Карфагена.

Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770 — 1831) — немецкий философ, один из создателей классической немецкой философии.

Георг III (1738 — 1820) — король Великобритании с 1760 года, активный организатор борьбы европейских монархий против Французской революции; с 1788 г. страдал умопомешательством.

Георг IV (1762 — 1830) — принц Уэльский, принц-регент Великобритании (1811 — 1820), король Великобритании (1820 — 1830).

Гилрей Джеймс (1757 — 1815) — английский рисовальщик и гравёр, карикатурист.

Гордон Томас (1788 — 1841) — британский офицер, генерал греческой армии во время войны за независимость, историк.

Гравина Федерико Карлос (1756 — 1806) — герцог, испанский адмирал, участник Трафальгарского сражения 21 октября 1805 года. Умер от ран, полученных в сражении.

Грей Чарльз (1764 — 1845) — граф, министр иностранных дел (1806 — 1807), премьер-министр Великобритании (1830 — 1834). В 1832 г. провел реформу избирательной системы страны.

Гренвилл Уильям (1759 — 1834) — лорд, министр иностранных дел в кабинете Питта, премьер-министр Великобритании (1806 — 1807).

Грехэм Мария (во втором браке леди Калкотт) (1785 — 1842) — английская писательница, автор книг путешествий и книг для детей, художница.

Гутри Джеймс (1780 — 1862) — хирург, член команды и друг Томаса Кохрейна.

Дакворт сэра Джон Томас (1748 — 1817) — королевский морской офицер. Начал службу в 1759 году, был назначен лейтенантом в 1771 г., командером в 1779 г. Участвовал в битве Славное первое июня (1794). В морском сражении при Сан-Доминго (1806) командовал британской эскадрой и одержал победу над французами. Адмирал (1810), баронет (1813). Получил свободу Лондонского Сити.

Дандас Генри (1742 — 1811) — виконт Мелвилл; занимал посты государственного секретаря по внутренним делам (1791 — 1794), военного секретаря Великобритании (1794 — 1801), первого лорда Адмиралтейства (1804 — 1805).

Дандональды — род шотландских графов.

Уильям Кохрейн, первый граф Дандональд (1605 — 1685).

Джон Кохрейн, второй граф Дандональд (1660 — 1690).

Уильям Кохрейн, третий граф Дандональд (1686 — 1705).

Джон Кохрейн, четвертый граф Дандональд (1687 — 1720).

Уильям Кохрейн, пятый граф Дандональд (1708 — 1725).

Томас Кохрейн, шестой граф Дандональд (1702 — 1737).

Уильям Кохрейн, седьмой граф Дандональд (1729 — 1758).

Томас Кохрейн, восьмой граф Дандональд (1691 — 1778).

Арчибальд Кохрейн, девятый граф Дандональд (1748/9 — 1831).

Томас Кохрейн, десятый граф Дандональд, маркиз Мараньяо (1775 — 1860).

Томас Варне Кохрейн, одиннадцатый граф Дандональд (1814 — 1885).

Дуглас Кохрейн, двенадцатый граф Дандональд (1852 — 1935).

Томас Кохрейн, тринадцатый граф Дандональд (1886 — 1958).

Дуглас Леонард Кохрейн, четырнадцатый граф Дандональд (1918 — 1986).

Александр Дуглас Блэр Кохрейн, пятнадцатый граф Дандональд (род. 1961).

Дарби сэра Генри д'Эстерре (1750 — 1823) — королевский морской офицер. Ирландец. Один из «братьев» (член *BandofBrothers*) адмирала Нельсона. Был назначен лейтенантом в 1776 г., командером в 1781 г., спустя два года капитаном (Post Captain). В битве при Абукире 1 — 2 августа 1798 г. его 74-пушечный линейный корабль *Беллерофон* принял удар 120-пушечного трехпалубного *Ориента*, понес большие людские потери, лишился всех мачт и покинул боевую линию. Дарби

получил тяжелое ранение в голову. Контр-адмирал (1804). Вице-адмирал (1810). Адмирал (1819). Кавалер ордена Бани (1820).

Дарвин Чарльз (1809 — 1882) — английский натуралист и путешественник, автор теории эволюции живых организмов.

Дафф Джордж (1764 — 1805) — королевский морской офицер, капитан британского корабля *Марс*, погиб в Трафальгарском сражении.

Джервис сэр Джон (1735 — 1823) — граф Сент-Винсент (1797), британский адмирал. Прошел все ступени флотской службы, в 1755 г. был произведен в лейтенанты. Участвовал в войне против восставших колоний Северной Америки. Командовал британской эскадрой в Вест-Индии с 1793 г. Главнокомандующий Средиземноморским флотом (1795 — 1799). 14 февраля 1797 г. разбил испанский флот в сражении у мыса Сент-Винсент, за что был удостоен титула графа. Его учеником и последователем был адмирал Горацио Нельсон. Отличался жестокостью при подавлении восстаний моряков. Командовал флотом Пролива. Первый лорд Адмиралтейства (1801 — 1804). Адмирал флота. Кавалер ордена Бани.

Диккенс Чарльз (1812 — 1870) — английский писатель, романист.

Зентено Хосе Игнасио (1786 — 1847) — политический и военный деятель Чили, министр по военным и морским делам, создатель чилийского флота.

Ибрагим-паша (1789 — 1848) — паша Египта, приемный сын Мухаммеда-Али.

Йорк Чарльз Филипп (1764 — 1834) — первый лорд Адмиралтейства (1810 — 1812) в правительстве Спенсера Персиваля.

Йоркский герцог (1763 — 1827) — сын короля Георга III, главнокомандующий британской сухопутной армией.

Кадудаль Жорж (1771 — 1804) — один из вождей восстания шуанов, действовавших в Западной Франции; готовил покушения на жизнь Наполеона, руководитель антинаполеоновского роялистского заговора (1803 — 1804), был схвачен и казнен.

Каннинг Джордж (1770 — 1827) — британский государственный деятель и дипломат. Окончил Оксфордский университет (1791). С 1793 г. член парламента. В 1796 — 1799 годах был помощником министра иностранных дел в кабинете Уильяма Питта Младшего. В 1807 — 1809 годах — министр иностранных дел. Будучи сторонником решительной борьбы с наполеоновской Францией, проводил курс на активную

финансово-дипломатическую и военную помощь Испании в войне с Наполеоном. В 1814 — 1816 годах был послом в Лиссабоне. Поддерживал репрессивные меры правительства лорда Ливерпула против демократического движения в стране; вместе с тем возглавил левых тори, выступавших за определенные уступки промышленной буржуазии. В 1822 г. стал влиятельным членом кабинета лорда Ливерпула, заняв пост министра иностранных дел. Добился проведения некоторых реформ (снижение таможенных пошлин на хлеб и сырье, облегчение экспорта промышленных товаров, смягчение уголовного законодательства). В 1823 г. Каннинг осудил французскую интервенцию в Испании, способствовал признанию английским правительством независимости бывших испанских колоний в Южной Америке. Выступал за автономию Греции, где в 1821 г. вспыхнуло восстание против турецкого гнета. С апреля 1827 г. — премьер-министр. Каннинг был против вооруженного вмешательства Российской империи в греческий конфликт, поскольку это могло повлечь за собой укрепление России на Балканах. В качестве альтернативного варианта он предлагал трехстороннее сотрудничество — России, Великобритании и Франции, чтобы добиться от турецкого султана приемлемых условий мира. Был инициатором проведения лондонской встречи представителей Великобритании, Франции и России по греческому вопросу. Итогом его усилий стала подписанная в июле 1827 года Лондонская конвенция, по которой Россия, Великобритания и Франция потребовали у турецкого султана предоставить Греции автономию при условии ежегодной выплаты дани. Отказ султана заставил европейские державы послать военный флот, который разгромил турок в Наваринском сражении (1827). Проявил себя энергичным и гибким руководителем внешней политики Великобритании.

Каподистрия Иоанн (1776 — 1831) — российский и греческий государственный деятель, министр иностранных дел России (1816 — 1822) и первый правитель независимой Греции (1827 — 1831). Был убит.

Каролина (Каролина Амалия Елизавета) (1768 — 1821) — супруга принца Уэльского, принца-регента Великобритании (1811 — 1820). Брак был несчастлив. Взойдя на трон в 1820 году под именем Георга IV, муж Каролины потребовал от нее воздерживаться от

использования титула королевы и не возвращаться в страну. Каролина отвергла эти требования и вернулась в Лондон при поддержке народа. На церемонию коронации в 1821 г. ее не пустили. Вскоре она умерла.

Каслри Роберт Стюарт (1769 — 1822) — виконт Каслри, маркиз Лондондерри; консервативный британский политик ирландского происхождения, военный министр в кабинете Питта (1805 — 1806) и кабинете герцога Портленда (1807 — 1809), министр иностранных дел (1812 — 1822). Представлял Великобританию на Венском конгрессе. Покончил жизнь самоубийством.

Каткарт (Шау Каткарт) Уильям (1755 — 1843) — граф, британский генерал и дипломат.

Кейт (Джордж Кейт Эльфинстоун, лорд Кейт) (1746 — 1823) — виконт, британский адмирал (1801). Начал службу в 1761 году, был назначен лейтенантом в 1770 г., капитаном (Post Captain) в 1775 г. Контр-адмирал (1794), кавалер ордена Бани (1794). Главнокомандующий Средиземноморским флотом (1799 — 1802); отказался ратифицировать конвенцию в Эль-Арише (1800), по которой находившиеся в Египте французские войска получали право эвакуироваться на родину с оружием, артиллерией и знаменами на своих и турецких судах^(*); в 1815 году руководил отправкой Наполеона на остров Святой Елены.

(*) Соглашение об эвакуации из Египта... Ст. 1. Французская армия будет отходить с оружием, багажом и другим имуществом... с тем чтобы погрузиться на свои собственные суда или другие корабли, которые, если потребуется, будут предоставлены Блистательной Портой, и направится во Францию... Ст. 2. Со дня подписания настоящего соглашения устанавливается трехмесячное перемирие... Ст. 3. Перевозка Французской армии будет осуществляться в соответствии с директивами специальных уполномоченных, назначенных для этой цели Блистательной Портой и Верховным главнокомандующим Клебером... Ст. 4. [Определяет сроки эвакуации]. Ст. 5. Город Каир будет оставлен, если возможно, на сороковой или, самое позднее, на сорок пятый день с момента ратификации настоящего соглашения. Ст. 6. Специально установлено, что Блистательная Порта примет все меры предосторожности, чтобы французские войска, занимающие позиции на западном берегу Пила, во время их возвращения в штаб-квартиру с оружием и снаряжением не были тревожимы... Ст. 7. В соответствии с предыдущей статьей и для предотвращения споров и антагонизмов будут приняты меры к тому, чтобы турецкие войска держались на значительном расстоянии от французских войск. Ст. 8. Как только настоящее соглашение будет ратифицировано, все

турецкие солдаты и воины других национальностей, являющиеся подданными Блистательной Порты, находящиеся в тюремном заключении или удерживаемые во Франции или французами в Египте, будут освобождены, и, соответственно, все французы, удерживаемые в городах и портах Оттоманской империи, так же как и сотрудники дипломатических миссий и консульств Франции любых национальностей, будут освобождены. Ст. 9. Возвращение имущества и собственности резидентам и подданным обеих сторон, или выплаты эквивалентных сумм упомянутым лицам, начнутся немедленно после эвакуации французов из Египта и будут управляться из Константинополя специальными уполномоченными... Ст. 10. Жители Египта, к какой бы религии они ни принадлежали, не будут подвергаться опасности в результате того, что они вступали в отношения с французами во время оккупации. Их имущество также не пострадает. Ст. 11. Французская армия получит от Блистательной Порты и монарших дворов ее союзников, Великобритании и России, паспорта и охранные свидетельства, необходимые для обеспечения ее возвращения во Францию. Ст. 12. Блистательная Порта и ее союзники обещают, что с момента погрузки Французской армии и до момента ее прибытия во Францию она не будет тревожима каким-либо образом... Ст. 13. Как следствие вышепредусмотренного трехмесячного перемирия, необходимого для эвакуации Французской армии из Египта, стороны согласны, что если в течение срока перемирия и без ведома капитанов стран-союзников какие-либо французские корабли придут в Александрию, то они должны немедленно уплыть, взяв воду и необходимые запасы... Ст. 14. Верховный главнокомандующий Клебер может одновременно послать курьера во Францию... Ст. 15. Принимая во внимание потребность Французской армии в провизии в течение трех месяцев ее эвакуации из Египта и трех последующих месяцев со дня завершения погрузки на суда, установлено, что она будет обеспечена [продуктами питания]... Ст. 16. Со дня ратификации настоящего соглашения, Французская армия не будет взимать какие-либо налоги в Египте... Ст. 17. Французская армия, которая должна понести расходы по эвакуации из Египта, получит нижеуказанные суммы в следующие сроки [далее указаны суммы и сроки]... Ст. 18. Суммы налогов, которые Французская армия может собрать после даты ратификации и до получения уведомления о заключении настоящего соглашения в различных частях Египта, будут вычтены из общей суммы... Ст. 19. Чтобы сделать возможной и осуществить эвакуацию, французские транспортные суда, в настоящее время находящиеся в египетских портах, в течение трех месяцев перемирия будут свободно плавать из Дамьетты и Розетты в Александрию и из Александрии в Розетту и Дамьетту. Ст. 20. Здоровье Европы требует самых строгих предохранительных мер, которые должны обеспечить нераспространение заболевания чумой. Ни один больной или подозреваемый в заболевании этой болезнью не ступит на борт судна.

Больные чумой или другой болезнью, которая делает невозможной их перевозку в течение времени погрузки на суда, останутся в госпиталях под защитой Его Высочества Великого Визиря и получают уход со стороны французских военных медиков... Ст. 21. Все проблемы, которые могут возникнуть и которые не были предусмотрены этим соглашением, будут решены в дружественной манере... Ст. 22. Этот договор вступит в силу только после соответствующих ратификаций... Составлено, подписано и скреплено печатями в лагере Эль-Ариш... 24 января 1800 года... *Перевод автора.*

Кёртис сэръ Роджер (1746 — 1816) — королевский морской офицер, баронет. Начал службу в 1762 году, был назначен лейтенантом в 1771 г., командером в 1776 г. Участник битвы Славное первое июня (1794) в качестве капитана флагманского корабля адмирала Ричарда Хау (Howe). Кавалер ордена Бани. Адмирал.

Клебер Жан Батист (1753 — 1800) — французский дивизионный генерал (1793). Родился в Страсбурге, получил два образования — учился строительству и архитектуре в Геннегау, затем окончил военную школу в Мюнхене. Клебер участвовал в войне за баварское наследство. Вернувшись к мирному труду, он получил место инспектора строений в родном Эльзасе. Началась революция, и опытный солдат стал гренадером Национальной гвардии. За успешную оборону Майнца Клебер был произведен в бригадные генералы, но, когда город был сдан врагу, героя отдали под суд. Он был оправдан, а затем направлен в Вандею, где шла гражданская война. Славные годы Клебера — время побед Северной, Самбро-Маасской и Рейнской армий. Он был на высоких постах — от комдива до командарма. В сражении при Флерюсе (1794) Клебер командовал войсками левого фланга армии. Будучи в той же роли, в 1796 году он победил при Альтенкирхене и Фридберге; затем некоторое время был не у дел. Участник Египетской экспедиции. При штурме Александрии (1798) был ранен в голову; Бонапарт назначил его комендантом города и провинции. Сменил генерала Дюгуа на посту командира дивизии и блестяще проявил себя во время Сирийской кампании 1799 г. Покидая Египет, Бонапарт назначил его своим преемником. Клебер был противником идеи колонизации Египта и подписал Эль-Аришскую конвенцию, согласно которой, французы должны были покинуть Египет в обмен на гарантии возвращения во Францию. Представитель Великобритании лорд Кейт не утвердил условий конвенции, и военные

действия возобновились. Клебер разбил турецкую армию при Гелиополисе, а затем подавил народное восстание. Был убит фанатиком 14 июня 1800 года.

Коббет Уильям (1763 — 1835) — британский публицист, памфлетист, политический деятель, историк. Подвергал резкой критике социальную и политическую систему Великобритании. По инициативе Коббета была начата публикация парламентских протоколов и протоколов важнейших судебных процессов. Коббет выступал в поддержку промышленных рабочих, живших в условиях жестокой эксплуатации и нищеты, и сельских тружеников. Огромная сила Коббета-публициста проявилась во времена массовой безработицы и упадка сельского хозяйства Великобритании после окончания войн с наполеоновской Францией. Его газета *WeeklyPoliticalRegister* выступала с резким осуждением насилия и требованиями парламентских реформ. В 1817 г. Коббет был под угрозой ареста и уехал в США (до 1819 г.). В Америке он писал труды, занимался фермерством, регулярно посылал материалы для *WeeklyPoliticalRegister*. Здесь он составил ставшую знаменитой *Грамматику английского языка* (*Grammar of the English Language*). С 1819 по 1835 год Коббет написал около 50 книг и памфлетов, наиболее известные из них: *Домашнее хозяйство*, *Советы молодым людям* (*Cottage Economy, Advice to Young Men*), капитальный труд *История протестантской реформации в Англии* (*The History of the Protestant Reformation in England, vol. 1 — 2, 1824 — 1827*) и принесшие автору широкую известность *Сельские прогулки* (*Rural Rides*). В своем основном историческом труде *История протестантской реформации в Англии* Коббет пришел к выводу, что главной причиной английской Реформации было стремление короля и его приближенных завладеть богатствами католической церкви. За год до смерти он выпустил свое *Завещание рабочим* (*A Legacy to Labourers, 1834*), оказавшее большое влияние на развитие общественной мысли. В нем Коббет доказывал полную неправомерность крупного землевладения, всецело основанного на насильственном захвате.

Кодрингтон сэр Эдвард (1770 — 1851) — королевский морской офицер. В Трафальгарском сражении (1805) командовал линейным кораблем *Орион*. Возглавлял британскую эскадру и объединенный

флот союзников в битве при Наварино (1827). Адмирал (1837). Кавалер ордена Бани.

Коллингвуд Катберт (1748 — 1810) — барон, королевский морской офицер. Начал службу в 1761 году, был назначен лейтенантом в 1775 г., командером в 1793 г. Заместитель адмирала Нельсона в Трафальгарском сражении, командовал одной из колонн, первым прорвал неприятельскую линию. Принял командование эскадрой после ранения Нельсона и довершил разгром франко-испанского флота. Вице-адмирал (1805). Главнокомандующий Средиземноморским флотом Великобритании (1805 — 1810).

Конгрив сэр Уильям (1772 — 1828) — британский технический изобретатель. Пионер ракетной артиллерии, изобретатель ракет, названных его именем, инициатор их боевого применения. Баронет.

Кохрейн сэр Александр Форрестер Инглис (1758 — 1832) — королевский морской офицер. Младший сын Томаса Кохрейна — 8-го графа Дандональда. В возрасте восьми лет начал службу во флоте и в 1778 г. был произведен в лейтенанты. В 1780 г. отличился в действиях при Мартинике, затем командовал кораблем в Вест-Индии. В 1782 г. вернулся в Англию. С 1793 г. участвовал в военных действиях против Франции, в 1801 г. — в высадке экспедиционного корпуса сэра Ральфа Аберкромби в Египте. Контр-адмирал (1804). Был назначен командиром эскадры, с которой блокировал Феррол; затем эскадра курсировала между Мадейрой, Барбадосом и Ямайкой; получил должность главнокомандующего на Подветренных островах. В феврале 1806 г. активно участвовал в морском сражении с французским флотом у Сан-Доминго и внес большой вклад в победу британцев. Кавалер ордена Бани. Получил свободу Лондонского Сити. Вице-адмирал (1809). В 1810 г. занял Гваделупу и до 1814 г. был ее губернатором. С 1814 г. командовал английскими военно-морскими силами в войне против США. Адмирал (1819). С 1821 г. командующий в Плимуте.

Кохрейн Арчибальд (1748/9 — 1831) — отец Томаса Кохрейна, 9-й граф Дандональд, шотландский дворянин, технический изобретатель.

Кохрейн Катерина Корбет Барнс (1796 — 1865) — жена Томаса Кохрейна, графиня Дандональд.

Кохрейн лорд Томас (1775 — 1860) — 10-й граф Дандональд (1831), маркиз Мараньяо, королевский морской офицер, член

парламента, технический изобретатель. Кавалер ордена Бани (1809 г., лишен награды в 1814 г., восстановлен в 1847 г.). Великий командор ордена Спасителя Греции.

Контр-адмирал синего флага (1832). Контр-адмирал белого флага (1837). Контр-адмирал красного флага (1838). Вице-адмирал синего флага (1841). Вице-адмирал белого флага (1846). Вице-адмирал красного флага (1848). Адмирал синего флага (1851). Адмирал белого флага (1853). Адмирал красного флага (1857). Контр-адмирал Соединенного королевства (почетный титул, 1854).

Кохрейн-Джонстон Эндрю (1767 — 1833) — дядя Томаса Кохрейна, военный, политик, авантюрист. Был обвинен судом в мошенничестве (1814).

Куинси Томас де (1785 — 1859) — английский писатель, эссеист, критик.

Кук Джон (1763 — 1805) — королевский морской офицер. Капитан британского корабля *Беллерофон* в Трафальгарском сражении, пал в бою.

Линуа, Дюран Линуа Шарль Александр Леон де (1761 — 1848) — французский адмирал, граф (1810). В 1776 г. поступил в Бресте во флот, служил на линейном корабле *Цезарь*. Участвовал в военных действиях у берегов Северной Америки. В 1779 г. был произведен в лейтенанты. В 1791 — 1794 годах плавал на различных кораблях у берегов Индии, в 1794 г. — у берегов Америки. В 1794 г. был произведен в капитаны 1-го ранга. В последующие годы был командиром кораблей *LaFormidable*, *Нестор*, *Жан Жак Руссо*, начальником штабов военно-морских сил. 6 июля 1801 г. отбил атаку британской эскадры под командованием контр-адмирала Сомареца при Алжесирасе, но несколько дней спустя Сомарец взял реванш. В январе 1802 г. был поставлен во главе эскадры (3 линейных корабля и 3 фрегата), направленной в Сан-Доминго. В январе 1803 г. был поставлен во главе эскадры (линейный корабль и 3 фрегата), направленной в Ост-Индию. Когда война возобновилась, вел операции на вражеских коммуникациях, нанося огромный ущерб английской экономике. Возвращаясь во Францию и имея линейный корабль и фрегат, столкнулся с английской эскадрой вице-адмирала Уоррена. После тяжелого боя был взят в плен (1806). Освобожден в 1814 году и в апреле вернулся во Францию. С июня 1814 г. — губернатор

Гваделупы. Во время *Ста дней* присоединился к Наполеону, но после поражения императора сдался англичанам (10 августа). В марте 1816 г. был отдан под трибунал, но популярность и авторитет Линуа были настолько велики, что приговор не был вынесен, а сам он остался губернатором Гваделупы. Контр-адмирал (1799). В 1825 г. был произведен в вице-адмиралы.

Лоу сэр Хадсон (1769 — 1844) — британский генерал, губернатор острова Святой Елены во время ссылки Наполеона.

Луи сэр Томас (1758? — 1807) — королевский морской офицер. Один из «братьев» (член *BandofBrothers*) адмирала Нельсона. Начал службу в 1769 году, был назначен лейтенантом в 1777 г., командером в 1781 г. Капитан линейного корабля *Minotaur*, участник битвы при Абукире 1 — 2 августа 1798 г., заслужил сердечную благодарность Нельсона. В марте 1805 г. был послан в район Тулона и присоединился к эскадре Нельсона, однако не принимал участия в битве при Трафальгаре. Участник битвы при Сан-Доминго (1806), боевых действий в проливе Дарданеллы в 1807 г. Баронет (1806). Контр-адмирал. Умер, находясь на службе.

Людовик XVI (1754 — 1793) — король Франции (1774 — 1792); в начале правления пытался проводить реформы; в июне 1791 года, будучи заложником революционной власти, бежал вместе с семьей, но в Варение был задержан и возвращен в Париж; в 1791 г. принес присягу новой конституции; тайно вел переговоры с иностранными государствами и французскими эмигрантами; был свергнут с престола в результате народного восстания 10 августа 1792 года и гильотинирован 21 января 1793 года.

Малгрейв, Генри Фиппс (1755 — 1831) — граф Малгрейв, британский политический и военный деятель, министр иностранных дел (1805 — 1806), первый лорд Адмиралтейства (1807 — 1810). 1-й граф Малгрейв и 1-й виконт Норманби в Соединенном королевстве (1812), 1-й барон Малгрейв в Великобритании (1794), 3-й барон Малгрейв из Нью-Росса в Ирландии (1792), генерал (1809). Малгрейв получил образование в Итоне и в 1775 г. начал службу в 1-м гвардейском полку. В 1778 г. он получил чины лейтенанта и капитана. С 1779 г. — майор 85-го пехотного полка, с 1780 г. — подполковник 88-го полка Коннаутских рейнджеров. В 1782 г. он был переведен в 45-й полк. Служил в Северной Америке, Вест-Индии, Голландии. Член

палаты общин от Тотнеса, затем — от Скарборо. В 1790 г. он был произведен в полковники и в 1793 г. стал командиром 31-го пехотного полка. В сентябре 1793 г. Малгрейв был направлен в эскадру адмирала Худа и сразу же был назначен командиром бригады (3 пехотных полка) в ранге бригадного генерала. Принимал участие в тулонской операции; передал командование и вернулся домой. В 1794 г. Малгрейв занял место в палате лордов. В 1794 г. он стал генерал-майором, в 1801 г. — генерал-лейтенантом. С 1796 г. — губернатор Скарборо-Касл. В 1799 г. он был направлен со специальной миссией к эрцгерцогу Карлу в Цюрих, затем посетил лагерь А.В. Суворова в Италии. В 1801 г. отклонил предложенный ему пост главнокомандующего в Ирландии, чем поставил крест на своей военной карьере. Малгрейв был военным советником Питта и одним из наиболее влиятельных членов палаты лордов. После того как Питт в 1804 г. сформировал свой кабинет, Малгрейв стал канцлером герцогства Ланкастер, членом кабинета и Тайного совета. В январе 1805 г. он стал министром иностранных дел. Малгрейв — один из главных вдохновителей антифранцузской коалиции 1805 г. Автор «Оды на победу при Трафальгаре», которая была положена на музыку. 23 января 1806 г. умер Питт, и вскоре Малгрейв ушел в отставку. Он не получил портфеля в «министерстве всех талантов» лорда Гренвилла. В кабинете герцога Портленда в 1807 г. он занял пост первого лорда Адмиралтейства. Малгрейв был одним из главных инициаторов экспедиции в Данию в 1807 г. и организатором Вальхеренской экспедиции (1809).

Марриет Фредерик (1792 — 1848) — королевский морской офицер, писатель, автор приключенческих романов. Начал службу на фрегате *Имперьуз* под командованием Томаса Кохрейна; прошел путь от гардемарина до капитана. Технический изобретатель, художник. Доставил в Англию сообщение о смерти Наполеона Бонапарта; во время пребывания на острове Святой Елены сделал эскиз тела Наполеона на смертном одре, который был впоследствии опубликован.

Мартин сэр Джордж (1764 — 1847) — королевский морской офицер. Сын капитана флота, внук адмирала У. Роули. Службу начал в 1776 г. на корабле *Монарх*, которым командовал его дядя. В 1780 г. был произведен в лейтенанты. Плавал на Ямайку, Тобаго, участвовал в военных действиях в Вест-Индии, а также в Европе против франко-испанского флота. Принимал участие в Уэссанском, Гранадском и

других сражениях. В 1784 г. произведен в капитаны 1-го ранга. С 1795 г. командовал 74-пушечным кораблем *Неотразимый*. В сражении у мыса Сент-Винсент (1797) командовал частью эскадры адмирала Д. Джервиса. В 1800 г. отличился при блокаде острова Мальта (французский гарнизон Ла-Валетты в итоге капитулировал). В 1801 г. участвовал в экспедиции в Египет в составе эскадры адмирала Эльфинстоуна, лорда Кейта. С 1803 г. — командир корабля *Колосс* в Ла-Манше. В 1806 г. — 2-й командующий в Плимуте. В 1807 г. был переведен в Средиземное море, участвовал в блокаде Кадиса. В 1809 г. успешно отбил нападение французской эскадры, пытавшейся прорвать блокаду Тулона. В 1812 — 1814 годах — главнокомандующий в Тагусе. В 1824 — 1827 годах занимал пост главнокомандующего в Портсмуте. Контр-адмирал (1805). Вице-адмирал (1810). Адмирал (1821). Адмирал флота (1846). Кавалер ордена Бани.

Мену Жак Франсуа де (1750 — 1810) — граф (1808), дивизионный генерал (1793); в 1793 году подавлял восстание в Вандее; командовал дивизией французской армии в Египте; женился на египтянке и принял ислам под именем Абдаллах Жак; после убийства генерала Клебера 14 июня 1800 года стал главнокомандующим армией как старший из генералов; безоговорочно поддерживал колонизаторскую политику Бонапарта в Египте; в 1801 г. был разбит англичанами, в начале сентября капитулировал.

Метлэнд сэр Фредерик Льюис (1777 — 1839) — королевский морской офицер. Кавалер ордена Бани. Контр-адмирал. В 1815 г. был капитаном линейного корабля *Беллерофон*, когда на борт судна поднялся Наполеон Бонапарт и попросил политического убежища в Великобритании.

Миллер Ральф Виллетт (1762 — 1799) — королевский морской офицер. Один из «братьев» (член *BandofBrothers*) адмирала Нельсона. Родился в Нью-Йорке (США) и был послан в Англию в раннем возрасте. Поступил во флот. Был назначен лейтенантом в 1781 году. Служил на корабле адмирала Худа *Виктори* с 1793 г. и активно участвовал в акциях в районах Сан-Фиоренцо, Бастии, Кальви. В 1796 г. был назначен капитаном (Post Captain) и стал капитаном линейного корабля Нельсона *Captain*, В этом качестве участвовал в сражении у мыса Сент-Винсент (февраль 1797). В мае был переведен Нельсоном на корабль *Theseus* и в июле участвовал в неудачном штурме Санта-

Крус (о. Тенерифе). Участник битвы при Абукире 1 — 2 августа 1798 г., вместе с Сомарецем был ответственным за буксировку захваченных у французов судов. В декабре 1798 г. принимал участие в береговых операциях в Египте и Сирии. Погиб на борту своего корабля в результате случайного взрыва.

Митфорд Мэри Рассел (1787 — 1855) — английская писательница, автор драматических произведений.

Мюррей Джордж (1741 — 1797) — королевский морской офицер. Вице-адмирал. Этого морского офицера не следует путать с его полным тезкой — контр-адмиралом сэром Джорджем Мюрреем (1759 — 1819).

Наполеон I (Наполеон Бонапарт) (1769 — 1821) — император французов (1804 — 1814, 1815), король Италии, протектор Рейнского союза, медиатор Швейцарии; полководец, государственный и политический деятель, законодатель; родился в семье адвоката на острове Корсика; учился за казенный счет в военных школах Бриенна и Парижа; отличился в 1793 году при осаде Тулона, получил звание бригадного генерала; после термидорианского переворота (1794) был арестован, попал в опалу, пережил бедность; в 1795 г. был зачислен в топографическое отделение Комитета общественного спасения; по приказу правительства подавил роялистский мятеж в Париже 13 вандемьера (5 октября 1795 г.); в 1796 г. был назначен главнокомандующим Итальянской армией; блестяще провел кампанию, его армия разгромила пьемонтские и австрийские войска и захватила значительную часть Италии; в 1798 — 1799 годах провел кампанию в Египте и Сирии; отказался от планов завоеваний в Азии после снятия осады крепости Сен-Жан-д'Акр, вернулся из Сирии в Египет; отправился во Францию, организовал военный переворот 18 — 19 брюмера (9 — 10 ноября 1799 г.) и стал консулом (одним из трех), затем первым консулом Французской республики; был избран пожизненным консулом (в 1802 г., после подписания Амьенского мирного договора с Великобританией), затем императором французов (1804); руководил работой по составлению важнейших правовых документов (кодексов), создал централизованную систему управления и судебную; успешно провел военные кампании: вторую итальянскую (1800), в Баварии и Австрии (1805), в Пруссии и Польше (1806 — 1807), в Австрии (1809), в результате которых навязывал проигравшим

свою волю, добивался расширения границ империи французов и подписывал выгодные для нее мирные соглашения; в завоеванных странах вводил новые законы и систему управления; в Испании (1808) и в России (1812) не смог добиться желаемых политических результатов; отступил из России с колоссальными потерями; проиграл кампании 1813 и 1814 годов; 4 апреля 1814 г. отрекся от трона в пользу сына, а 6 апреля отрекся от престолов Франции и Италии за себя и своих наследников; получил во владение остров Эльба; в 1815 г. совершил смелую высадку во Франции с отрядом гвардейцев и вновь пришел к власти при поддержке народа; начал наступательную войну, победил прусскую армию в сражении при Линьи и потерпел поражение в битве при Ватерлоо, сражаясь против англо-голландских и немецких войск; вновь отрекся от трона в пользу сына и попросил политического убежища в Великобритании, надеясь на уважительный прием; был сослан на остров Святой Елены, где прожил около шести лет и умер; продиктовал обширные мемуары.

Неккер Жак (1732 — 1804) — швейцарский экономист и банкир; на протяжении ряда лет (1776 — 1781, 1788 — 1790) определял финансовую политику французского королевства; отец баронессы Жермены де Сталь (1766 — 1817), писательницы.

Нельсон сэр Горацио (1758 — 1805) — английский флотоводец; виконт Нельсон (1801), барон Нильский и Бернхем-Торпский (1798), герцог Бронте (1799, Неаполитанское королевство), вице-адмирал (1801). Сын приходского священника. Во флоте с двенадцати лет. В 1777 г. выдержал экзамен на чин лейтенанта, командовал бригом, затем фрегатом, с 1793 г. — линейным кораблем в составе эскадры адмирала Худа, действовавшей в Средиземном море в войне против Франции. При высадке на Корсике в 1794 г. потерял правый глаз, а в 1797 г. при штурме Санта-Крус (о. Тенерифе) — правую руку. В феврале 1797 г. участвовал в сражении у мыса Сент-Винсент, его корабль взял на abordаж два испанских корабля. За этот подвиг был награжден орденом Бани. С 1798 г. командовал эскадрой, направленной в Средиземное море для противодействия силам Бонапарта, начавшего экспедицию на Восток. Не смог помешать высадке французских войск у Александрии, однако 1 — 2 августа 1798 г. полностью разгромил вражеский флот при Абукире, отрезав армию Наполеона от метрополии. Помогал Неаполитанскому королевству в борьбе с

Францией, запятнав свое имя жестокой расправой с французскими пленными и итальянскими республиканцами. В 1801 г. был заместителем адмирала Хайд Паркера при военных действиях в Балтийском море. Одержал нерешительную победу при Копенгагене, но вынудил датчан принять свои политические условия (выход из Лиги вооруженного нейтралитета, направленной против Англии). В 1801 г. командовал эскадрой в Ла-Манше, предпринял неудачную атаку Булони. В 1803 — 1805 годах командовал Средиземноморским флотом. 21 октября 1805 года разгромил франко-испанский флот в сражении у мыса Трафальгар, был смертельно ранен вскоре после начала боя.

О'Мира Барри Эдвард (1786 — 1836) — врач британского флота и лечащий врач Наполеона на острове Святой Елены. Ирландец по происхождению. Обвинял Хадсона Лоу, губернатора острова, в бесчеловечном обращении с Наполеоном.

Остин Джейн (1775 — 1817) — английская писательница, автор романов.

Остин сэр Фрэнсис Уильям (1774 — 1865) — королевский морской офицер, брат писательницы Джейн Остин. Кавалер ордена Бани. Адмирал.

О'Хиггинс Бернардо (1776/8 — 1842) — один из руководителей вооруженной борьбы за независимость испанских колоний в Америке, государственный и военный деятель Чили. Получил образование в Перу и Великобритании. Вернувшись в Чили (1802), включился в движение за освобождение страны от испанского колониального ига. Занимал пост губернатора г. Чильян, был депутатом Национального конгресса (1811), входил в правительственную хунту (1811 — 1814). В 1813 — 1814 годах — главнокомандующий войсками патриотов. В 1814 г. присоединился к освободительной армии генерала Сан-Мартина и вместе с ним разбил испанцев при Чакабуко (февраль 1817 г.). Возглавлял правительство Чили в качестве верховного правителя в 1817 — 1823 годах. Подписал Декларацию независимости Чили (январь 1818 г.), упразднил колониальные налоги, основал государственные начальные школы. Под давлением консервативных кругов из землевладельческой олигархии и верхушки церкви вынужден был уйти в отставку (1823). Эмигрировал в Перу, где умер в бедности.

Пальмерстон, Генри Джон Темпл (1784 — 1865) — лорд Пальмерстон, британский государственный деятель. Министр

иностранных дел (1830 — 1834, 1835 — 1841, 1846 — 1851), премьер-министр Великобритании (1855 — 1858, 1859 — 1865).

Педро I (1798 — 1834) — император Бразилии (1822 — 1831).

Пейтон Джон (ум. в 1809 г.) — королевский морской офицер. Представитель семейства Пейтонов, многие члены которого служили во флоте. Один из «братьев» (член *Band of Brothers*) адмирала Нельсона. Был назначен лейтенантом в 1772 г., командером в 1782 г., год спустя капитаном (Post Captain). Капитан линейного корабля *Defence* в битве при Абукире 1 — 2 августа 1798 г. Команда его корабля понесла сравнительно небольшие потери в сражении — 4 человека убитыми и 11 ранеными. Контр-адмирал (1805).

Питт Уильям Младший (1759 — 1806) — государственный и политический деятель Великобритании, премьер-министр в 1783 — 1801, 1804 — 1806 годах. Лидер партии консерваторов. В 1773 г. Питт поступил в Кембриджский университет, но проблемы со здоровьем вынудили его воспользоваться дворянской привилегией и получить степень без экзаменов (1776). Впоследствии он изучал юриспруденцию и получил право на адвокатскую практику, но оставил это занятие, выбрав политическую карьеру. Питт был избран в палату общин от избирательного округа Эплби и 23 января 1781 г. впервые участвовал в заседании палаты. Война за независимость североамериканских колоний привела к падению правительства лорда Норта в марте 1782 г. Виги Рокингем и Шелбурн сформировали кабинет во главе с маркизом Рокингемом. В июле, после смерти Рокингема, король Георг III пригласил графа Шелбурна реорганизовать правительство, из-за чего сторонники Рокингема перешли в оппозицию, а Питт стал канцлером казначейства. В 1783 г. объединенными усилиями Чарльза Джеймса Фокса и лорда Норта правительство было смещено, и после упорной борьбы король был вынужден согласиться с созданием коалиционного кабинета Фокса и Норта, в который вошли и «старые тори», и «новые виги». В декабре 1783 г. под давлением короля палата лордов провалила предложенный кабинетом билль о контроле над деятельностью Ост-Индской компании, что вызвало отставку правительства. С просьбой сформировать новый кабинет король обратился к Пипу. Питт согласился, несмотря на то что был поддержан только меньшинством в палате общин. Потерпев ряд поражений в ходе голосований, Питт в

марте 1784 г. распустил парламент. В 1784 г. Питт внес законопроект об управлении Ост-Индской компанией и британскими владениями в Индии, который был принят парламентом. Ост-Индская компания подчинялась теперь специальному совету, назначаемому королем, а не парламентом, как ранее настаивал Фокс. Как реформатор Питт смог достичь немногого, но как министр финансов он действовал значительно более успешно: улучшил условия государственного кредитования с помощью жестких бюджетных мер, развернул борьбу с контрабандой и другими нарушениями закона, заключил с Францией торговый договор (1787) о взаимном снижении пошлин. В сфере внешней политики Питт положил конец дипломатической изоляции Великобритании и ослабил позиции Франции, заключив в 1788 г. оборонительный союз с Пруссией и Нидерландами. После начала Французской революции Питт был сторонником установления во Франции конституционной монархии. 1 февраля 1793 г. Франция объявила войну Великобритании. Причинами ответного объявления войны стали казнь Людовика XVI, французская оккупация австрийских Нидерландов (современная Бельгия) и возникшая опасность для северных Нидерландов, с которыми у Великобритании был заключен договор о взаимопомощи. Внутри страны деятельность реформаторов, на которых правительство смотрело с не меньшей неприязнью, чем на французских якобинцев, сдерживалась суровыми мерами репрессивного характера: действие закона о неприкосновенности личности было приостановлено, а права на публичные митинги ограничены. В 1798 г. Питт подавил мятежных ирландцев, стремившихся добиться независимости при поддержке Франции. Питт, которого летом 1798 г. друзья и коллега находили «серьезно» или «очень» больным, начал создавать новую коалицию европейских держав против революционной Франции. Для этого он нуждался в деньгах и должен был изыскивать возможности увеличения налоговых поступлений. Прошли времена, когда он придумывал налоги на черепицу, окна или пудру для волос, что давало сравнительно небольшие денежные доходы. 39-летний премьер-министр обязан был изыскать простой, надежный и приемлемый способ извлечения десяти миллионов фунтов стерлингов в год. Его финансовый гений и политическая воля позволили сделать революцию в области налогообложения: в стране, где проживали многие тысячи

граждан с высокими доходами, Питт вводит *подходный налог*. 3 декабря 1798 года в своей речи о бюджете, которая продлилась два с половиной часа, Питт объяснил новую идею. Он привел данные о доходах различных секторов экономики, суммировал их и получил величину, равную 102 миллионам фунтов стерлингов; если установить ставку налога в 10 процентов, то это даст искомые 10 миллионов. Он предложил не облагать налогом доходы менее 60 фунтов стерлингов в год, установить ставку 5 % на доходы от 60 до 200 фунтов стерлингов и 10 % на доходы свыше 200 фунтов стерлингов. Предложения Питта обсуждались некоторое время. Альтернативы им не было, и вскоре палата общин одобрила новую систему. После окончания войны в 1802 году этот налог был отменен. Только в середине XIX столетия правительство Роберта Пиля вновь ввело его на постоянной основе. Подписав Акт об унии с Ирландией (1800), Великобритания существенно упрочила свое положение. Ирландские католики поддержали союз, привлеченные смутными обещаниями реформ, которые позволили бы им занимать правительственные посты и становиться членами парламента. Но попытка Питта выполнить эти обещания привела к отставке кабинета (1801). Сформировать правительство было поручено Генри Аддингтону, спикеру палаты общин и противнику закона об эмансипации католиков. Питт заверил Аддингтона в своей полной поддержке. Он дал обещание королю не поднимать католический вопрос. Кабинет Аддингтона заключил мир с Францией в Амьене (1802), и хотя Нидерланды не удалось вывести из-под контроля Франции, Питт приветствовал соглашение как в высшей степени выгодное для страны. Однако в мае 1803 г. война с Францией возобновилась. Аддингтон, проявивший слабость в качестве военного лидера, быстро потерял поддержку в палате общин и был вынужден уйти в отставку. Король вернул Питта в офис на Даунинг-стрит (май 1804 г.). Второй кабинет Питта оказался слабее первого. Намерения премьер-министра усилить правительство для более энергичного ведения войны натолкнулись на сопротивление со стороны короля, который отказался включить в состав кабинета своего бывшего врага Фокса, в результате чего виги остались в оппозиции. Военные предприятия Питта закончились полным провалом. Слава морской победы при Трафальгаре (21 октября 1805 г.) померкла после разгрома британских союзников армией Наполеона. Пруссия, склонявшаяся на

сторону союзников, заключила мирное соглашение с Францией. Психологические нагрузки подорвали и без того слабое здоровье Питта. Он умер 23 января 1806 года. Питт — подлинный вдохновитель и организатор антифранцузских коалиций европейских держав. Он был великим финансистом, но война стоила так дорого, что ему пришлось отказаться от всех проектов финансовой реформы и увеличить налогообложение; кроме того, он был вынужден прибегать к внешним займам, что привело к росту внешнего долга. Питт многое сделал для усиления статуса премьер-министра Великобритании.

Питт Уильям Старший (1708 — 1778) — граф Чатам, британский государственный и политический деятель, дипломат. Определял военную стратегию в годы Семилетней войны, внес огромный вклад в становление Великобритании как мировой колониальной империи. Глава правительства Великобритании (1766 — 1768).

Пигиегрю Шарль (1761 — 1804) — французский военный и политический деятель, дивизионный генерал. Успешно командовал революционными армиями. Вступил в связь с эмигрантами-роялистами и был освобожден от командования. Председатель Совета пятисот при Директории. После переворота 18 фрюктидора (4 сентября 1797 года), направленного против монархистов, был сослан в Кайенну, откуда бежал в Англию. В 1803 — 1804 годах участвовал в заговоре против Наполеона. Был арестован, заключен в тюрьму, где его нашли мертвым.

Покок Николас (1740 — 1821) — британский художник-маринист, известный своими картинами морских сражений эпохи парусного флота.

Портленд, Уильям Генри Кавендиш Бентинк (1738 — 1809) — герцог Портленд, премьер-министр Великобритании (1783, 1807 — 1809).

Райт Джон Уэсли (1769 — 1805) — королевский морской офицер, британский разведчик. Попал в плен к французам в 1804 г., через неделю после Трафальгарского сражения был найден мертвым в тюремной камере.

Розбери, Арчибальд Филип Примроз (1847 — 1929) — граф Розбери, государственный и политический деятель Великобритании. Министр иностранных дел (1886, 1892 — 1894), премьер-министр

(1894 — 1895). Писатель, автор биографий Уильяма Питта Старшего, Уильяма Питта Младшего, Наполеона I.

Сан-Мартин Хосе де (1778 — 1850) — аргентинский генерал, один из руководителей вооруженной борьбы за независимость испанских колоний в Америке. Национальный герой Аргентины. Родился в семье капитана испанской армии. Получил военное образование в Мадриде. В 1808 — 1812 годах участвовал в освободительной войне испанского народа против французских оккупантов. В 1812 г. вернулся на родину. В 1814 г. был назначен командующим Северной армией аргентинских патриотов, боровшихся против испанских колонизаторов. В 1816 г. после провозглашения независимости Объединенных провинций Ла-Платы (с 1826 г. — Аргентины) стал главнокомандующим Андской армией. Совершил труднейший переход через Анды в Чили. В битвах при Чакабуко (февраль 1817 г.) и Майпу (апрель 1818 г.) разбил испанские войска, в результате чего Чили получила независимость. В 1820 — 1821 годах совершил поход в Перу, изгнал оттуда испанцев и провозгласил независимость Перу. В качестве протектора возглавил первое правительство Перу, которое провело ряд реформ, укрепивших экономическое и военное положение страны. После встречи с Симоном Боливаром в Гуаякиле (июль 1822 г.), во время которой Боливар отклонил предложение Сан-Мартина о совместном выступлении их армий, отошел от военной и политической деятельности и уехал во Францию.

Сент-Винсент — см. Джервис.

Сидней Смит сэръ Уильям (1764 — 1840) — королевский морской офицер; участник русско-шведской войны 1788 — 1790 годов (на шведской службе); в 1793 г. участвовал в военных действиях в Тулоне, сжег французские корабли и уничтожил арсенал; в 1799 г. командовал английской эскадрой и помог турецкой армии отстоять крепость Сен-Жан-д'Акр в Сирии во время ее осады французской армией генерала Бонапарта; в июле 1799 г. участвовал в высадке турецкой армии в Абукире; в январе 1800 г. выступил посредником при заключении конвенции в Эль-Арише между французами и турками, согласно которой, французские войска получали право эвакуироваться на родину с оружием, артиллерией и знаменами на своих и турецких судах, однако адмирал Эльфинстоун (лорд Кейт) отказался

ратифицировать договор; в 1801 г. участвовал в высадке британского экспедиционного корпуса под командованием сэра Ральфа Аберкромби в Египте; был произведен в контр-адмиралы (1805) и получил командование над эскадрой в составе Средиземноморского флота. Он видел свою задачу в том, чтобы противодействовать дальнейшей экспансии Наполеона: «Хорошо зная Бонапарта, я могу легко представить его жажду реализовать планы овладения Константинополем и марша на Индию... Все это он может сделать, если не получит отпора... потребуются гигантские усилия, чтобы оттеснить их от Геллеспонта и Босфора, если они там утвердятся. Осмелюсь сказать, Геркулесовы усилия»^[120]. В 1807 году Сидней Смит с отличием участвовал в акции адмирала Джона Дакворта в Дарданеллах. Провел эвакуацию португальского королевского двора и португальского флота в Бразилию, в 1808 — 1809 годах командовал морскими станциями в Южной Америке. Вице-адмирал (1810). Вернулся в Средиземное море. В конце войны боролся с морским пиратством, блокировал город Алжир; в 1814 г. вернулся в Англию. В 1815 г. по собственной инициативе направился в расположение армии герцога Веллингтона и принял участие в битве при Ватерлоо. Он появился на поле сражения в гражданской одежде, взял шпагу у павшего офицера и вступил в схватку; после окончания битвы нашел Веллингтона и поздравил его с победой. Адмирал (1821). Умер в Париже и был похоронен на кладбище Пер-Лашез. Тело было возвращено в «Юнион Джек».

Скотт Вальтер (1771 — 1832) — английский писатель-романтик, поэт, историк, шотландец по происхождению. Создатель жанра исторического романа.

Сомарец сэр Джеймс (1757 — 1836) — королевский морской офицер. Барон де Сомарец (1831). Один из «братьев» (член *BandofBrothers*) адмирала Нельсона. Начал службу в 1767 году, был назначен лейтенантом в 1775 г., командером в 1781 г. Захватил корабль *Реюньон* в 1793 г. В феврале 1797 г. участвовал в сражении у мыса Сент-Винсент. Старший капитан на корабле *Orion* в битве при Абукире 1 — 2 августа 1798 года, заместитель Нельсона. Был награжден Лондонским Сити за героизм, проявленный в обеих битвах. Контр-адмирал (1801). 6 июля атаковал французскую эскадру у Алжесираса, потерпел неудачу; спустя несколько дней атаковал

франко-испанский флот и одержал победу. Стал кавалером ордена Бани и получил свободу Лондонского Сити. Вице-адмирал (1807). В 1808 — 1812 годах — главнокомандующий эскадрой в Балтийском море на флагманском корабле *Викторы*. Проявил дипломатические способности и заслужил уважение шведов, позволив им выдержать давление Наполеона. Адмирал (1814). Вице-адмирал Соединенного королевства.

Спенсер Джордж Джон (1758 — 1834) — граф, первый лорд Адмиралтейства (1794 — 1801).

Спенсер Персиаль (1762 — 1812) — государственный деятель, премьер-министр Великобритании (1809 — 1812). Был убит.

Стендаль, Мари Анри Бейль (Фредерик Стендаль) (1783 — 1842) — французский писатель, государственный служащий, дипломат.

Стефенсон Джордж (1781 — 1848) — английский изобретатель, инженер-механик.

Стопфорд сэр Роберт (1768 — 1847) — королевский морской офицер. Начал службу в 1780 году, был назначен лейтенантом в 1785 г., командером в 1789 г. Участвовал в битве Славное первое июня (1794), в битве при Сан-Доминго (1806). Кавалер ордена Бани. Адмирал.

Стюарт Дуталд (1753 — 1828) — шотландский философ и математик, профессор моральной философии университета в Эдинбурге.

Томпсон сэр Томас Боулден (1766 — 1828) — королевский морской офицер. Один из «братьев» (член *BandofBrothers*) адмирала Нельсона. Начал службу в 1778 году, был назначен лейтенантом в 1782 г., командером в 1786 г., капитаном (Post Captain) в 1790 г. В течение следующих шести лет был без работы. Участвовал в неудачном штурме Санта-Крус (о. Тенерифе) в 1797 г., был ранен в руку. Капитан 50-пушечного корабля *Leander* в битве при Абукире 1 — 2 августа 1798 г., сражался с отличием. Нельсон направил *Leander*, чтобы сообщить соотечественникам о победе. Корабль был атакован одним из французских судов, уцелевших в Абукирском сражении (*Женерё*). Томпсон был ранен и сдался в плен. Позже вернулся на родину в результате обмена пленными и получил рыцарское звание. Принял участие в битве при Копенгагене (1801). Его корабль *Беллона* сел на мель, а Томпсон потерял ногу. После этого не выходил в море.

Контролер военно-морских сил (1806). Баронет (1806). Контр-адмирал (1809). Вице-адмирал (1814).

Трoубридж, сэр Томас (1758 — 1807) — королевский морской офицер. Один из «братьев» (член *BandofBrothers*) адмирала Нельсона. Начал службу в 1773 году, был назначен лейтенантом в 1781 г., командером в 1782 г., затем капитаном (Post Captain). Встретил Нельсона, когда обоим было по 15 лет, и стал его близким другом. Кульминация их дружбы — славные дела 1797 — 1798 годов. В феврале 1797 г. Трoубридж вел британский флот в атаку в сражении у мыса Сент-Винсент. Активно участвовал в неудачном штурме Санта-Крус (о. Тенерифе). Перед началом Абукирского морского сражения в 1798 г. его линейный корабль *Каллоден* сел на мель вблизи побережья и не принимал участия в битве. Активно участвовал в событиях в Неаполе и Сицилии, проявил жестокость, выполняя приказы Нельсона. В 1801 г. был назначен лордом Адмиралтейства, и их отношения с Нельсоном испортились. Баронет (1799). Контр-адмирал (1804). Главнокомандующий флотом в Восточной Индии (1805). Погиб в феврале 1807 г., когда его флагманский корабль затонул.

Уайтбрэд Сэмюэл (1758 — 1815) — британский политический деятель. Пивовар. Поклонник Наполеона. Покончил жизнь самоубийством.

Уильям IV (1765 — 1837) — герцог Кларенский, король Великобритании (1830 — 1837).

Уэллсли Артур (1769 — 1852) — герцог Веллингтон, полководец, фельдмаршал, государственный деятель Великобритании, дипломат; успешно командовал британскими войсками в Индии; во время войны на Пиренейском полуострове (1808 — 1813) одержал множество побед над видными французскими военачальниками; в 1815 г. успешно противостоял маршалу Нею в сражении при Катр-Бра и Наполеону в сражении при Ватерлоо, что привело к выигрышу кампании; премьер-министр Великобритании (1828 — 1830), министр иностранных дел (1834 — 1835).

Уэллсли-Поул Уильям (1763 — 1845) — граф Морнингтон, британский политический деятель и государственный служащий. Секретарь Адмиралтейства (1807 — 1809).

Уэльский принц — см. Георг IV.

Фавье Шарль Николая (1782/3 — 1855) — барон, французский политический деятель, ветеран войн наполеоновской империи. Потерял ногу в Бородинском сражении. Активный участник войны за освобождение Греции.

Фишлэй Джордж (1799 — 1875) — шотландский историк. Присоединился к Байрону во время войны за независимость Греции, служил в штабе у генерала Томаса Гордона. Написал работы по истории Греции и Византийской империи.

Фокс Чарльз Джеймс (1749 — 1806) — государственный и политический деятель Великобритании либерального направления, секретарь по иностранным делам (1782, 1783), министр иностранных дел в «министерстве всех талантов» (1806).

Фоли сэра Томас (1757 — 1833) — королевский морской офицер. Один из «братьев» (член *BandofBrothers*) адмирала Нельсона. Начал службу в 1770 году, был назначен лейтенантом в 1778 г., командером в 1782 г. Был капитаном корабля вице-адмирала сэра Чарльза Томпсона в сражении у мыса Сент-Винсент в феврале 1797 года. В Абукирском морском сражении (1798) его корабль *Голиаф* совершил рискованный проход между вражеской линией и берегом, положив начало осуществлению плана комбинированной атаки кораблей французской эскадры. Этот маневр был ключом к успеху англичан. В 1801 г. — капитан флагманского корабля адмирала Нельсона *Elephant*, в этом качестве принял участие в битве при Копенгагене. В 1803 г. Нельсон предложил ему вновь стать капитаном флагманского корабля, но Фоли отказался ввиду плохого состояния здоровья. Контр-адмирал (1808), вице-адмирал (1812), адмирал (1825). Кавалер ордена Бани (1815).

Фремантл сэра Томас Фрэнсис (1765 — 1819) — королевский морской офицер. Один из «братьев» (член *BandofBrothers*) адмирала Нельсона. Начал службу в 1777 году, был назначен лейтенантом в 1782 г. В 1793 г. был назначен командером и следующие четыре года провел под началом Нельсона, который был очень высокого мнения о его профессиональных качествах. В 1794 г. вместе с Нельсоном участвовал во взятии Бастии (Корсика). Проявил героизм и профессионализм при захвате французского двухпалубного корабля *QaIрав* 1795 г. Был тяжело ранен в 1797 г. при штурме Санта-Крус (о. Тенерифе). Участник битвы при Копенгагене (1801). В битве при Трафальгаре командовал линейным кораблем *Neptune* — третьим по

счету кораблем в боевой линии флотилии Нельсона. В 1806 г. был назначен на должность в Адмиралтействе. Служил в Средиземном море. Стал главнокомандующим Средиземноморским флотом в 1818 году. Кавалер ордена Бани. Вице-адмирал.

Фугие Жозеф (1759 — 1820) — французский политический и государственный деятель, герцог Отрантский; происходил из зажиточной буржуазной семьи; был священником и преподавателем, примкнул к революции, сложил священнический сан, был членом и комиссаром Конвента, проводил политику революционного террора; участник термидорианского переворота (1794); в эпоху Директории сблизился с крупными спекулянтами, банкирами и заложил основы своего богатства; при Директории и при Наполеоне — министр полиции; организатор системы политического шпионажа; в 1814 году перешел на сторону Бурбонов, затем вновь на сторону Наполеона, вернувшегося с Эльбы: был его министром полиции; после битвы при Ватерлоо вновь перешел на сторону Бурбонов; был членом временного правительства, а затем возглавил его; изгнанный из Франции в числе голосовавших за казнь Людовика XVI, умер в Триесте под надзором австрийской полиции.

Хайд Паркер сэр (1739 — 1807) — британский адмирал.

Халлоуэл Бенджамин, Карью сэр Бенджамин Халлоуэл (1760/1 — 1834) — королевский морской офицер. Канадец, поступивший на британский флот во время американской Войны за независимость. Один из «братьев» (член *BandofBrothers*) адмирала Нельсона. Участник сражения при Саинтесе (1782). В 1793 г. был назначен капитаном (Post Captain). Служил в Средиземном море и встретил Нельсона, вместе с ним штурмовал Кальви (Корсика) в 1794 г. В феврале 1797 г. участвовал в сражении у мыса Сент-Винсент в качестве волонтера на корабле *Викторы*. Капитан линейного корабля *Свифтгуур* в битве при Абукире 1 — 2 августа 1798 года. Подарил Нельсону гроб, сделанный из дерева главной мачты французского флагманского корабля *Ориент*. Служил с Нельсоном в Средиземном море в 1803 — 1805 годах, принимал участие в погоне за франко-испанским флотом в Вест-Индии, но не участвовал в битве при Трафальгаре. Кавалер ордена Бани. Контр-адмирал (1811). Вице-адмирал (1819). Адмирал (1830).

Хаит Генри (1773 — 1835) — британский политик, оратор и агитатор.

Харви сэр Элиаб (1758 — 1830) — королевский морской офицер. Кавалер ордена Бани. Контр-адмирал (1805), вице-адмирал (1810), адмирал (1819).

Харди сэр Томас Мастерман (1769 — 1839) — королевский морской офицер. Один из «братьев» (член *BandofBrothers*) адмирала Нельсона. Начал службу в 1781 году, был назначен лейтенантом в 1793 г. В феврале 1797 г. участвовал в сражении у мыса Сент-Винсент. В 1798 г. командовал бригам *Murine*, присоединился к флоту Нельсона. Участник Абукирской морской баталии. Стал капитаном флагманского корабля адмирала Нельсона *Вэнгвард*, сменив Эдварда Берри. До октября 1799 г. служил на флагманском корабле адмирала Нельсона *Foudroyant* в Неаполе и Палермо. В 1801 г. — капитан флагманских кораблей адмирала Нельсона *SanJosef* и *St. George*. Проводил замеры глубины морского пролива в непосредственной близости от берега и кораблей противника накануне битвы при Копенгагене. В 1803 г. был переведен вместе с Нельсоном на линейный корабль *Викторы*. Проявил героизм в битве при Трафальгаре. Вместе с капитаном Блэквудом был свидетелем дополнительного распоряжения к завещанию Нельсона, последних часов и мгновений жизни адмирала. Баронет (1806). Контр-адмирал (1825). Начальник Главного морского штаба (1830 — 1834). Губернатор Гринвичского госпиталя (1834). Кавалер ордена Бани. Вице-адмирал (1837).

Хобхауз Джон (1786 — 1869) — барон, английский политический деятель, писатель, друг Байрона. Активный член Греческого комитета в Лондоне.

Худ Сэмюэл, лорд Худ (1724 — 1816) — виконт, британский адмирал. Главнокомандующий Средиземноморским флотом Великобритании (1793 — 1794).

Худ сэр Сэмюэл (1762 — 1814) — королевский морской офицер. Кузен лорда Хуца. Баронет. Кавалер ордена Бани. Контр-адмирал (1806), вице-адмирал (1811).

Чатам, Джон Питт (1756 — 1835) — граф, государственный и военный деятель Великобритании. Старший брат Уильяма Питта Младшего. Первый лорд Адмиралтейства (1788 — 1794). Генерал,

главнокомандующий британскими войсками во время Вальхеренской экспедиции (1809).

Чёрч сэр Ричард (1784 — 1873) — британский офицер, генерал греческой армии во время войны за независимость.

Шатобриан Франсуа Рене де (1768 — 1848) — виконт, французский писатель, государственный и политический деятель, дипломат.

Шеридан Ричард Бринсли (1751 — 1816) — британский драматург, поэт, политик либерального направления. По происхождению ирландец.

Элленборо Эдвард Ло (1750 — 1818) — барон, судья, государственный и политический деятель Великобритании. Занимал должность лорда — главного судьи (1802 — 1818).

Энгиенский Луи Антуан (1772 — 1804) — герцог, французский принц, представитель боковой ветви Бурбонов — Конде; служил в роялистской армии своего деда (принца Конде); после роспуска корпуса Конде поселился в Баденском герцогстве; был вывезен во Францию по приказу Наполеона, обвинен в участии в заговоре Кадудалья и Пишегрю и расстрелян по приговору военного суда.

Энкалада Мануэль Бланко (1790 — 1876) — политический деятель Чили, первый президент страны (1826). Вице-адмирал чилийского флота.

Янг сэр Уильям (1751 — 1821) — королевский морской офицер. Кавалер ордена Бани. Адмирал.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Залесский К. Наполеоновские войны 1799 — 1815. Биографический энциклопедический словарь. М.: Астрель, АСТ, 2003.

Исдейл Ч. Наполеоновские войны. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.

Моруа А. Дон Жуан, или Жизнь Байрона. Серия «ЖЗЛ». М.: Молодая гвардия, 2000.

Наполеон. Воспоминания и военно-исторические произведения. СПб., 1994.

О'Мира Б. Голос с острова Святой Елены: Воспоминания. М.: Захаров, 2004.

Пирсон Х. Вальтер Скотт. Серия «ЖЗЛ». М.: Молодая гвардия, 1978.

Шекспир В. Полное собрание сочинений в десяти томах. М.: Алконост, 1994.

Adkins, R., Adkins, L. Jack Tar. The Extraordinary Lives of Ordinary Seamen in Nelson's Navy. Abacus, London, 2010.

Adkins, R., Adkins, L. The War for All the Oceans. From Nelson at the Nile to Napoleon at Waterloo. Abacus, London, 2009.

Ayling, S. George The Third. Collins, London, 1972.

Black, J., and Woodfine, R, (eds.). The British Navy and the Use of Naval Power in the 18th Century. Leicester University Press, Leicester, 1988.

Cochrane, A. The Fighting Cochranes: a Scottish Clan over six hundred years of naval and military history. Quiller Press, London, 1983.

Cochrane, Tomas, 10th Earl ofDundonald. The Autobiography of a Seaman. Chatham Publishing, 2000.

Cochrane, Tomas, 10th Earl ofDundonald. Narrative of Services in the Liberation of Chile, Peru and Brazil from Spanish and Portuguese Domination. Ridgeway, London, 1859, 2 vols.

Coleman, T Nelson. Bloomsbury, London, 2005.

Cordingly, D. Cochrane the Dauntless. The Life and Adventures of Admiral Thomas Cochrane, 1775 — 1860. Bloomsbury, London, 2007.

Dale, R. Napoleon is Dead: Lord Cochrane and the Great Stock Exchange Scandal. Sutton Publishing, London, 2006.

Duffy, M. Profiles in Power: The Younger Pitt. Longman, Harlow, 2000.

Dundonald, Thomas Cochrane, Earl of, 1775 — 1860, The Autobiography of a Seaman. Introduction by Richard Woodman. Lyons Press, New York, 2000.

Esdaile, C. Napoleon's Wars. An International History, 1803 — 1815. Penguin Books, London, 2008.

Forester, C. S. (ed.) The Adventures of John Wetberell. London, 1954.

Fremont-Barnes, G The French Revolutionary Wars. Osprey, London, 2001.

Fremont-Barnes, G. & Fisher, T. The Napoleonic Wars. The Rise and Fall of an Empire. Osprey Publishing, 2004.

Gardiner, R. Frigates of the Napoleonic Wars. Chatham Publishing, London, 2000.

Gardiner, R. Warships of the Napoleonic Era. Chatham Publishing, London, 1999.

Grimble, I. The Sea Wolf: the life of Admiral Cochrane. London, 1978.

Hague, W. William Pitt the Younger. Harper Perennial, London, 2005.

Harvey, R. Cochrane: The Life and Exploits of a Fighting Captain. Carroll & Graf, New York, 2000.

Harvey, R. Liberators: Latin America's Struggle For Independence, 1810 — 1830. John Murray, London, 2000.

Harvey, R. The War of Wars. The Epic Struggle Between Britain and France 1793 — 1815. Constable, London, 2006.

Hill, R. The Prizes of War, the Naval Prize System in the Napoleonic Wars 1793 — 1815. Sutton Publishing, 1998.

James, W. Old Oak, The Life of John Jervis, Earl of St. Vincent. Longmans, Green & Co., London, 1950.

Kennedy, L. Nelson's Band of Brothers. London, 1951.

Knight, R. The Pursuit of Victory. The Life and Achievements of Horatio Nelson. Penguin Books, London, 2006.

Laird Clowes, W. The Royal Navy. A History from the Earliest Times to 1900, 7 vols. London, 1997.

Lavery, B. Empire of the Seas. How the Navy forged the modern world. Conway, London, 2009.

Lavery, B. Nelson's Navy, The Ships, Men and Organisation, 1793 — 1815. Conway, London, 1989.

Lavery, B. Royal Tars. The Lower Deck of the Royal Navy, 875 — 1850. Conway, London, 2010.

Lavery, B. The Ship of the Line, 2 vols. London, 1983.

Lee, C. Nelson and Napoleon. The Long Haul to Trafalgar. Headline, London, 2006.

Marryat, K. Life and Letters of Captain Marryat. London, 1872. Vol. I.

Morriss, R. The Royal Dockyards During the Revolutionary and Napoleonic Wars. Leicester, 1983.

Mostert, N. The Line Upon A Wind. The Greatest War Fought at Sea under Sail 1793 — 1815. Vintage Books, London, 2008.

Norwich, J. J. The Middle Sea. A History of the Mediterranean. Vintage Books, London, 2007.

O'Brian, P. Master and Commander. London, 1970.

Oman, C. Nelson. Hodder & Stoughton, London, 1987.

Pocock, T. Horatio Nelson. Headline, London, 1987.

Pope, D. Life in Nelson's Navy. Naval Institute Press, Md., 1981.

Roe, W. K. Wilkes, Sheridan. Fox: The Opposition Under George III. Isbister, London, 1874.

Stephenson, C. The Admiral's Secret Weapon: Lord Dundonald and the Origins of Chemical Warfare. Boydell Press, 2006.

Thomas, D. Cochrane: Britannia's Sea Wolf. London, 1978.

Unwin, B. Terrible Exile. The Last Days of Napoleon on St Helena. LB. TAURIS, London, 2010.

Vale, B. Cochrane in the Pacific. Fortune and Freedom in Spanish America. LB. TAURIS, London, 2008.

Vale, B. Independence or Death! British Sailors and Brazilian Independence 1822 — 25. London, 1996.

Vale, B. The Audacious Admiral Cochrane: the true life of a naval legend. Conway Maritime Press, London, 2004.

Wareham, T. Frigate Commander. Pen & Sword Maritime, 2004.

Watson, J.S. The Reign of George III, 1760 — 1815. Clarendon Press, Oxford, 1985.

White, C. (ed). Nelson. The New Letters. The Boydell Press in association with the National Maritime Museum and Royal Naval Museum, 2007.

ISBN 978-5-4444-1060-8

9 785444 410608

Французская революция и войны конца XVIII — начала XIX века изменили политическую карту Европы и привели к большим переменам на других континентах. Захват Наполеоном Испании и Португалии нанес разрушительные удары по колониальным империям и вызвал подъем национально-освободительного движения народов Латинской Америки. Активнейшим участником и одним из лидеров вооруженной борьбы за освобождение южноамериканских стран от испанского и португальского владычества стал британский моряк Томас Кохрейн, ранее прославившийся в войнах против Франции. Лорд Кохрейн прожил необыкновенную и полную приключений жизнь, а его военные подвиги поражали свидетелей и современников и продолжают волновать любителей истории.

HISTORY
FILES

notes

Примечания

Harvey, R. The War of Wars. The Epic Struggle Between Britain and France 1793 — 1815. Constable, London, 2006. P. 75.

Hague, W. William Pitt the Younger. Harper Perennial, London, 2005.P. 271.

Размышления о революции во Франции (полное название — Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию, в ПИСЬМЕ, предназначенном для парижского дворянина, написанном почтенным Эдмундом Бёрком).

Harvey, R. The War of Wars. The Epic Struggle Between Britain and France 1793 — 1815. Constable, London, 2006. P. 72.

Harvey, R. The War of Wars. The Epic Struggle Between Britain and France 1793 — 1815. Constable, London, 2006. P. 72.

6

Там же.

7

Там же.

Harvey, R. The War of Wars. The Epic Struggle Between Britain and France 1793 — 1815. Constable, London, 2006. P. 72 — 73.

Harvey, R. The War of Wars. The Epic Struggle Between Britain and France 1793 — 1815. Constable, London, 2006. P. 71 — 72.

Линейные корабли должны формировать главную линию кораблей во время боя.

Harvey, R. The War of Wars. The Epic Struggle Between Britain and France 1793 — 1815. Constable, London, 2006. P. 484-485.

Вилберфорс Уильям (1759 — 1833) — британский политик, филантроп и лидер движения за отмену работорговли.

Hague, W. William Pitt the Younger. Harper Perennial, London, 2005.P. 345.

Там же. С. 346.

Там же. С. 348.

Hague, W. William Pitt the Younger. Harper Perennial, London, 2005.
P. 350.

Хабеас Корпус Акт (Habeas Corpus Act) — закон, принятый 26 мая 1679 г. английским парламентом. Полное название: Акт о лучшем обеспечении свободы подданного и о предупреждении заточений за морями (то есть вне пределов Англии). Согласно этому закону, судьи были обязаны по жалобе лица, считающего свой арест или арест кого-либо другого незаконным, требовать срочного представления арестованного суду для проверки законности ареста или для судебного разбирательства; заключение обвиняемого в тюрьму могло производиться только по предъявлении приказа с указанием причины ареста.

Hague, W. William Pitt the Younger. Harper Perennial, London, 2005.
P. 353.

Британское адмиралтейство — военно-морское ведомство Великобритании. Комплекс зданий Адмиралтейства расположен на Уайтхолл, в Лондоне. Глава Адмиралтейства — первый лорд Адмиралтейства — одно временно являлся членом правящего кабинета.

Hague, W. William Pitt the Younger. Harper Perennial, London, 2005.
P. 361.

Там же. С. 363.

Там же.

Там же.

Hague, W. William Pitt the Younger. Harper Perennial, London, 2005.
P. 369.

Hague, W. William Pitt the Younger. Harper Perennial, London, 2005.
P. 372.

Там же.

Там же. С. 378.

Там же.

Там же.

Hague, W. William Pitt the Younger. Harper Perennial, London, 2005.P. 378 — 379.

Шекспир В. Полн. собр. соч. в 10 томах. М.: Алконост, 1994. Т. 1.
С. 508. Перевод Е. Бируковой.

Harvey, R. The War of Wars. The Epic Struggle Between Britain and France 1793 — 1815. Constable, London, 2006. C. 455.

Шлюп (боевой корабль парусный, класс) в британском королевском флоте XVIII — середины XIX века — корабль, не имеющий ранга, с рейтингом «24-пушечный» или ниже, и потому не требующий командира в звании капитана.

Adkins, R., Adkins, L. The War for All the Oceans. From Nelson at the Nile to Napoleon at Waterloo. Abacus, London, 2009. P. XXV.

Harvey, R. The War of Wars. The Epic Struggle Between Britain and France 1793 — 1815. Constable, London, 2006. P. 467.

Cordingly, D. Cochrane the Dauntless. The Life and Adventures of Admiral Thomas Cochrane, 1775 — 1860. Bloomsbury, London, 2007. P. 72.

Елизавета I (1533 — 1603) — королева Англии из рода Тюдоров, правившая в 1558 — 1603 годах. Дочь Генриха VIII и Анны Болейн.

Траверз — направление, перпендикулярное диаметральной плоскости судна.

Lee, C. Nelson and Napoleon. The Long Haul to Trafalgar. Headline, London, 2006. P. 327 — 331.

Бат — английский курорт с горячими минеральными источниками.

Hague, W. William Pitt the Younger. Harper Perennial, London, 2005.P. 567.

Там же. С. 574.

Там же. С. 579.

Там же.

Harvey, R. The War of Wars. The Epic Struggle Between Britain and France 1793 — 1815. Constable, London, 2006. P. 486-487.

Там же. С. 333.

Там же.

Harvey, R. The War of Wars. The Epic Struggle Between Britain and France 1793 — 1815. Constable, London, 2006. P. 334.

Савари Анн Жан Мари Рене (1774 — 1833) — герцог Ровиго, французский политический деятель, дивизионный генерал; с 1800 года доверенное лицо и адъютант Наполеона; глава тайной полиции, раскрыл заговор Кадудалья и Пишегрю; руководил арестом герцога Энгиенского и судом над ним; участник кампаний 1805 — 1807 годов, после Тильзитского мира (1807) уполномоченный при российском дворе в Петербурге; министр полиции (1810 — 1814); неутомимый исполнитель приказаний Наполеона, которому был всецело предан; пэр Франции (1815); после второго отречения императора был в изгнании (до 1819 г.).

О'Мира Б. Голос с острова Святой Елены: Воспоминания. М.: Захаров, 2004. С. 436.

Harvey, R. The War of Wars. The Epic Struggle Between Britain and France 1793 — 1815. Constable, London, 2006. P. 334.

Cordingly, D. Cochrane the Dauntless. The Life and Adventures of Admiral Thomas Cochrane, 1775 — 1860. Bloomsbury, London, 2007. P. 176.

Там же. С. 175.

Cordingly, D. Cochrane the Dauntless. The Life and Adventures of Admiral Thomas Cochrane, 1775 — 1860. Bloomsbuiy, London, 2007. P. 178.

Знак высшего отличия — красный флаг, далее следуют белый и синий флаги.

Condingly, D. Cochrane the Dauntless. The Life and Adventures of Admiral Thomas Cochrane, 1775 — 1860. Bloomsbury, London, 2007. P. 181.

Cordingly, D. Cochrane the Dauntless. The Life and Adventures of Admiral Thomas Cochrane, 1775 — 1860. Bloomsbury, London, 2007. P. 182.

Harvey, R. The War of Wars. The Epic Struggle Between Britain and France 1793 — 1815. Constable, London, 2006. P. 539.

Cordingty, D. Cochrane the Dauntless. The Life and Adventures of Admiral Thomas Cochrane, 1775 — 1860. Bloomsbury, London, 2007. P. 187.

Cordingly, D. Cochrane the Dauntless. The Life and Adventures of Admiral Thomas Cochrane, 1775 — 1860. Bloomsbury, London, 2007. P. 193.

Там же.

Harvey, R. The War of Wars. The Epic Struggle Between Britain and France 1793 — 1815. Constable, London, 2006. P. 543.

Cordingly, D. Cochrane the Dauntless. The Life and Adventures of Admiral Thomas Cochrane, 1775 — 1860. Bloomsbury, London, 2007. P. 194.

Harvey, R. The War of Wars. The Epic Struggle Between Britain and France 1793 — 1815. Constable, London, 2006. P. 545.

Cordingly, D. Cochrane the Dauntless. The Life and Adventures of Admiral Thomas Cochrane, 1775 — 1860. Bloomsbury, London, 2007. P. 196.

Там же.

Cordingly, D. Cochrane the Dauntless. The Life and Adventures of Admiral Thomas Cochrane, 1775 — 1860. Bloomsbuiy, London, 2007. P. 201.

Cordingly, D. Cochrane the Dauntless. The Life and Adventures of Admiral Thomas Cochrane, 1775 — 1860. Bloomsbury, London, 2007. P. 202.

Cordingly, D. Cochrane the Dauntless. The Life and Adventures of Admiral Thomas Cochrane, 1775 — 1860. Bloomsbuiy, London, 2007. P. 203.

Cordingfy, D. Cochrane the Dauntless. The Life and Adventures of Admiral Thomas Cochrane, 1775 — 1860. Bloomsbuiy, London, 2007. P. 204.

О'Мира Б. Голос с острова Святой Елены: Воспоминания. М.: Захаров, 2004. С. 510.

Cordingly, D. Cochrane the Dauntless. The Life and Adventures of Admiral Thomas Cochrane, 1775 — 1860. Bloomsbury, London, 2007. P. 206.

Cordingly, D. Cochrane the Dauntless. The Life and Adventures of Admiral Thomas Cochrane, 1775 — 1860. Bloomsbury, London, 2007. P. 209.

Cordingly, D. Cochrane the Dauntless. The Life and Adventures of Admiral Thomas Cochrane, 1775 — 1860. Bloomsbuiy, London, 2007. P. 214.

Cordingly, D. Cochrane the Dauntless. The Life and Adventures of Admiral Thomas Cochrane, 1775 — 1860. Bloomsbury, London, 2007. P. 109.

Hague, W. William Pitt the Younger. Harper Perennial, London, 2005.
P. 15.

Премьер-министр Великобритании в 1770 — 1782 годах.

Harvey, R. The War of Wars. The Epic Struggle Between Britain and France 1793 — 1815. Constable, London, 2006. P. 77.

Ховард Чарльз, 11-й герцог Норфолк (1746 — 1815), активный деятель партии вигов.

Hague, W. William Pitt the Younger. Harper Perennial, London, 2005.P. 419.

Там же. С. 420.

Cordingly, D. Cochrane the Dauntless. The Life and Adventures of Admiral Thomas Cochrane, 1775 — 1860. Bloomsbury, London, 2007. P. 126.

Cordingly, D. Cochrane the Dauntless. The Life and Adventures of Admiral Thomas Cochrane, 1775 — 1860. Bloomsbury, London, 2007. P. 128.

Шхуна — тип парусного судна, имеющего не менее двух мачт и косые паруса на всех мачтах.

Cordingly, D. Cochrane the Dauntless. The Life and Adventures of Admiral Thomas Cochrane, 1775 — 1860. Bloomsbury, London, 2007. P. 133.

Cordingly, D. Cochrane the Dauntless. The Life and Adventures of Admiral Thomas Cochrane, 1775 — 1860. Bloomsbury, London, 2007. P. 219.

Великая хартия вольностей (лат. Magna Charta Libertatum, англ. The Great Charter) — грамота, подписанная английским королем Иоанном Безземельным 15 июня 1215 г. Написана на латинском языке, содержит 63 статьи. Подписанию В. х. в. предшествовало восстание баронов, которые были недовольны усилением королевской власти. В восстании участвовали также рыцари и горожане, выступавшие против налогового гнета, притеснений со стороны королевских чиновников и неудачной внешней политики короля. Большинство статей В. х. в., закрепившей временную победу баронов над королем, отражало интересы феодальной аристократии. В. х. в. гарантировала соблюдение королем феодальных обычаев по отношению к его вассалам — баронам, запрещала взимать субсидии с феодалов без их согласия, судить баронов иначе как судом равных им по званию пэров; она ликвидировала право короля вмешиваться в юрисдикцию феодальных курий и создавала комитет из 25 баронов, который в случае нарушения хартии королем мог начать против него войну... Всем свободным людям гарантировалась защита от произвола чиновников (из Большой советской энциклопедии).

Кохрейн говорил не о лорде Худе (1724 — 1816), а о его *кузене* сэре Сэмюэле Худе (1762 — 1814).

Cordingfy, D. Cochrane the Dauntless. The Life and Adventures of Admiral Thomas Cochrane, 1775 — 1860. Bloomsbury, London, 2007. P. 224.

Cordingfy, D. Cochrane the Dauntless. The Life and Adventures of Admiral Thomas Cochrane, 1775 — 1860. Bloomsbury, London, 2007. P. 231.

Cordingly, D. Cochrane the Dauntless. The Life and Adventures of Admiral Thomas Cochrane, 1775 — 1860. Bloomsbury, London, 2007. P. 233.

Cordingly, D. Cochrane the Dauntless. The Life and Adventures of Admiral Thomas Cochrane, 1775 — 1860. Bloomsbury, London, 2007. P. 237.

В 1811 году король Георг III был признан недееспособным, и его старший сын принц Уэльский был провозглашен принцем-регентом.

Cordingty, D. Cochrane the Dauntless. The Life and Adventures of Admiral Thomas Cochrane, 1775 — 1860. Bloomsbury, London, 2007. P. 239.

Cordingly, D. Cochrane the Dauntless. The Life and Adventures of Admiral Thomas Cochrane, 1775 — 1860. Bloomsbury, London, 2007. P. 247.

Cordingly, D. Cochrane the Dauntless. The Life and Adventures of Admiral Thomas Cochrane, 1775 — 1860. Bloomsbury, London, 2007. P. 257.

Cordingly, L. Cochrane the Dauntless. The Life and Adventures of Admiral Thomas Cochrane, 1775 — 1860. Bloomsbury, London, 2007. P. 262 — 263.

Святой Елены остров (Saint Helena Island) — остров в южной части Атлантического океана. Колония Великобритании. Площадь 122 км². Главный город и порт — Джеймстаун. Сложен главным образом базальтами; в южной части — несколько кратеров потухших вулканов. Высота до 818 м. Климат тропический, пассатный. Растительность — луга и кустарники. Открыт в 1502 г. португальцами (из Большой советской энциклопедии).

Cordingly, D. Cochrane the Dauntless. The Life and Adventures of Admiral Thomas Cochrane, 1775 — 1860. Bloomsbury, London, 2007. P. 267.

Там же.

Unwin, B. Terrible Exile. The Last Days of Napoleon on St Helena. LB.TAURIS, London, 2010. P. 188.

Adkins, R., Adkins, L. The War for All the Oceans. From Nelson at the Nile to Napoleon at Waterloo. Abacus, London, 2009. P. 471 — 472.

Cordingfy, D. Cochrane the Dauntless. The Life and Adventures of Admiral Thomas Cochrane, 1775 — 1860. Bloorosbury, London, 2007. P. 272.

Cordingly, D. Cochrane the Dauntless. The Life and Adventures of Admiral Thomas Cochrane, 1775 — 1860. Bloomsbury, London, 2007. P. 276.

Coningly, D. Cochrane the Dauntless. The Life and Adventures of Admiral Thomas Cochrane, 1775 — 1860. Bloomsbuiy, London, 2007. P. 284.

Там же.

Там же.

Cordingly, D. Cochrane the Dauntless. The Life and Adventures of Admiral Thomas Cochrane, 1775 — 1860. Bloomsbury, London, 2007. P. 291.

Cordingly, D. Cochrane the Dauntless. The Life and Adventures of Admiral Thomas Cochrane, 1775 — 1860. Bloomsbuiy, London, 2007. P. 293.

Cordingly, D. Cochrane the Dauntless. The Life and Adventures of Admiral Thomas Cochrane, 1775 — 1860. Bloomsbury, London, 2007. P. 295.

Vale, B. Cochrane in the Pacific. Fortune and Freedom in Spanish America. LB. TAURIS, London, 2008. P. 177 — 178.

Успешную эвакуацию королевского двора провел сэр Уильям Сидней Смит. Английская эскадра появилась перед столицей Португалии в конце октября 1807 года. Когда корабли отчалили, взяв курс на Рио-де-Жанейро, на борту находились десять тысяч человек — королевская семья, двор и вся местная знать, а также коронные драгоценности, королевская библиотека, серебро, кареты, много другого имущества. Португальский флот был также эвакуирован.

Cordingty, D. Cochrane the Dauntless. The Life and Adventures of Admiral Thomas Cochrane, 1775 — 1860. Bloomsbury, London, 2007. P. 310.

Моруа Л. Дон Жуан, или Жизнь Байрона. Серия «ЖЗЛ». М: Молодая гвардия, 2000. С. 354.

В 1820 году умер Георг III, и принц-регент стал королем под именем Георга IV.

Cordingly, D. Cochrane the Dauntless. The Life and Adventures of Admiral Thomas Cochrane, 1775 — 1860. Bloomsbury, London, 2007. P. vii.

В мае 1803 года англичане захватили французские суда, и это стало первым враждебным актом новой войны. В октябре 1804 года британцы атаковали четыре испанских корабля, которые везли сокровища из колоний. Один корабль был взорван, а три других захвачены. На борту одного из этих судов находились богатства на сумму, эквивалентную миллиону фунтов стерлингов. Следом Испания объявила войну Великобритании.

Cordingfy, D. Cochrane the Dauntless. The Life and Adventures of Admiral Thomas Cochrane, 1775 — 1860. Bloomsbury, London, 2007. P. 357.

Там же. С. 358.

Harvey, R. The War of Wars. The Epic Struggle Between Britain and France 1793 — 1815. Constable, London, 2006. P. 486.